

Главное командование внутренних войск МВД России
Институт военной истории
Министерства обороны Российской Федерации

**АРМИЯ И ВНУТРЕННИЕ
ВОЙСКА В
ПРОТИВОПОВСТАНЧЕСКОЙ И
ПРОТИВОПАРТИЗАНСКОЙ
БОРЬБЕ**

Мировой опыт и современность

**Под общей редакцией
генерал-полковника Шкирко А.А.,
генерал-майора Золотарева В.А.**

Москва

1997

Работа выполнена авторским коллективом в составе: кандидата военных наук полковника Богданова В.Н.- руководитель, кандидата военных наук полковника Осадчего С.П., кандидата исторических наук полковника Терехова В. В.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга не о завершившихся военных действиях в Чечне. Она вообще не посвящена исследованию какого-либо конкретного вооруженного конфликта. Но, прочитав ее, и участник чеченских событий, и ветеран афганской войны, и воин-интернационалист, выполнявший свой служебный долг в одной из множества "горячих точек" на далеких континентах, справедливо подумает, что это книга о его войне.

При скромном объеме рамки работы весьма велики. Они простираются в глубь веков, куда уводит авторов сам предмет исследования. Он же побуждает их обоснованно предсказывать ему долгое будущее. Перед читателем предстает впечатляющая панорамная картина - целостная благодаря сквозной идее и в то же время мозаичная в результате показа множества однопорядковых событий в различных частях мира. В сочетании с эмоциональным и доходчивым изложением интересного и системно подобранного материала эти обстоятельства, думается, обеспечат книге достойную читательскую оценку.

Речь в ней идет о военной опасности особого рода, к отражению которой многие государства, их передовая военная наука, мощные регулярные армии и силы внутренней безопасности часто оказывались необъяснимым образом неподготовленными. Не избежала этого и Россия - как в далеком историческом прошлом, так и в новейшее время. Более того, сегодня, когда несколько спала угроза внешней агрессии, наблюдается нарастание тенденции к умножению числа очагов внутренней и периферийной нестабильности, принимающей формы повстанческого движения, гражданских войн, спонтанных вооруженных столкновений, террористических действий, диверсионно-подрывных акций, выступлений организованной преступности.

Это масштабные реалии сегодняшней России, как и многих зарубежных стран. А отечественный и мировой опыт настойчиво убеждает, что борьба с такими явлениями может успешно вестись не столько числом, сколько умением, сочетанием силовых и невоенных средств и приемов, координированными усилиями различных ведомств и учреждений, вдумчивым государственным строительством и разумной социально-экономической политикой, обеспечивающей общественную гармонию.

Такие явления лучше предотвращать. Но если превентивные меры не дают результата, нужно быть готовым к умелому применению всех имеющихся средств ради торжества закона, безопасности государства и его граждан, включая адекватно дозированное вооруженное насилие в исполнении профессионалов.

Данная работа ценна также тем, что возвращает отечественному военному делу некогда изъятую из него обширную самостоятельную область знаний, по крупницам добытых в свое время гением российских и зарубежных исследователей и полководцев.

Благодаря этому труд является исключительно своевременным и полезным, вызывающим к безотлагательному усвоению уроков истории при развитии теории и практики военного строительства и реформирования, совершенствовании искусства борьбы с иррегулярными формированиями, создании новых методик изучения и оценки потенциальных и действующих нетрадиционных угроз безопасности Отечества, ныне выдвигающихся на первый план.

Генерал армии А.Куликов

Преподается ли у нас где-либо теория партизанской войны вообще и нашей русской в особенности, хоть в самых малых размерах? Есть ли у нас учебные руководства о ней, кроме книг Давыдова? К сожалению, нет. Несколько строк в учебниках, с постоянным повторением, не составляют еще ни истории, ни теории партизанской войны. А между тем, война эта действительно имеет и свою историю, и свою теорию, и свою практику ...

Князь Л.С.Голицын

ВВЕДЕНИЕ

Предмет, которому посвящено настоящее исследование, не только с трудом поддается объективному анализу, но и с удивительным постоянством, чаще всего преднамеренно, остается за рамками специальных военных исследований и описаний боевой действительности. Он никогда не брался в фундаментальную проработку отечественной наукой, не подвергался попыткам его корректного вписывания и систему национального и международного законодательства, ему повсеместно отказывается в достойном месте в технологиях подготовки и ведения вооруженной борьбы - месте, принадлежащем ему по праву уже в силу того, что он ровесник и детище государства. При строительстве вооруженных сил современных государств, оборонительные доктрины которых в подавляющем большинстве случаев провозглашают однозначную ориентацию на борьбу с внешним противником, не встретишь и признаков серьезного профессионального отношения к вооруженным восстаниям и партизанской борьбе как к виду военной опасности - ни в организации, ни в вооружении, ни в обучении. В контексте внутренней политики государства, всячески избегающего обвинения в полицейскости, этот аспект чрезвычайно деликатен в идейно-политическом, этническом, религиозном и других отношениях и предпочитает оставаться фигурой умолчания, контуры которой лишь иногда проступают через неопределенную фразеологию.

И действительно, в противном случае пришлось бы вводить и наполнять конкретным содержанием понятие "внутренний противник", принимать превентивные меры по парализации его воли к активным действиям, поражать его в правах до совершения противоправного выступления, в целом

лишить все общество блага мирного состояния. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, это трудно осуществимо технически, невыгодно политически и едва ли повторимо в современных условиях.

Можно предположить, что по аналогичным причинам остается в тени и вопрос борьбы с повстанцами и партизанами внешнего противника, так как они появляются только на оккупированной территории.

Но и в прежние времена, когда государственная власть не была столь чувствительна к оценкам своей деятельности со стороны собственного населения и международного окружения, этот аспект ее военной политики не приобрел систематизированного вида и самостоятельности, хотя огромную часть своих усилий и времени она уделяла борьбе с внутренним врагом, покоряя народы, продвигая границы владений, подавляя бесконечные бунты, восстания и мятежи.

Важно еще раз подчеркнуть, что во все времена вооруженная борьба с инсургентами представляла собой военную деятельность особого рода. Но при этом она велась по существу ради тех же целей, из-за которых велись войны с внешним врагом - контроль над территорией, нормальное функционирование государственных институтов и системы управления, безопасность граждан, суверенитет и международный престиж, разнообразные и меняющиеся национально-государственные интересы. Применяя современную терминологию, в известной мере о подобных коллизиях можно говорить как о внутренних локальных войнах. Их и объединяет с внешними локальными войнами много общего: формы и способы ведения, боевой и численный состав задействованных сил, масштабы и характер борьбы, до конца не познанная природа и сущность этих войн в наборе отличительных признаков по отношению к полномасштабным войнам между государствами.

Широко распространено мнение, что должным образом организованная, обученная, обеспеченная по нормам армия, по предназначению способная противостоять подобному ей противнику, в состоянии справиться с любой другой уступающей ей силой, тем более - с плохо вооруженным, повоевному необученным и неорганизованным гражданским населением, с создаваемыми им только в ходе борьбы импровизированными армиями. На практике же во многих случаях, подтвержденных отечественным и зарубежным опытом, даже превосходящего по силам регулярного противника оказывалось разбить легче, чем, применяя традиционные приемы и способы борьбы, которым только и обучаются войска, быстро и с минимальными потерями (людскими, материальными, морально-политическими) обуздать стихию восстания и партизанской войны.

Для иллюстрирования этого положения приведем лишь ряд примеров из нашего времени, периода после второй мировой войны, когда несмотря на повторяющиеся предостерегающие уроки, новые политики и полководцы с удручающей последовательностью и пренебрежением к своему против-

нику повторяли шаги и ошибки своих предшественников в различных частях земного шара.

Так, антифранцузское восстание в Индокитае вылилось в массовое вооруженное сопротивление местного населения. Колоссальное преимущество в силах и средствах, в обученности и подготовленности личного состава войск, в других классических компонентах военного потенциала не смогли обеспечить победы Франции. Для нее многолетняя война закончилась катастрофой, экономическим и политическим кризисом, падением престижа армии, ухудшением международного положения страны. И тем не менее без паузы Франция ввергается в аналогичную ситуацию на Африканском континенте - в Алжире. Действуя по существу теми же методами, она будто бы вновь столкнулась с тем же самым противником и пришла к тому же результату.

Тем временем Францию в Индокитае сменяет еще более мощный военный гигант - США. Внеся некоторые особенности в способы осуществления интервенции, неуклонно наращивая свою группировку, американские войска, как до этого французы, прошли те же стадии упадка на пути к осознанию своего бессилия и поражению. Оно оказалось настолько сокрушительным, ошеломительным и неожиданным для американского общества (при том, что не носило формы разгрома), что вызвало глубокую и болезненную ревизию всей военной политики государства, а "вьетнамский синдром" и по сей день незримо определяет вероятность применения американских вооруженных сил.

Наконец, горечь фактического поражения испытали и советские войска в Афганистане. Как писал французский "Журнал национальной обороны", "ветераны войны в Индокитае и Алжире с удивлением наблюдают, как советские войска в Афганистане демонстрируют такую же неэффективность, несут такие же потери и делают такие же досадные ошибки, что и мы в свое время". До сих пор предпринимаются попытки объяснить это тем, что в Афганистане СССР войны не вел. Действительно, не было войны, которая ожидалась, к которой готовились войска и штабы, которую изучали в академиях и планировали стратеги, которая соответствовала бы представлениям, изложенным в учебниках, уставах и наставлениях.

К числу наиболее ярких примеров можно было отнести победы повстанцев над регулярными армиями на Кубе и в Никарагуа, в Анголе и Мозамбике, а также во многих других странах. Важнее другое: все они не столько говорят о необъяснимой однотипности действий побежденной стороны, сколько привлекают внимание к способу действий победителя, достаточно действенному, чтобы трансформировать свою изначальную слабость в итоговое превосходство, вынудить противника делать ошибку за ошибкой и в конечном счете заставить его отказаться от продолжения войны.

¹ Revue de defense nationale. 1983. N1. P. 25.

При панорамном рассмотрении такая модель противоборства предстает как устойчивый, повторяемый, воспроизводимый и взаимообогащаемый интернациональный военный метод, вбирающий в себя как традиции далекого прошлого, так и последние достижения многих стран и народов в искусстве подготовки и ведения войн. Более того, множественные подтверждения эффективности этого метода, легкость инициирования партизанства и повстанчества при незначительности начальных условий делают его едва ли не только самым заметным реальным явлением всемирной военной истории второй половины XX века, но и, после слома биполярной модели взаимосдерживания, самой большой военной опасностью глобального масштаба.

Предваряя раскрытие сущностных черт этого метода, здесь уместно отметить его универсальность: он служит средством борьбы за социальное и национальное освобождение, коррекции и отвержения государственной политики (революции и контрреволюции), обороны страны и сдерживания агрессора, способом действий части вооруженных сил или специальных войск, он обладает впечатляющим потенциалом саморазвития практически в любых средах, он применяется сепаратистами, политическими террористами и просто преступниками.

Уже в силу этого, а также разнообразия и текучести конкретных форм, приспособляемости к историческому времени его сущность отображается до сих пор неустоявшимися различными (подчас одним и тем же автором) терминологическими обозначениями, передающими какие-либо содержательные нюансы или отношение к предмету: "народная война", "затяжная", "партизанская", "иррегулярная", "повстанческая", "подрывная", "асимметричная", "полувойна", "герилья", "малая война" и др.

Как правило, если восстание не завершается или не исчерпывается однократным действием, приводящим к победе или поражению, а распространяется, вступая в новые фазы, во времени и пространстве, то сопротивление восставших постепенно выливается в одну из этих форм. При этом малая война (партизанская, иррегулярная) постепенно приобретает значение основного содержания сопротивления и становится самым сильным средством восстания, определяющим в зависимости от ее ведения его динамику, ход и исход.

Исследование опыта ведения противоповстанческой и контрпартизанской борьбы немыслимо без предварительного решения задач первого этапа познания - проведения всестороннего исследования и раскрытия метода борьбы самих повстанцев и партизан. Это тем более важно, так как многие исследователи сходятся во мнении, что "никакой особой стратегии или тактики войны на бандитском фронте искать не приходится, а следует лишь хорошенько возобновить в памяти приемы малой войны"². Чтобы следовать данной рекомендации, выведенной из богатейшего военного

2 Какурин Н. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. 1922. № 1. С. 100.

опыта этапа становления и консолидации советской власти в СССР, нынешнему поколению заинтересованных специалистов потребуются проделать еще более значительную интеллектуальную работу, ибо невозможно возобновить в памяти то, что в течение многих десятилетий было фактически изъято из системы военного образования и подготовки войск.

Сегодня требуется иное - то, к чему вызывают насущные потребности дня и практические задачи обеспечения безопасности и стабильности в России, без чего военная наука предстает в ущербном виде, а боеспособность вооруженных сил не отвечает принципу поливалентности, то есть способности и готовности эффективно парировать всю гамму военных угроз. Вынесенная в эпиграф данного труда сочувственная констатация в 1859 г. этого факта генерал-майором русского Генерального штаба князем Н.С.Голицыным, к сожалению, сохраняет свою актуальность, а состояние вопроса еще более усугубилось.

Исходя из этого, основной целью предпринимаемого исследования является комплексное раскрытие сущностных признаков и свойств малой (партизанской) войны, а на этой основе - вскрытие в динамике вооруженной борьбы слабых сторон партизанских сил и регулярных армий в интересах эффективного применения вооруженных сил и внутренних войск государства при решении задач обеспечения национальной безопасности и конституционного правопорядка.

Подтверждая справедливость утверждения Н.С. Голицына, что у войны такого рода есть своя история, теория и практика, предполагается проанализировать и обобщить ход и основные результаты ряда современных войн и конфликтов, в которых с наибольшей наглядностью проявилась боевая эффективность регулярных войск в борьбе с иррегулярным противником; выявить ведущие принципы формирования и реализации потенциала малой войны в контексте общенациональной, региональной и локальной военно-политической обстановки; систематизировать способы применения военной силы в сочетании с невоенными средствами в противопартизанской (противоповстанческой) борьбе; показать ее воздействие на эволюцию военного строительства и концепцию национальной безопасности современных государств; выделить главные аспекты теории данной проблемы.

В то же время в силу указанных причин данная работа не может быть просто сборником исторических и тактических примеров, инструкцией по стабилизации военно-политической обстановки в Чечне и других областях России, или своего рода наставлением по нейтрализации активно действующей оппозиции. Это, скорее, объективное рассмотрение особого метода военных действий, один из начальных шагов по закрытию бреши в системе военных знаний.

Такой подход, обеспечивая достижение основных заявленных результатов исследования, позволяет в то же время сосредоточиться на ядре про-

блемы, избежать ненужной детализации при рассмотрении конкретных проявлений, оставить за рамками второстепенные в данном контексте вопросы происхождения, причинности, справедливости вооруженной борьбы и другие, важные в других случаях, аспекты.

Изучение боевых возможностей противника, способа ведения им боевых действий и разработка на этой основе методики противодействия ему - прямая функция военной науки. В то же время новые реалии, военно-доктринальные ориентиры России, практические задачи рационального реформирования ее Вооруженных Сил и всей военной организации в целом обязывают отечественную науку активизировать также свою прогностическую и рекомендательную функцию.

В этом плане можно считать фактом, когда всякий раз армии крупнейших держав мира, сталкиваясь с партизанским сопротивлением, оказывались не готовыми к осознанной планомерной борьбе с ним и в силе этого были вынуждены на месте проходить суровую школу этой необычной войны, открывать для себя ее законы. Так, например, совсем немного времени прошло после вывода советских войск из Афганистана, где они методом самообразования постигали науку противобандитской и противопартизанской борьбы. Но сегодня, когда многие из участников афганской эпопеи прошли Чечню, они в один голос говорят, что уроки Афганистана полностью забыты. Здесь уместно воспроизвести саркастическое замечание главкома С.С.Каменева по поводу действий красноармейских отрядов при ликвидации повстанчества в Дагестане в 20-х годах. В предисловии к работе "Красная армия в горах. Действия в Дагестане" он пишет: "Теоретики с вытаращенными глазами должны теперь смотреть на Красную армию, как на людей особой породы, испытывающих на своей собственной шкуре все прелести нецелесообразной организации и вооружения и пр., проделывающих все опыты, которые давным-давно осуждены наукой"³. Разработавший еще в 1923 г. путем обобщения опыта борьбы с иррегулярными формированиями в Средней Азии универсальную "Систему борьбы с басмачеством (бандитизмом)" крупный советский военачальник как бы говорит о военных действиях сегодняшнего дня в том же самом районе, ибо ни "особая порода" участников конфликта, ни оценка их самоотверженных усилий никоим образом не изменились, и, следовательно, для каждой новой войны придется писать новые уставы, причем непременно кровью.

Характерно и другое: почти во всех конфликтах подобного рода, когда они вступают в высшие стадии развития и набирают размах, следует признание невозможности достижения победы или умиротворения исключительно военными средствами. Действительно, чаще всего, как утверждал М.Тухачевский, в этом случае "борьбу приходится вести, в основном, не с бандитами, а со всем местным населением"⁴, как если бы пришлось воевать с

другим государством. Но если до сих пор никому в голову не пришла мысль о бесполезности оборонных приготовлений ввиду угрозы столкновения с другим государством, у которого наличествует организованная вооруженная сила (армия) и питающее и поддерживающее ее население, то только потому, что это опровергнуто многовековой практикой и закреплено в военной науке, предписывающей определенные правила достижения победы, разгрома военных сил противника.

И в этом случае малая война стоит как бы особняком, она в представлениях не посвященных в ее логику, войной не является, в их сознании не поднимается выше уровня изолированной специальной операции или кампании в нетипичных условиях. Утверждения о невозможности победы происходят из осознания собственного непрофессионализма, обусловленного незнанием истории, плохой научно-теоретической и соответствующей оперативно-боевой подготовкой, неадекватной организацией, вооружением и методологией. Втягиваясь в малую войну постепенно и малыми порциями, пренебрежительно не замечая опасности первых тлеющих очагов до самого момента возгорания земли под ногами, регулярные армии игнорируют другой важнейший постулат М.Тухачевского, сформулированный им на основе личного опыта: "В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую войну, которая должна закончиться прочной оккупацией восставшего района..."⁵.

Вплотную к этому стоит вопрос о привлекаемых для борьбы с повстанцами и партизанами силах и средствах, а конкретно - о месте и роли в этой борьбе внутренних войск и аналогичных им формирований. Его рассмотрению будут посвящены другие разделы, но уже здесь можно сказать, что непременно взаимодействуя с армией, внутренние войска выполняют лишь часть специфических задач и не могут составлять основу контрпартизанских боевых сил. Есть ряд обоснований этого, кроме указанного выше М.Тухачевским. Известно, что, во-первых, ставящее перед собой решительные цели партизанское движение в процессе вооруженной борьбы постепенно создает регулярную армию, главное предназначение и конечная цель которой - разгромить армию противника.. Во-вторых, энергичное задействование внутренних войск в систематических боевых действиях предполагает снятие этих сил с фронта борьбы с преступностью, чем может воспользоваться противник, и непрерывное увеличение их численности по мере эскалации конфликта, то есть дополнительное создание особой армии. По окончании конфликта такая армия со своей особой организацией и, особенно, тактикой оказывается не нужна, в мирной жизни и подлежит расформированию.

Другой важной проблемой к рассмотрению является сама возможность проектирования детализированного механизма борьбы с повстанцами и

3 Цит. по: Тодорский А. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. М., 1924. С. 6.

4 Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 7. С. 9. 10

5 Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 7. С. 9.

партизанами, как устойчивой системы, пригодной для широкого применения. Предварительные сомнения в этом возникают в силу исключительной переменчивости поведения и образа действий самих партизан, на что обращает внимание большинство исследователей. А некоторые из них категорично утверждают: партизанская война настолько своеобразное явление, возникающее в истории войн как бы случайно от времени до времени, что никакой закономерности и последовательности в смысле применения не обнаруживает. Одним из авторитетных сторонников такой точки зрения был полковник русского Генерального штаба Ф. Гершельман, убежденно отказывавший партизанской войне в системности и объяснявший это исключительной зависимостью боевых действий партизан от бесконечных изменений непосредственной обстановки. Верен ли его тезис только для тактического уровня, или он распространяется на общее отрицание применимости известных законов войны к действиям иррегулярных армий? Во всяком случае сам Ф. Гершельман решительно предостерегал от недооценки значения познавательных усилий в этой области. "Горе той армии, - писал он, - которая с неуважением отнесется к партизанской войне. Трудно предсказать будущее, но внимательное изучение прошлого заставляет, в конечном выводе, признать за партизанской войною великое значение в настоящих войнах"⁶.

В то же время современные разработки определенно указывают на стабильность в развитии восстаний, на обязательность определенных условий для смены одной формы другой и на соответствие каждой из них своим формам, остроте и интенсивности протекания процессов. Доказательным в этом отношении предстает прогноз развития обстановки на Кавказе, сделанный еще до начала активных военных действий в Чечне в коллективной монографии Института военной истории Минобороны России. И хотя от историков не требуется картин будущего, в работе были отмечены факторы, способные, наряду с уже действовавшими, перевести статичную напряженность в динамику прямого вооруженного противоборства. "Мозаичная картина военно-политической обстановки на Кавказе, - пишут авторы, - чревата перерастанием спорадических столкновений в целом однородных военных сил противостоящих сторон в региональный конфликт... Для возникновения масштабной кавказской войны недостает лишь одного фактора, отсутствие которого удерживает ... очаги напряженности в латентной фазе и не позволяет трансформироваться им в иррегулярные действия. Этот фактор в условиях нынешнего примерного равенства сил - нарушение тем или иным способом (военно-техническая помощь, внешняя интервенция, блокадные действия и др.) равновесия в пользу одной из сторон, достаточно значительное, чтобы резко ослабить другую. Другими словами, требуется убедительное военное превосходство одних, которое вынудит других отказаться ... от сегодняшних форм противостояния и пе-

Гершельман Ф. Партизанская война. (Исследование). СПб., 1885. С. 204-205.

лейти в интересах самосохранения и продолжения борьбы к иррегулярным способам"⁷. К сожалению, прогноз оказался верен не только в уже состоявшейся части, но и в плане предупреждения от новых опасностей.

Предпринимаемый труд, сочетая историческое повествование с критическим анализом проблемы в определенных выше рамках, нацелен на то, чтобы стимулировать, путем актуализации и обозначения различных аспектов поднятого самой жизнью вопроса, исследователей и других специалистов. Пока же таких работ нет, данная работа не может претендовать на законченность и полноту, а реальные процессы уже сегодня требуют от действующих лиц адекватного владения теорией и практикой их протекания. Но "при затруднительности приготовить себя теоретически к партизанским действиям можно, по крайней мере, желать сколько-нибудь ознакомиться с духом этих действий"⁸, чему в посильных пределах и предполагает способствовать настоящий труд.

⁷ Малые войны современности: формы и способы ведения. М.: Институт военной истории, 1995. С. 51-52.

⁸ Вуич. Малая война. СПб., 1850. С. 25.

ГЛАВА I.

ПАРТИЗАНСКОЕ И ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

1. *Мировой опыт создания и действий импровизированных иррегулярных армий*

Данная глава целиком посвящена практическому доказательству того, что "партизанская война оказывалась возможной и действенной при самых различных уровнях развития военного искусства и техники"⁹, что она действительно имеет многовековую историю и ведется не заблаговременно создаваемыми и накапливаемыми еще до начала военных действий вооруженными силами, а постепенно возникающими из недр гражданского населения самодеятельными импровизированными армиями. Важно также показать, что эта закономерность обнаруживается не в каких-либо искусственно создаваемых исключительных условиях и действует только при стечении экзотических обстоятельств, характерных для далеких и загадочных континентов, но одинаково устойчиво, эффективно и независимо проявлялась при самых различных государственно-политических устройствах общества, во всех природно-климатических условиях, при любых исторических моделях военной организации государства.

При этом нельзя не отметить, что эффективность подобных армий, доказанная в сотнях и тысячах восстаний и войн, в борьбе с самыми могущественными вооруженными силами, несмотря на очевидность, неизменно подвергалась сомнению официальной военной наукой. Но в то же время сами эти попытки на протяжении веков дискредитировать, опорочить партизанскую борьбу невольно приводят к обратному результату и лишь "свидетельствуют о силе и действенности партизанского метода борьбы"¹⁰.

⁹ Партизанская борьба и национально-освободительных войнах Запада. М., 1943. С. 5.

¹⁰ Там же.

Об этом же, в частности, писал и французский исследователь Г.Мох, подчеркивая, что самодеятельные народные войны и армии всегда клеймятся как летописцами противоположного лагеря, так и частью сторонников, под которыми он главным образом подразумевал офицерский состав и консерваторов вообще. Он также отмечал, что "серьезно документированная история кампаний, проделанных импровизированными армиями, сведенная к самому сжато резюме, представляла бы труд огромный по своим размерам; это было бы почти то же, что написать историю всех восстаний и всех войн за независимость. Кроме того, ее было бы чрезвычайно трудно написать, так как это требовало бы совсем особых приемов и особого критического ума"¹¹.

Именно поэтому данная работа при освещении исторического аспекта проблемы сводится лишь к предельно краткому обзору, беглому взгляду на те страницы военной истории, которые описывают с наибольшей наглядностью размах и эффективность партизанской борьбы, отсылая заинтересованного читателя за детальными познаниями к специальной литературе. Тем не менее возможно, что и после прочтения настоящего труда, не претендующего на какие-либо особые приемы, но рассчитывающего на непредвзятость читателя, у них сложится иное отношение к предмету. Настолько иное, что даст ему возможность "расшифровать" постулаты теории и истории партизанской борьбы, пробивающиеся в сознание современных военных профессионалов из глубины веков в виде парадоксальных формул, еретически отвергающих систему принципов военного искусства регулярных дисциплинированных армий. Например, возникшее во второй половине первого тысячелетия до н.э. течение китайской философии - даосизм, ставшее интеллектуально-религиозной основой многих крестьянских восстаний, учит:

Не смей начинать первым, выжидай.

Не смей наступать и на вершок,

Лучше отступи на аршин.

Это значит действовать, бездействуя,

Поражать без усилия,

В битве побеждают те, кто перед битвой боялся.

Удивительно то, что в этой загадочной "китайской грамоте" содержится quintessence партизанского военного искусства, в том числе и наших дней. А то, что сегодня кажется в ней крамольным, было крамольным во все времена. Еще 2500 лет назад Суныцы сформулировал великий принцип так называемой не прямой стратегии. Верхом искусства он считал умение сломить противника без боя, обратить его силу в слабость, а слабость довести до фатального для него уровня. Не случайно и сегодня искусным полководцем по праву считается тот, кто добился победы с минимальным

¹¹ Мох Г. Постоянная армия и милиция. СПб., Б/г. С. 99.

расходом сил и пролитием крови - и не только своей, но и противника.

Это качество приобретает решающее значение в ситуациях, когда имеешь перед собой противника, обладающего всеми преимуществами, особенно в материальных компонентах боевой мощи. В этих условиях слабой стороне приходится выбирать из немногочисленного - сдаться без боя на милость победителя, выступить против врага наличными силами и героически пасть в первом и последнем сражении, или, сохранив волю к сопротивлению, всячески оберегать и наращивать свои малые силы для долгой и упорной борьбы.

Характерно, что военная история тщательно описывает и доносит до потомков впечатляющие образцы осуществления первых двух решений и с явной сдержанностью, а нередко и с нескрываемым презрением, описывает способ сопротивления, при котором редко случаются массовые столкновения, еще реже даются генеральные сражения, в результате которых определяется исход всей войны, и почти никогда не бывает капитуляции, как и формального объявления войны. Так, например, во времена, предшествующие 6 в. до н.э., жители Крита долгие годы боролись в условиях оккупации своего островного государства, прибегая для этого к любым доступным средствам и приемам, но неизменно уклоняясь от губительных в условиях превосходства противника фронтальных сражений. Полибий, давая по сути объективную характеристику такой тактике, в то же время не скрывали своего морального осуждения подобных действий. "Защитники Крита, - писал он, - на суше и на море не имеют себе равных в засадах, разбое, воровских налетах на неприятеля, ночных атаках, во всех этих стычках, где требуется хитрость..."¹².

Всегда и повсюду государство признавало только такой способ ведения войны, при котором победа главным образом обеспечивалась предварительным накоплением сил и средств, созданием максимально возможного численного превосходства, сосредоточенным навалом всей собранной военной мощью на противника, решительным поражением его основных сил в одном или нескольких открытых сражениях даже ценой огромных потерь собственных войск. Этому способу добывать победу дал свое имя царь Пирр, разбивший римлян в 279 г. до н.э., но погубивший при этом почти все свое войско.

С III по I в. до н.э. продолжалось покорение восставших жителей Иберийского полуострова Римской империей, в ходе которого ее легионы если и добивались отдельных побед, то так и не смогли установить полного контроля над всеми районами восстания. Армия империи, наиболее подготовленное и организованное войско той эпохи, неожиданно столкнулась с повсеместным яростным сопротивлением всего населения, плохо вооруженного и экипированного, не обученного в своем большинстве военному

делу, но непокорного, изобретательного и непредсказуемого в своих действиях. Считавшаяся непобедимой армия настойчиво искала ускользающего врага, теряла солдат не в привычных для нее открытых боях, а в бесконечных дерзких засадах, мелких стычках, изнурительных переходах. Говоря об ощущениях одного из полководцев римлян, Плутарх писал, что тот "просто не знал, что же нужно предпринять, чтобы справиться с отважным противником, который во всех случаях избегает правильного сражения и непрестанно меняет тактику благодаря гибкости и подвижности иберийского войска; в то же время он сам, искусный в битвах по правилам, командовал тяжелой и неповоротливой фалангой..."¹³.

Есть основания полагать, что эта победа патриотов, как и фактическое поражение римлян, принужденных отказаться от планов оккупации, существенно раздвинули бытовавшие представления о войне, как о грубом побоище универсально организованных материальных сил и средств. Достигнутый результат стал в первую очередь плодом искусства, воли и творчества, что в свою очередь было вызвано к жизни патриотизмом и неприемлемостью населения, нашедшего неординарные способы нейтрализации главных преимуществ противника. Это затяжное противоборство, возможно, первое зафиксированное исторической наукой преднамеренное применение приемов борьбы, которые в масштабе обширной территории целой страны и в массе примеров предстают как основной и определяющий способ ведения войны. Примечательно, что не добившись военной победы и фактически признав ее невозможность, Рим пошел на достаточно широкие уступки восставшим, вероломные политические маневры и благодаря этому в конечном счете достиг политической цели - неустойчивого, прерываемого новыми восстаниями и бунтами умиротворения (пацификации).

Таким же образом и столь же для противника неожиданно успешно развивалось повстанческое движение под руководством отца и сыновей Маккавеев, которые в 167 г. до н.э. подняли народ Иудеи на освободительную борьбу и спустя четверть столетия добились независимости.

Завершая краткий обзор древней истории, следует отметить, что основным способом борьбы правителей с восставшим населением был безудержный террор по отношению не столько к неуловимым бойцам сопротивления, сколько к целым народам, подкуп и заложничество, а также экономическое разорение районов восстания. Это, однако, чаще всего приносило лишь временную передышку, и спустя какое-то время (иногда столетия) в том же районе восстания вспыхивали с новой силой и с теми же самыми целями, вооружая искусством предков новые поколения борцов.

Одним из таких районов можно считать Индокитай. Здесь в VI в. население поднялось на широкое антикитайское восстание, привлекшее на свою

¹² Цит. по: La guerre et la montagne. Actes du XVII Colloque CIHM. Berne, 1993. Т. I. Р. 43.

¹³ Цит. по: La guerre et la montagne ... Р. 52.

сторону многочисленных сторонников. Впечатляющий размах восстания побудил его руководителей в поисках скорой победы над противником бросить повстанческие армии в открытые сражения, в которых они были разбиты и рассеяны. Но когда повстанцы перешли к действиям мелкими подвижными группами на обширных пространствах, к чему их вынудил сами завоеватели, развернулась масштабная многолетняя война, закончившаяся завоеванием независимости. Данный пример примечателен уже тем что в военной истории вьетнамского народа обозначает дату рождения особого метода сопротивления иноземной оккупации. Как писал Во Нгу еи Зиап, именно тогда и родилась стратегия затяжной войны, в ходе которой противник постепенно утрачивал свою мощь, а вьетнамцы ее наращивали. Это, подчеркивает он, замечательное искусство малыми силами побеждать многочисленные войска агрессоров, слабостью одолевая мощь затяжным сопротивлением срывать попытки молниеносного захвата¹⁴.

Наступление эпохи массовых армий сопровождалось резким усложнением их организационного устройства, возрастанием количества и разнообразия боевых и, особенно, вспомогательных элементов, чрезвычайным повышением зависимости боеспособности вооруженных сил от функционирования тыловой системы, глубоким эшелонированием боевого порядка и военной инфраструктуры.

Французская революция 1789 г. сделала войну общенациональным делом, породила новую военную организацию и новый способ ведения боевых действий регулярной армии, основные черты которого были повсеместно восприняты современниками и унаследованы потомками. Но к числу сделанных ею открытий можно по праву отнести и малую войну новой эпохи, которую против армии победившей буржуазии повели как армии абсолютистских монархий, так и гражданское население, в том числе собственное.

Например, в Вандее не только консерватизм крестьян, но и стародавние традиции милиционной формы их местной военной организации стали факторами перерастания неприятия реформаторской политики революции в широкое повстанческое движение 1794-1796 гг., подавить которое удалось лишь жесточайшими карательными мерами в отношении всего населения района с применением элементов геноцида. Складывалась парадоксальная ситуация, когда новая французская армия, громившая одну за другой лучшие коалиционные армии Европы и с успехом осуществлявшая "освободительную миссию" на большей части континента, обнаруживал свое бессилие перед неугасающим очагом гражданского сопротивления внутри собственной страны.

Еще более ожесточенный отпор она встретила в Испании, где вновь столкнулась с неординарными способами сопротивления, с иррегулярно войной, в которой сосредоточенным усилиям французских войск был

¹⁴ Во Нгуен Зиап. Вооружение революционных масс и строительство народной армии. М., 1977. С. 44-45, 68.

противопоставлено распыление сил, перемежавшееся их кратковременным слиянием в компактные ударные отряды. Поглотив в повстанческой армии значительную часть по существу расколотых и распавшихся национальных вооруженных сил, "сельское население поломало каноны классической войны, заставило соединиться в мелких отрядах технократизм профессиональных военных и боевой дух добровольцев"¹⁵. Трижды Наполеон вводил свои армии на полуостров, и всякий раз они, не потерпев при этом военного поражения, но и не добившись победы, потрепанные и истощенные в непрерывных мелких стычках с неуловимыми группами партизан, бесславно покидали страну.

Эта малая война, ведомая в больших масштабах, вошедшая в долговременный обиход как буквальный перевод испанского слова "герилья", по существу стала самостоятельным и единственным способом вооруженной борьбы. Стратегия защиты независимости реализовалась исключительно на тактическом уровне, оказавшимся недостижимо низким для громоздких колонн французов.

Более того, их главные ударные силы ощутили себя как бы выключенными из войны, потому что основными объектами действий испанских патриотов стали тылы врага, который на его защиту выделил четверть боевых войск. Сам Наполеон не мог дать объяснения причин неудачи в Испании и пророчески увидел в ней предзнаменование будущего полного краха. Однако в своих мемуарах он верно определил причины столь мощного отпора испанцев: поражение и развал их регулярной армии, а также грабежи и жестокость собственных войск на занятых территориях. И хотя он сетовал на своих генералов за то, что они оказались не в состоянии поддерживать должный порядок, значительная часть ответственности лежит и на нем. Именно он в качестве одной из важнейших своих новаций отменил прежнюю магазинную систему снабжения войск и ввел систему "организованного мародерства", то есть местные реквизиции. Это значительно повысило мобильность войск, но в то же время растущие поборы на нужды войны вызвали волну недовольства как в оккупированных странах, так и в самой Франции.

Если операции по умиротворению Вандеи закончились истреблением восставших, а походы в Испанию осознанием своего бессилия и эвакуацией, то война 1812 г. в России - полным поражением и гибелью огромной наполеоновской армии. Для России в этой войне было характерно сочетание военных действий регулярной армии с типичными приемами и способами малой войны, возникшей стихийно, но в развитии планомерно организованной и ведущейся. Следует подчеркнуть, что и само сохранение русской армии для решающих баталлий стало возможным благодаря тому, что она частью сил преднамеренно прибегла к некоторым приемам малой войны, уклоняясь от сражений в невыгодных условиях, постоянно маневри-

¹⁵ Baquer M. A. El ejercito en la sociedad espanola. Madrid, 1971. P. 56, 57.

руя, изматывая силы противника и сохраняя собственные за счет оставления территории.

Одновременно с этим разгоралась собственно малая война в форме партизанского движения гражданского населения и боевых действий выделяемых с той же целью войсками отрядов непостоянного состава (войсковых партизан). На определенных этапах, особенно после Бородинского сражения, малая война становилась основным содержанием русской обороны, обеспечивая ей в целом активный и наступательный характер в промежутках между сражениями регулярных армий. Опыт этой войны примечателен тем, что было осуществлено масштабное и исключительно эффективное боевое взаимодействие вооруженных сил государства и импровизированных партизанских отрядов, а также тем, что, увлекаемая примером своего неожиданного союзника, сама армия не преминула воспользоваться наглядными уроками партизанской тактики.

В Пруссии же французская армия встретила с заранее спланированной и подготовленной малой войной. Фельдмаршал Гнейзенау сумел убедить короля в предпочтительности иррегулярной обороны страны, в необходимости придания ей характера организованного всенародного восстания. Такой способ действий, убеждал он короля, спас Россию, а опыт свидетельствует, "что больше всего противник не любит войну такого рода"¹⁶. Разработанный им подробнейший "План подготовки народного восстания" можно считать первым инструктивным документом по малой войне, разработанным профессиональным военным и в значительной мере реализованным на практике в виде принципиально новой системы обороны государства¹⁷.

Как отмечал Клаузевиц, "Пруссия в 1813г. показала, что внезапным усилением при помощи милиции нормальная мощь армии может увеличиться в 6 раз и что эта милиция может быть равно использована как внутри страны, так и для действий за ее пределами"¹⁸.

Важно отметить, что спустя более полувека основные положения, выдвинутые Гнейзенау, вновь нашли реальное воплощение - на этот раз в действиях не прусских, а оборонявшихся от нашествия прусской регулярной армии и не читавших его "План..." стихийно действовавших французских граждан. Если Гнейзенау учил, что там, где появляются превосходящие силы противника, следует отходить, оставляя ему опустошенную зем-

¹⁶ Gneisenau. Ausgewählte militärische Schriften. Berlin, 1984. S. 253-255.

¹⁷ Справедливости ради надо отметить, что еще раньше с меньшим успехом несколько попыток противопоставить либерализму германский регламентаризм уставов и наставлений, т.е. придать ригидность правил тому, что рождалось из отрицания правил, предприняли испанцы. Например, 17 апреля 1809 г. была принята "Инструкция по сухопутному корсарству", сохранились и другие подобные документы. В интересах обороны даже контрабандисты с их знанием местности, специфическими навыками и связями получили легитимный статус.

¹⁸ Клаузевиц. О войне. М., 1934. С. 162.

лю, атаковать его фланги и тыл, перерезать пути подвоза, то именно так и действовали французы в войне 1870-1871 гг. Как признавались сами пруссаки, действия франтиреров (вольных стрелков) доставляли им больше неприятностей, чем вся французская армия. Вот почему захватчики негодовали по поводу незаконности французских партизан и вымещали свою злобу на гражданском населении исключительно жестокими репрессалиями.

Известно, что Наполеон вошел в историю как величайший военный реформатор, которому стремились подражать даже побежденные, внедривший в систему строительства, подготовки и применения армий ряд революционных новаций. Это позволило ему взорвать прежнюю военную систему, превратить вооруженные силы страны в монолитную боевую машину, с которой он покорил полмира. Самые яркие его победы были одержаны над самыми сильными регулярными армиями, но а самые чувствительные поражения он потерпел от иррегулярных импровизированных формирований бойцов-самоучек.

Возможно, на зкате жизни и славы на него снизошло прозрение, когда в начале марта 1814 г. своим декретом он обязывал французских граждан уходить в леса, разрушать мосты и дороги, повсюду нападать на противника с флангов и тыла, приказывал за каждого пленного и убитого француза мстить смертью. Другим декретом он предоставил своим генералам широкие полномочия по созданию партизанских формирований для содействия этим народному восстанию. Не исключено, что если бы он не запоздал с усвоением уроков малой войны и располагал временем, то сумел бы создать законченную систему партизанского метода - так же блестяще и впечатляюще, как ему удавалось внедрять другие новации, становившиеся предметом подражания.

Однако тысячелетие заканчивалось под знаком создания и совершенствования массовых постоянных армий, о которых Клаузевиц говорил, что они стали настолько схожи между собой и вооружением, и обучением, и снаряжением, что между лучшими из них и худшими особого заметного различия и этом отношении не существует. В этих условиях решающее значение приобрели количественные параметры, опережающие других нововведения в средствах ведения борьбы, ресурсные возможности государства, а роль личностного фактора и других нематериальных компонентов обороноспособности нации сводилась к поставленной на поток и также стандартизированной профессиональной выучке личного состава, диктуемой тактико-техническими характеристиками вооружения. Провидение определенно встало на сторону больших батальонов, время талантливых самородков и наития уходило, а извечный спор по квалифицированию военного дела как науки или искусства в основном был решен в пользу науки.

Не только войны между крупнейшими европейскими державами составляли содержание военной истории, но и различные по масштабу и интен-

сивности вооруженные конфликты с участием этих же стран в ходе колониальной экспансии, политического и силового передела мира - когда в качестве их противников представляли народы, значительно отставшие в темпах и уровне развития, чаще всего даже не имевшие вооруженных сил. Лучшим европейским армиям не составляло труда смирять организованное сопротивление туземцев в открытых столкновениях. Но стоило последним употребить тактику затягивания войны, распыления своих сил и уклонения от сосредоточенных ударов, перейти к партизанским боевым действиям, как интервенция приобретала непредсказуемый характер, а война превращалась в истребительную. В большинстве регионов сопротивление по сути никогда не прекращалось, попеременно уходя то в латентную, то в активную фазу. Фактически в течение десятков и сотен лет на огромных пространствах Азии, Африки и Америки шла мировая малая война, в которой каждая из сторон последовательно придерживалась сугубо своего способа ведения военных действий.

При этом он во все времена оставался неизменным, да и сами конфликты, как перманентные очаги, вырастали из одних и тех же причин, сохраняли формы протекания, проходил одни и те же стадии развития, отличаясь лишь характером применяемого оружия, которое однако не становилось определяющим фактором влияния на основные параметры вооруженной борьбы. В этом убеждает однотипное развитие конфликтов современности в регионах, где они неоднократно возгорались и сто и более лет назад - Юго-Восточная Азия, Северо-Западная Африка, противостояние афганцев английским колонизаторам, масштабные партизанские действия крестьянских армий в Мексике, повстанческое движение на Кубе и в Южной Америке и, наконец, Кавказ. Характерным и объединяющим для конфликтов в этих регионах стало то, что конечный успех освободительной борьбы постепенно вырастал из фактической оккупации территории и ответной эскалации малой войны. И чем полнее осуществлялась оккупация, тем полнокровнее и масштабнее был ответ повстанцев. Так, в частности, случилось в ходе широкого антиманьчжурского восстания 1796-1804 гг. в Китае, когда повстанцы отказались от внешне результативной, но в целом бесплодной первоначальной тактики захвата и удержания городов и перешли к ведению "подвижной войны" в основном в сельской местности.

Показательны в этом отношении действия русской армии на Кавказе, длившиеся половину прошлого столетия. Десять лет умирал горцев генерал А.П.Ермолов, и когда в 1826 г. докладывал царю об успешном завершении своей миссии, он и не подозревал, что настоящая война только начинается и будет продолжена и в начале, и в конце следующего века. За все время своего пребывания на Кавказе Ермолов не изменял своему убеждению, что "Чечню можно справедливо назвать гнездом всех разбойни-

ков"¹⁹, и сообразно этому действовал. во-первых, он отменил традиционную систему откупов приграничных русских селений от чеченских набегов, энергично продвигал войска в самую сердцевину "гнезда" и создавал линию крепостных укреплений, повсюду брал заложников (аманатов), неизменно уничтожал дотла селения, оказывавшие вооруженное сопротивление русским отрядам, казнил главарей повстанцев. Всячески стремясь к достижению своей цели не только военными и карательными средствами, но и посулами, уговорами, подкупами, он в то же время решительно отменял соблазнительную возможность вести войну с горцами руками самих горцев, так как считал, что "еще не было примера, чтобы кто заставить мог чеченцев употреблять оружие против своих единоземцев"²⁰. Как утверждали сами чеченцы, он был жесток, но справедлив, не оставил безнаказанной ни одной вылазки повстанцев. Успеху боевых действий русской армии во многом способствовало то, что отряды горцев инстинктивно сбивались в компактные массы и в таком виде принимали бой. Это дало возможность относительно успешно завершить данный этап умирения установлением оккупационной системы на всей территории. Но в то же время оставленные Ермоловым оккупационные гарнизоны, коммуни-кационные пути и хозяйственно-бытовые объекты, а также административные органы притягивали к себе многочисленные, рыскавшие повсюду шайки, которые действовали тем успешней, чем мельче и подвижней они были. В то же время и царские войска с течением времени все меньше и меньше походили на армейские части в центральных районах, но все больше напоминали своего противника - обликом, тактикой, организацией, способами тылового обеспечения. И чем глубже было это преобразование, тем уверенней действовали войска в необычной обстановке.

Примечательно также, что война на Кавказе дала значительный опыт боевого взаимодействия армии с казацкими формированиями, которые в условиях России прошлого века можно рассматривать как разновидность внутренних войск. Так, наибольшей эффективностью отличались мобильные рейдовые действия сводных отрядов из линейной пехоты и казаков, в которых сочетались лучшие качества регулярности и иррегулярности. А в особо сложной, неясной обстановке применялись только казацкие отряды, делом доказавшие, что лучшего средства для ведения такой войны нет.

Геостратегические соображения по поводу значения Кавказа для безопасности России на южном направлении, а также все более очевидная перспективность полувекowych усилий по военному подавлению восстания побудили царя пойти на беспрецедентные компромиссы и ввести специальную систему военно-народного управления. Она подразумевала освобождение горцев от воинской повинности, разрешение на вооружение населе-

¹⁹ Записки А.П. Ермолова. 1798-1826. М, 1991. С. 285.

²⁰ Там же. С. 322.

ния, учреждение льготного налогового законодательства и народных судов на основе адата и шарията.

После революции 1917г. социальные потрясения и гражданская война вновь раздули пламя повстанчества на Кавказе, причем его пик пришелся на период действия продразверстки и отмены установленной царем политико-административной системы. Подавляя восстание, Красная Армия наследовала из прошлого опыта решительность и наступательность действий, но все же основной предпосылкой затухания конфликта стало проведение новой социально-экономической политики. Тем не менее потери превысили 5 тыс. человек. Было утрачено значительное количество оружия и другого военного имущества, отбитого повстанцами порядке самообеспечения²¹. При этом, если во времена Ермолова борьба велась в основном в горах, а в последующие годы стала расползаться и на равнины, то антисоветское восстание в равной мере охватило весь район.

Горы всегда служили надежным укрытием для стремившихся по тем или иным причинам уйти за пределы досягаемости властей. Но был и другой способ выхода из подчинения в массовом порядке - создание самостоятельного государства на новых землях, что характерно для Северной Америки, Южной Африки и русского казачества.

Само становление такой государственности и защита самопровозглашенных вольных республик обычно связаны с малой войной, с созданием и применением импровизированных иррегулярных армий. Например, англо-бурская война 1899-1902 гг. представляет собой типичный случай успешного компенсирования нехватки сил и средств особым способом ведения боевых действий. Бурские республики против почти полумиллионной регулярной армии англичан смогли выставить иррегулярные формирования общей численностью 32-35 тыс. человек, придав им исключительную маневренность и обеспечив нестандартность действий. Колонисты использовали фактор местности только как пространство для уклонения от массированных ударов экспедиционных сил и прибегали к оборонительным действиям на фиксированных рубежах только будучи застигнутыми врасплох. Но и в этих случаях основу их оборонительных сооружений составляли так называемые вагенбурги - кольца из составленных впритык повозок, впервые примененные еще в 15 в. в ходе восстания под руководством Жижки. Англичане применяли самое современное вооружение и технику включая бронепоезда, сгоняли население в концлагери, внедрялись в повстанческие районы методом продвижения блокгаузов, но не смогли противопоставить действиям повстанцев адекватной стратегии и тактики. Ход войны обнаружил неподготовленность одной из лучших армий мира к конфликтам подобного рода и остро поставил вопрос о немедленной и радикальной военной реформе.

²¹ Тодорский А. Указ. соч. С. 159. 24

Эта война воспроизвела многие черты борьбы североамериканских колоний за независимость. При этом "американская армия не была силой, которая стояла из года в год под ружьем, эта была потенциальная сила фермеров и плантаторов континента. Они образовали армию, которой не было налицо, но которую можно было быстро мобилизовать"²². Более того американцы еще раз после антииспанского восстания гезов в Нидерландах в 16 в. доказали на практике, что средой малой войны может быть не только суша, леса и горы, но и морские акватории.

Для поражения англичан в их самое чувствительное место - морские коммуникации, они выделили около 2 тысяч каперских судов, которые в значительной мере срывали планы усиления и обеспечения экспедиционных войск.

Аналогичное воспроизведение патовой ситуации, когда мощная регулярная армия вновь и вновь не может реализовать свое превосходство над импровизированным войском, можно наблюдать в районе, который и в наши дни продолжает оставаться одной из "горячих точек" континентального и регионального уровня. Так, если в 1878 г. для осуществления австро-венгерской интервенции в Боснию и Герцеговину первоначально была выделена армия в 72 тысячи человек, то в последующем неожиданное нарастание сопротивления вынудило увеличить численность группировки вторжения до 268 тысяч человек. Но и они не смогли обеспечить стабильную оккупацию, потому что, как пишет современник тех событий, вокруг колонн вторжения внезапно возникла "прекрасная армия стрелков, которая то захватывала разведку противника, то преграждала путь его авангардам, то перерезала его коммуникации, то действовала в его тылу"²³. Нетрудно увидеть в этом свидетельстве описание основных признаков партизанского способа действий.

Когда же в 1882 г. в Герцеговине вспыхнуло восстание, на его подавление вновь была брошена регулярная армия, и все повторилось, включая большие потери при поддержании оккупационного режима. А в 1914г. эти потери достигли чрезвычайного уровня и по существу означали разгром повстанцами австро-венгерских войск.

Только с августа по декабрь их группировка численностью около 460 тысяч человек, располагавшая подавляющим материально-техническим превосходством, потеряла 28 тысяч человек убитыми, 122 тысячи ранеными, 76 тысяч пропавшими без вести и 10 тысяч больными²⁴. Действующие лица этой трехактной драмы не могли знать, что полвека спустя их потомки в очередной раз выступят на той же самой исторической сцене, чтобы с необъяснимой последовательностью повторить все основные ходы своих предшественников. В контексте отмеченного выше такая цикличность предстает уже не как локальный казус, а как эпохальная драма регулярных

²² Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада. С. 41.

²³ Цит. по: La guerre et la montagne... P. 227, 238.

²⁴ Цит. по: La guerre et la montagne... P. 240.

армий, будто бы изначально обреченных на неуспех в противоборстве иррегулярным противником.

Так, войны 1868-1878 гг. (получившая официальное название "малая война") и 1895-1898 гг., ставите основной формой протекания национально-освободительного восстания кубинского народа, повторяя в главных чертах друг друга, стали как бы репетицией того, что свершилось на острове в конце 50-х годов нашего столетия. Очаговое восстание населения, создание повстанческих отрядов, широкое применение ими партизанской тактики, явное изначальное превосходство одной из сторон в основных компонентах боеспособности и итоговое торжество другой, неудержимое расширение зоны восстания в сторону военно-политических центров противника и дробление его сил, утрата регулярной армией инициативы и завоевание ее повстанцами, неумолимый паралич военной машины режим - все это и в той же последовательности было трижды воспроизведено на Кубе.

Следует, однако, отметить, что если в первых двух войнах кубинцы ускорили процесс формирования многочисленной регулярной армии европейского типа, в то время как обстоятельства властно принуждали к иррегулярным способам их строительства и применения, то в третьей войне с самого ее начала преднамеренно создавалась иррегулярная армия и велись иррегулярные боевые действия.

Разумеется, из вышеизложенного еще не следует объяснения причин того, что эта война завершилась успехом восстания. Но если в войнах прошлого столетия повстанцы уступали противнику в живой силе в среднем четыре раза, то в последней это превосходство стало уже двадцатипятикратным, не считая абсолютного превосходства последнего в технике и вооружении. В то же время по уровню людских потерь и материального ущерба войны прошлого столетия намного превзошли войну 1956-1958 гг. приведшую, как известно, к достижению военных и политических целей.

В силу поучительности и недостаточного к нему внимания военной науки специального рассмотрения заслуживает богатейший многовековой опыт вооруженной борьбы народов Китая в ходе восстаний, гражданских войн и при отражении многочисленных иностранных интервенций. Для него характерно массовое вовлечение населения в непосредственную вооруженную борьбу, большой пространственный размах военных действий локальное зарождение и развитие крестьянских армий и их лавинообразные походы. Но, пожалуй, главное в нем опять же состоит в повторяемости основных этапов саморазвития и эволюции способов действий участников конфликтов, а также достижение после многократных неудачных попыток конечной победы в борьбе с более сильным противником.

Например, в 1628 г. началась стихийная крестьянская война против маньчжурских оккупантов. При этом резкое увеличение численности бойцов подтолкнуло руководство восстания к ускоренному организационно

му оформлению отрядов сопротивления в повстанческую армию, утверждению принципов регулярности, централизованного командования и строгой дисциплины. В 1644 г. эта армия взяла Пекин, контролировала значительную территорию и добилась смены власти. Однако китайская знать, опасаясь повстанцев больше, чем интервентов, заключила с ними союз о совместных боевых действиях против народного войска. Крестьянская армия приняла форму открытых сражений и не выдержала ударов объединенных сил противника. Но и после этого ее рассредоточившиеся отряды при поддержке населения еще в течение 40 лет вели упорную борьбу.

Во второй половине 19 в. ситуация практически повторилась, когда против антиманьчжурского восстания тайпинов стали действовать и местные феодалы, и маньчжуры, и иностранные интервенты. Не имея и малой доли тех средств, которыми располагал противник, ослабляемое внутренними противоречиями, "партизанщиной" местных отрядов народное сопротивление оказалось способным в течение длительного времени противопоставлять систематическим сосредоточенным ударам регулярных войск повсеместную мелкоочаговую мобильную оборону.

Эти же характеристики обнаруживаются и в первой гражданской войне 1924-1927 гг. Быстрым рост числа и численности иррегулярных отрядов, мощная поддержка населения склонили командование повстанцев к соревновательному противоборству с регулярной армией в открытом противостоянии. Оно оказалось не под силу восставшим, и на втором этапе борьбы ход отступления и перебазирования повстанцев ради сохранения оставшихся после разгрома отрядов показал, что при реальном учете соотношения сил и средств и применении партизанских способов борьбы ее продолжение возможно даже в крайне невыгодных условиях.

Уже во второй гражданской войне (1927-1936 гг.) главный упор при формировании сил сопротивления был сделан на местное, крестьянское население, на его знание местности и приспособленность к природным условиям. Основные усилия первой фазы восстания направлялись на создание устойчивых очагов борьбы в глубине территории, призванных в дальнейшем сыграть роль исходных районов для расширения зоны восстания, пополнения и восстановления материальных запасов, формирования центров альтернативной власти.

Именно в этот период войска Чан Кайши предприняли пять мощных наступлений (карательных походов) на эти районы. Оборона повстанцев начиналась на дальних подступах, а интенсивность боевых действий возрастала по мере продвижения противника. Регулярные войска вязли в бесконечных стычках с партизанами, постепенно утрачивали свою боеспособность, иссякали в результате боевых потерь, болезней, дезертирства, деморализации личного состава, ухудшающегося материального обеспечения и вынужденного перенесения главных усилий с погони за ускользающим

противником на охрану и оборону тыловых структур. Ведя стратегическое наступление, армия оказывалась повсеместно втянутой в спорадические оборонительные боевые действия, которые не поддавались предвидению и заблаговременной подготовке.

Четыре таких похода не дали какого-либо результата и завершились вытягиванием остатков армии на исходные позиции, значительным усилением повстанцев за счет отбитых у противника оружия и боеприпасов, включения в их ряды новых бойцов. Командование и подчиненный личный состав уже не верили в возможность победы, в советы иностранных военспецов при штабе Чан Кайши. В целом на всех уровнях высказывалось сомнение в боеспособности вооруженных сил, их элементарном умении воевать даже с восставшей голытьбой. Как показал! события, сомнения в боеспособности войск были необоснованными. По классическим критериям все это время они были в состоянии решать значительные боевые задачи, что и было подтверждено полным *разгромом* в январе 1931 г. одной из собственных армий, пытавшейся перейти на сторону повстанцев.

И только в пятом походе Чан Кайши добился частной победы. Но она стала не результатом беспрецедентного сосредоточения сил, не их более искусного применения, а ошибок обороняющихся, изменивших собственным принципам ведения войны. Посчитав, что накоплено достаточно сил для решающего разгрома противника и находясь под влиянием прежних успехов, они перешли к открытым сражениям и позиционной войне.

Поражение вынудило прибегнуть к стратегическому перебазированию всех военных отрядов и поддерживающего населения в форме многомесячного прорыва на северо-запад страны, ближе к границам с СССР, и там вновь приступить к созданию освобожденных районов. На новых территориях основным содержанием борьбы в 1937-1945 гг. стали боевые действия против регулярной японской армии, оккупировавшей Маньчжурию. Надо отметить, что в этот период японские войска успешно громили войска гоминьдана, но не могли ничего поделать с повстанцами, воевавшими на два фронта.

Третья гражданская война (1945-1946 гг.) вовлекла в борьбу многие миллионы жителей страны. В этот период значительную силу набрала выросшая из повстанческих отрядов регулярная Красная Армия, но по-прежнему основную часть революционных войск составляли партизанские формирования и народное ополчение. В последнем и решающем столкновении каждый из этих компонентов вооруженных сил народа применял соответствующую своему организационному устройству тактику, но нередко в силу необходимости регулярные и полурегулярные формирования возвращались к партизанским приемам и способам борьбы.

Существо же применяемого все эти долгие годы способа ведения войны оставалось практически неизменным. Основные его принципы сложились еще в период второй гражданской войны и выдерживались до самого ее

(окончания). Тактика, выработанная нами за последние три года, писал Мао Цзедун, действительно отличается от тактики всех времен и всех народов. При применении нашей тактики размах борьбы масс растет с каждым днем, и самый сильный противник не может с нами справиться. В основном она сводится к следующему: рассредоточивать войска, чтобы поднимать массы, и сосредоточивать войска, чтобы расправляться с противником; враг наступает - мы отступаем, враг остановился - мы тревожим, враг утомился - мы бьем, враг отступает - мы преследуем. И тот и другой противник Красной Армии (в гражданской и антияпонской войне) относился к ней как к диковинному зверю с необычными повадками, но не понимал, что необходимо применять иную стратегию и иную тактику. Опираясь на свое превосходство во всех областях, он упорно цеплялся за свои старые методы ведения войны²⁵.

Выше был рассмотрен ряд примеров партизанских действий различного масштаба, в условиях, когда они в основном или замещали оборонительную функцию национальных вооруженных сил (по причине их отсутствия, слабости или разгрома противником) по защите страны, или применялись в качестве средства освободительных восстаний. В меньшей степени, не так интенсивно и организованно партизанское движение проявило себя в качестве второго фронта борьбы в тылу вторгшегося противника, а также в форме войскового партизанства. И то, и другое наибольшее развитие получило только во время Отечественной войны 1941-1945 гг. в России.

Данная тенденция была подкреплена и опытом первой мировой войны, оттянувшей на рубежи столкновения регулярных армии все силы и средства. Малая война, иррегулярные формирования и действия оказались отнесенными на второй план, что было обусловлено рядом объективных причин. Образование малоподвижного стратегического фронта континентального масштаба, проходящего в основном вблизи государственной границы воюющих стран, исключало в большинстве случаев долговременную оккупацию территории противника. Неся колоссальные потери, действующие армии на протяжении всей войны все же сохранили свою боеспособность, организационную устойчивость и управляемость. Кроме того, значительная географическая и "психологическая" удаленность фронтов и действующих армий от собственного и чужого населения, обеспеченная в том числе и глубокой прифронтовой полосой, постепенным угасанием патриотического потенциала, гражданским невосприятием целей войны и их ужасающим несоответствием уровню потерь и ущерба, не позволяла материализоваться оборонительному потенциалу наций в других формах.

И тем не менее большей войне не удалось окончательно подавить малую, эпизодически отмечаемую как в форме полустихийных военно-гражданских акций партизан (например, македонская герилья в 1916 г.), так и в форме вспомогательных действий части регулярных войск, специально от-

²⁵ См.: Мао Цзедун. Избранные произведения. М., 1952. Т. I. С. 204, 332, 341.

ряжаемых в тыл противника. Вторая форма активно применялась русской армией, уже в 1915 г. приступившей к формированию конных партизанских отрядов и регламентации их организационного устройства и принципов боевого применения специальными наставлениями и инструкциями. В апреле 1916 г. за линией фронта действовали уже до 50 конных и пеших партизанских отрядов численностью от 65 до 200 человек каждый²⁶. Одна ко с активизацией действий главных сил и продвижением линии фронт внимание командования к ним стало ослабевать, началось их преобразование в укрупненные "отряды особого назначения", а затем и слияние с основной массой регулярных войск.

Большое впечатление на военных специалистов и весь мир производил, ход борьбы народов Северо-Западной Африки - Марокко и Республики Риф, которые успешно применяли партизанскую тактику и благодаря этому наносили чувствительные поражения лучшим европейским армиям, в том числе и французской, по праву снискавшей себе международный авторитет в победоносной борьбе с не менее могущественным противником в годы войны. Покорение этого региона началось еще в 16 в. португальцами. Но они перед лицом плохо вооруженного, постоянно уклоняющегося от открытой борьбы и больно жальщего противника вынуждены были уступать свое место испанцам, к которым в последующем присоединились французы. За эти долгие годы перед многими поколениями обороняющихся африканцев как бы прошел нескончаемый парад европейских армий, непрерывно совершенствовавших свой облик и устройство, вооружение, боевые порядки и способы действий, но не только не сумевших добиться военной победы, но и уберечься от окончательного и потрясающего по своим масштабам поражения.

Например, испанцы в 1924 г. оставили 2/3 захваченной ими ранее территории, потеряли 30 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Несколько десятков бандитов, как их оценивали официальные источники, применяя те же тактические приемы, что и их предки, используя чуть ли не то же вооружение, измотали непрерывными внезапными нападениями 150-ти тысячную регулярную армию.

Французы действовали несколько разнообразней и успешней, сочетая карательные походы с мероприятиями по социально-политическому умиротворению, но всегда прибегали к масштабной демонстрации силы и решимости ее применить, чтобы предотвратить ее неэффективное применение. Достаточно сказать, что ради этого Франция, например, в 1912г. держала в Марокко 60 тыс. войск, ставя тем самым под угрозу срыва планы подготовки к неизбежной войне с Германией²⁷.

Ход и результативность борьбы африканцев не оставались незамеченными и в России. М.В.Фрунзе, например, внимательно отслеживая оперативную

обстановку на далеком ТВД, отмечал, что опыт Марокко обнаруживает поразительное сходство с нашим Кавказом. При этом он имел в виду не ландшафт, а именно динамику и особенности вооруженной борьбы.

Столь пристальное внимание, которое ослабленная Россия уделяла событиям в Африке, объясняется только тем, что советская власть и молодая Красная Армия главный этап своего становления и консолидации проходили в непрерывной борьбе по подавлению разного рода восстаний и мятежей, которые неизменно сопровождали продвижение новой власти от центров к периферии. При этом, если угроза внешней опасности была снята довольно быстро, а белое движение потерпело в упорной борьбе военное поражение, то собственное население, в основном крестьянское, как в срединной России, так и на окраинах, дольше других противников проявляло удивительную стойкость и непримиримость в отношении существа и методов проведения -послереволюционных реформ. Возможно, опыт повстанчества и партизанского движения, а также борьбы с ним является уникальным достоянием современной военной истории ввиду многообразия форм протекания этих процессов, их масштабы, системности и методологической осмысленности.

В течение нескольких лет Россия (а затем и СССР) представляла собой огромное поле битвы, где одновременно осуществлялась иностранная интервенция, часть территории находилась под оккупацией внешнего противника, а все пространство стало ристалищем гражданской войны. При этом на каждом этапе в тылу у каждого из противников вспыхивали восстания, возникало партизанское движение. Более того, даже при чередовании власти в конкретной местности па смену одному повстанчеству приходило другое, а в отдельных случаях партизаны воевали как с теми, так и с другими, сохраняя полную политическую автономию, или попеременно присоединяясь к обоим лагерям. О размахе партизанского движения говорит уже то, что в 1918-1920 гг. в тылу у белогвардейцев и интервентов действовало свыше 700 тыс. повстанцев, образовавших армии, дивизии, бригады и просто мелкие отряды²⁸.

Характерно, что для инициирования повстанчества и партизанского движения советская власть нередко прибегала к засылке в тыл противника специальных групп партийных работников и военных специалистов, и при умелой работе это приносило быстрые и значительные результаты. Так, летом 1919г. в тыл Колчаку было заброшено четыре такие группы общей численностью 71 человек, которым вскоре удалось поднять па борьбу десяти тысячное партизанское войско²⁹. Также засылкой 1200 человек в тыл противника началось массовое партизанское движение на Южном фронте, и к концу 1919г. здесь уже действовали 50 тыс. партизан³⁰.

²⁸ Подсчитано по: Павлов Я.С. Народная война в тылу интервентов п белогвардейцев. Минск, 1983. С. 427-430.

²⁹ Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. I. С. 90.

³⁰ Там же. С. 215.

26 См.: Военная мысль. 1942. № 1. С. 76-79.

27 Histoire militaire de la France. De 1871 a 1940. Paris. 1992. Т. 3. Р. 49-50.

Позднее к этому же приему стали прибегать и антисоветские силы, которым, действуя в основном из-за границы, удалось спровоцировать и организовать повстанческое движение, получившее название "пограничный бандитизм". Например, в 1921 г. заброшенные из-за кордона 3000 человек развернули партизанскую борьбу в Белоруссии, охватившую шесть уездов³¹.

Тем же способом была предпринята попытка спровоцировать повстанческое движение сепаратистов в Карелии. Если в октябре 1921 г. из Финляндии пробралось около 70 человек, то уже в ноябре действовало 2000 восставших карелов, а к середине января численность повстанцев оценивалась в 4200 человек³². Как отмечали современники, при ликвидации этого восстания приходилось считаться с местными условиями больше, чем с боевой обстановкой. Для борьбы с партизанами были созданы четыре ударные колонны и несколько более мелких колонных отрядов, так как по условиям местности боевые действия могли вестись только по отдельным направлениям. В ходе борьбы пришлось менять многие нормы и правила, выведенные из опыта мировой и гражданской войн. Войска вынуждены были отказаться от авиации, бронемашин и конницы, но в то же время сделать упор на лыжную подготовку, позаботиться о проводниках, теплом обмундировании, дополнительном транспорте, реквизируя его у населения, уделить особое внимание средствам связи и соблюдению режима строжайшей экономии запасов. Для повышения автономности каждой из ударных группировок придавался собственный тыл. Борьба, осложнялась тем, что повстанческие группы имели возможность укрываться на территории соседней Финляндии. Кроме того, финские инструкторы стремились придавать им армейскую организацию и помогали вооружением, что в то же время ограничивало партизан в самостоятельности действий и делало их зависимыми от централизованных источников снабжения.

Подобный эффект был отмечен и ранее. Например, в 1918 г. падению боевой мощи антисоветского повстанческого движения на Урале содействовала его регуляризация в духе белых армий, что сразу посеяло рознь между командным и рядовым составом. При этом отмечалось, что сам Восточный фронт возник из бродячих мелких отрядов³³.

По схожему сценарию развивалась борьба с басмачеством, выросшая из локального противоборства советских и контрреволюционных сил, стремившихся привлечь на свою сторону местное население. Большое влияние на развитие конфликта оказал этнический фактор, а также вмешательство в него иностранных государств. Известно, например, что для защиты русских поселенцев была создана и узаконена советской властью края крестьянская армия, которая в последующем вышла из подчинения и отказалась

31 Воина и революция. 1926. № 9. С. 3. -

32 Военная наука и революция. 1922. № 1. С. 3, 7.

33 Какурин Н.Е. Как сражалась революция. 1917-1918. М., 1990. Т. I. С. 94, 170.

разоружиться. В 1920 г. ее все же удалось распустить по домам, но к тому моменту конфликт уже приобрел религиозно-мусульманский аспект. На подавление восстания были выделены значительные силы, но сопротивление продолжалось и в 30-е годы. Отряды басмачей численностью от 100 до 500 человек и более обладали высокой мобильностью, а при неблагоприятном развитии обстановки укрывались в песках или на территории сопредельных государств. Они в совершенстве овладели партизанской тактикой, когда "система заманивания, ложных атак и отступлений подводила наши увлеченные части под меткий ружейный огонь лучших стрелков басмачей"³⁴. Военные поражения и принудительная изоляция населения вынудили их в июне 1926 г. уйти в Афганистан, чтобы с этого безопасного плацдарма наносить периодические удары и совершать разорительные набеги. Борьба с восстаниями велась не только на окраинах, но и в центральных районах. Особым динамизмом отличались действия по ликвидации махновщины, имевшей значительное влияние и поддержку местного населения на территориях во многие сотни квадратных километров. Сила и сопротивляемость банд Махно объяснялись созданной им разветвленной системой материального обеспечения во многих населенных пунктах, хорошо поставленной разведкой, системой предупреждения о передвижениях Красной Армии, исключительной подвижностью конных отрядов.

В то же время борьба с ними облегчалась тем, что они предпочитали действовать единой группой. Это создавало условия для ее преследования и поражения главных сил в одном или нескольких решительных столкновениях.

Однако долгое время данное обстоятельство не учитывалось, и "вся тактика сводилась к всеохватному кольцевому окружению с бронепоездами и преследованию крупными соединениями"³⁵. В этих условиях Махно не составляло труда ускользать от сосредоточенных ударов методом кратковременного распыления сил, просачивания мелкими группами и поодиночке через кольцо окружения с последующим их сбором. Характерно, что периоды рассредоточения Махно эффективно использовал для ведения агитационной и разведывательной работы, мобилизации новых сторонников и отдыха личного состава.

С приходом к руководству борьбой М.В.Фрунзе тактика изменилась. Ее основу составило безостановочное преследование мелкими летучими отрядами и бронеавтомобилями и блокирование районов с сочувствующим Махно населением, что вынуждало противника для пополнения своих запасов вести боевые наступательные действия. Отныне его "тыловой район" стал сужаться, возможности остававшихся под идеологическим влиянием районов перестали отвечать потребностям боевых отрядов, что заставило их прибегать к реквизициям.

³⁴ Военно-исторический журнал. 1987. № 2. С. 62-63.

³⁵ Воина и революция. 1926. № 2. С. 12.

Фрунзе снял с фронта четыре из шести истребительных отряда и шесть из семи бронепоездов не в последнюю очередь потому, что личный состав этих формирований своим отношением к населению дискредитировал политические цели борьбы. Главную роль стали играть бронепоезда, которые в отличие от конных подразделений не зависели от фуражировки, восстановительного отдыха и обременительного для местного населения постоя.

Изменение отношения воюющих сторон к местному населению привело к изменению политических настроений местных жителей и их отношения к воюющим противникам, что сыграло определяющую роль. Исключительно большое значение имела также активная агитационная работа, лишившая в конечном счете махновцев социальной базы. При этом применялось распространение листовок, обратный отпуск пленных, дезинформация. Благодаря всем этим мерам, а также созданию единого военно-политического руководства с широкими полномочиями неуловимая в течение нескольких лет группировка за два месяца была почти полностью уничтожена.

Еще более решительно и комплексно проходила ликвидация восстания под руководством Антонова в Тамбовской губернии. Первую попытку поднять население он предпринял еще в 1918 г. с отрядом в 150 человек, но был быстро разбит. К 1920 г. он сумел собрать отряд численностью до 500 человек и организовал подобие автономной республики на площади около 60 тыс. кв. км со своими органами политического и административно-хозяйственного управления. К середине следующего года под его командованием находилось уже свыше 20 тыс. человек, из которых до 8-10 тыс. были вооружены, а границы партизанской республики постоянно расширялись. Для подавления восстания, которое до начала активных боевых действий носило в большей степени характер довольно статичного идеологического антагонизма, были сосредоточены крупные силы: 30 тыс. штыков, 8 тыс. сабель, несколько сот пулеметов и 60 орудий, были также привлечены 7 тыс. человек, находившихся на лагерных сборах, и около тысячи партийных работников³⁶.

Как и в борьбе с махновщиной, созданная группировка прошла несколько стадий применения сил и средств: прочесывание оказалось крайне неэффективным, оккупация и окружение района превосходили возможности имеющихся сил, и лишь неотступное преследование стало приносить результаты.

Весьма показательно, что особую роль в ликвидации восстания сыграл согласившийся сотрудничать с властями военный советник Антонова П.Эктов. Это стало возможным благодаря внедрению в среду руководства восстания агентов ВЧК и ее обезглавливанию. Да и в момент взятия Антонова в июне 1922 г. группа захвата в основном состояла из его бывших соратников.

³⁶ Война и революция. 1926. № 8. С. 6.

Но все же в большей степени этому способствовали не столько военные усилия, сколько разноплановое воздействие, включая репрессивное, на население. Для этого помимо агитационно-пропагандистской работы применялось его насильственное выселение и ссылка, создавались концентрационные лагеря, принимались другие принудительные меры, отличавшиеся демонстративной жестокостью. Уже тогда люди, на которых была возложена задача ликвидации повстанчества, вполне сознавали, что основным источником его возникновения и одновременно профилактики и устранения является эффективная государственная политика, что "бандитизм может существовать очень долго, и единственный целесообразный способ борьбы с ним - это укрепление и исправные действия правительственного аппарата не только в центре, но и на периферии"³⁷. Кроме того, пришло и понимание того, что "разбить банду не значит ее уничтожить, это самая легкая часть задачи"³⁸.

Следует сказать, что несмотря на множественность очагов повстанчества, борьба с каждым из них велась не по единому плану, как с проявлениями военной опасности одного рода, а как с аномальными событиями криминального толка. Такую точку зрения существенно поколебало только то бросающееся в глаза обстоятельство, что спад повстанческой волны во всех районах страны почти одновременно пришелся на время радикального поворота социально-экономической политики государства.

В то же время предпринимались попытки научной систематизации и обобщения опыта борьбы на повстанческом и партизанском фронте. В той связи следует упомянуть разработанную в 1923 г. главкомом вооруженных сил С.С.Каменевым "Систему борьбы с басмачеством (бандитизмом)", в которой он выделяет наиболее существенные моменты из своих личных наблюдений в период руководства ликвидацией повстанчества в среднеазиатских республиках.

С особой тщательностью он описывает войсковые приемы борьбы, к которым относил оккупацию, создание и действия истребительных и летучих отрядов и, как вспомогательное средство, прочесывание и окружение района, а также применение авиации. При этом главной задачей войсковых операций он считал насильственное превращение партизан в уголовный и грабительский элемент, то есть создание для них таких условий, когда они вынуждены будут ради самосохранения прибегать к реквизициям и грабежу населения, что должно в конечном итоге лишить их среды существования и воспроизводства. По мысли Каменева, в этом случае у населения не остается другого выбора, как из двух зол выбрать меньшее. В "Системе" уточнены некоторые военные понятия. В частности, подчеркивается, что оккупационная система важнейших районов должна вводиться не в виде мелких стационарных гарнизонов, а путем способности

³⁷ Военная наука и революция. 1922. № 1. С. 83.

³⁸ Там же. С. 84.

войск выделять мобильные ударные группы, которые в качестве опирающихся на оккупационную сеть летучих отрядов могут быть направлены на выполнение конкретной боевой задачи. В отличие от летучих истребительных отрядов предназначены для полностью автономных действий в режиме постоянного рейдирования в готовности к внезапным столкновениям с противником. Помимо задач уничтожения партизанских подразделений они призваны уничтожать все, что составляет источник силы повстанцев. Понимая, что для ведения борьбы такого рода нужны особые качества; личного состава и иная выучка, первостепенную роль он все же отводил командиру, который "должен обладать навыками партизана"³⁹.

О том, как действовала на практике сформулированная Каменевым система, говорит изданный 28 июня 1922 г. приказ № 157/308 Реввоенсовета Республики, в котором требовалось решительность борьбы незамедлительно довести до крайнего предела и вести ее по всем направлениям, создавая летучие и истребительные отряды, добиваясь оккупирована районов восстания, ведя непрерывную разведку с участием ГПУ и населения (предусмотрев для этого выделение денежных средств - видимо, для материального стимулирования доносительства).

Приказ требовал беспощадно расправляться с пойманными басмачами и их пособниками, не оставляя ни один налет без ответа, преследовать и бить противника без передышки⁴⁰.

Размах партизанского движения в годы гражданской войны и иностранной интервенции, антисоветского повстанчества и борьбы с ним был настолько грандиозен, что не мог не обратить на себя внимания при определении концепции военного строительства в мирное время. На основе трезвой оценки реальных возможностей *страны*, уровня военной угрозы в сочетании с твердым намерением при всех обстоятельствах решительно противостоять любым посягательствам противника, а также отечественного и мирового опыта было принято рациональное решение сосредоточиться на подготовке страны и вооруженных сил к ведению малой войны. По этому поводу М.В.Фрунзе в 1921 г. писал: "... Средство борьбы с техническими преимуществами армий противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой "малой войны" будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы смелым и решительным противником..."⁴¹.

Организационной формой реализации этой концепции стало создание смешанной военной системы с доминирующей ориентацией на перевод

39 Военно-исторический журнал. 1985. № 5. С. 44.

40 Военно-исторический журнал. 1985. № 5. С. 42.

41 Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1957. Т. II. С. 19.

возможно большей части войск, главным образом сухопутных, с кадрового на милиционно-территориальный принцип устройства. Уже к началу 1933 г. на территориально-милиционном положении находились почти 75% стрелковых войск, более 50% корпусной и дивизионной артиллерии, около 75% войск связи, а также ряд специальных частей⁴². Была создана широкая база не только для обеспечения должной мобилизационной готовности армии, но и для возможного развертывания народной войны. Несмотря на то, что этот временный рубеж стал фактически началом решительного отказа отданной идеологии военного строительства и возврата к принципам регулярности, была проделана огромная работа по подготовке к ведению партизанской войны как на собственной территории, так и на территории противника. Для этого заблаговременно создавались запасы оружия и взрывчатых средств, соответствующим образом оборудовалась территория, создавалась агентурная сеть, готовились партизанские кадры, включая иностранные. При этом считалось, что руководителем партизанского движения в конкретном районе должен быть местный житель, хорошо знающий территорию, пользующийся популярностью у населения, особенно крестьянского, имеющий опыт гражданской войны и непосредственно партизанской борьбы.

В круг задач будущих партизанских отрядов входило ведение агитационно-пропагандистской работы, вербовка новых бойцов-партизан, активные диверсионные Действия по выводу из строя путей сообщения и уничтожению поездов, складов, штабов, средств связи, личного состава противника (в первую очередь командно-штабного), а также его местных агентов, предателей и коллаборационистов.

Наряду с большой организационной работой данное направление сопровождалось энергичными научными исследованиями, заинтересованным обращением к отечественной и зарубежной истории, разработкой и внедрением большого числа различных регламентирующих документов, проведением специальных учений⁴³.

Накопленный в 1924-1937 гг. богатейший организационный, теоретический и практический опыт оставался в забвении, не был по существу востребован, когда началась Великая Отечественная война и пришлось заново создавать демонтированную перед самым ее началом систему. Можно только предполагать, сколь высока была бы роль партизан в разгроме противника и приближении даты победы над ним, если бы этого не произошло. Достаточно сказать, что в тылу врага действовало 6 тыс. партизанских отрядов общей численностью свыше 1 млн. человек⁴⁴. Но и во всех Других странах, оккупированных немецко-фашистскими войсками, наряду с ожесточенным противостоянием регулярных армий шла масштабная ир-

⁴²РГВА. Ф. 54. Оп. 15. Д. 21. Л. 6.

⁴³Подробнее об этом и о причинах свертывания заблаговременной подготовки малой войны в СССР см.: Малые войны современности ... С. 117-148.

⁴⁴Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 530.

регулярная война, на ведение которой только немецкое командование вынуждено было выделять 20% своих войск.

Играя в целом вспомогательную по отношению к действиям регулярных армий роль, малая война в ряде стран стала единственным способом национального сопротивления. Она нигде не привела непосредственно к победе, но бесспорно способствовала ее достижению и доказала свою силу уже тем, что была средой, рождающей новую, победоносную армию (например, во Франции и Югославии). В то же время, когда под напором врага рушились государственные устои, народ брал оборону страны в собственные руки, и в этих условиях малая война становилась высшим свидетельством сплоченности, здорового духа и несломленности нации.

В годы войны Красная Армия, ведя беспощадную борьбу на внешнем фронте, второй раз в течение короткого промежутка времени вынуждена была с опаской оглядываться на свои тылы, так как в ряде районов страны вспыхнули восстания и зародилось партизанское движение. Например, осенью 1942 г. в лесах и болотах Владимирской области действовали вооруженные группы "торфянников", ликвидированные силами милиции и НКВД только к концу войны. Вдоль советско-германского фронта образовалось несколько партизанских зон, крупнейшей из которых стал Брянский Локоть, просуществовавший около двух лет. В эту зону не могли проникнуть ни советские, ни германские войска, и на территории с численностью населения почти 1 млн. человек создавались органы власти и даже вооруженные силы - 20-ти тысячная Русская национальная народная армия⁴⁶. Подобные зоны создавались под Псковом, Полоцком, на Северном Кавказе. Например, возобновление партизанского движения в Чечне датируется 1937 г., а к лету 1940 г. возник обширный "освобожденный район" со своим правительством и боевыми формированиями.

Война вновь вызвала к жизни партизанское движение в приграничных районах советского Дальнего Востока. Вытесненные в 20-30-е годы на территорию Маньчжурии казачьи отряды в течение всей войны вели непрерывные боевые действия в форме налетов и рейдов, после которых немедленно опять уходили за границу.

Есть также данные о восстаниях якутов и ненцев, против которых в декабре 1942 г. даже была применена авиация. Дерзкие и весьма удачные налеты восставших вынудили власти создать специальный орган оперативного руководства⁴⁷.

Подробного и непременно специального рассмотрения с повышенным вниманием к военно-техническим аспектам заслуживает зарождение и развитие в годы войны широкого повстанческого движения в прибалтийских республиках и на Западной Украине, которое после 1945 г. превратилось в

45 История второй мировой войны. 1939-1945. М., 1982. Т. 12. С. 210.

46 Московская правда. 1994. 26 октября.

47 Московская правда. 1994. 26 октября.

просуществовавший несколько лет самостоятельный фронт вооруженной борьбы. На обширных пространствах шло необычайно жестокое и непримиримое противоборство советских регулярных войск и специальных сил с мелкими партизанскими группами и отрядами, ставившими перед собой цель добиться активным затяжным сопротивлением восстановления довоенного статус-кво.

При этом важно отметить некоторые характерные черты возникновения повстанчества в западных областях СССР. Его организационные основы вкладывались еще до начала мирового конфликта при непосредственном содействии и поддержке иностранных государств. В годы войны, особенно период немецкой оккупации, заблаговременно созданное подполье, повстанческие и диверсионные формирования, изначально предназначавшиеся для подъема национально-освободительного восстания, получили легальный статус и материализовались в виде особой военно-полицейской силы. На Украине, например, их главная задача состояла в борьбе с советскими партизанами в тылу у немецких войск. Вместе с тем предпринимались и боевые действия против оккупационных сил.

Можно сказать, что полученный ими организационный и боевой опыт, в том числе и перенятый у советских партизан, накопленное оружие, превосходное знание и использование местности, предопределения историческими предпосылками устойчивая идеологическая установка на суверенитет обусловили упорство националистического сопротивления в первые послевоенные годы и продолжают оставаться действующими факторами в наши дни.

В этой связи важно подчеркнуть, что с малой войной столкнулись не только инициаторы мировой, но и освободители других народов, когда изгнание захватчиков они сопровождали внедрением на освобождаемых территориях политического устройства, не принимавшегося местным населением. В значительной мере ход послевоенной истории оказался предопределен тем, что энергичному приступу держав-победительниц к совершенствованию мирового устройства был противопоставлен не менее энергичный ответ подвергшихся разнообразным посягательствам на собственный суверенитет народов, чаще всего более слабых в военном, экономическом и других отношениях. Это противостояние протекало в широком диапазоне форм, а в кульминационные моменты выливалось в вооруженное противоборство. При обобщении конкретных национально-особенных свойств малых войн современности в интересах отражения в первую очередь методов их ведения в качестве исходного аналитического материала можно было бы ограничиться фактурой всего лишь одной, произвольно выбранной войны - будь то война англичан в Малайе, французов в Индокитае и Алжире, американцев во Вьетнаме или советских войск в Афганистане - настолько технология этих конфликтов типична и повторяема независимо от признаков ин-

тенсивности, масштабности, применяемых средств борьбы, природно-климатических условий.

В частности, можно отметить неизменную легкость ввода регулярных сил вторжения в основные политико-административные центры оккупированной страны и вытеснение из них еще плохо вооруженного и организованным противником, что обычно приравнивается к выполнению вооруженными силами поставленной им задачи. Однако дальнейшее распространение режима оккупации нередко, наталкиваясь на нарастающее противодействие стихийно возникающего сопротивления местных сил самообороны и партизан. Оставляемые для охраны и обороны населенных пунктов, коммуникаций, хозяйственных и других объектов подразделен оказывались и в тылу, и одновременно на переднем крае вооруженной борьбы, подвергались внезапным налетам и диверсиям, беспокоящим провоцирующим акциям с различных направлений. Это сковывало напавшие группировки главных сил, снижало темпы их продвижения в данные районы и их освоение, вынуждало резко и внепланово менять операционные направления, ввязываться в спорадические бои частью сил, переходить от сосредоточенных к распыленным рейдово-поисковым действиям. При этом чаще всего именно иррегулярный противник, как бы одр временно присутствующий везде и нигде, определял место, способ и масштаб боевых действий, выбирая наименее защищенные цели и преследуя главную - вывод из строя живой силы и захват военного имущества противника, необходимого для формирования новых вооруженных отрядов

Война всегда разгоралась там, куда входили войска вторжения, приобретала мелкоочаговый характер, а боевые столкновения - значительную разобщенность в пространственном измерении. Это затрудняло применение регулярных войск по единому оперативному плану, их боевое управление действия частей и подразделений в полном составе и предписываемых боевых порядках, что позволило бы полно реализовать заложенные в них возможности. Потенциально располагая большой ударной и огневой мощью стремясь решать боевые задачи преимущественно наступлением, войска почти никогда не встречали фронтального сопротивления и компактных сосредоточений противника, а вынуждены были вести в основном фланговые и арьергардные бои силами только атакованных подразделений группировки главных сил и не успевали до окончания боевого действия осуществить необходимый маневр силами и средствами. Вопреки канонам само наступление в ходе конфликта постепенно трансформировалось в марш в предвидении встречного боя (от которого противник почти всегда успевал уклониться), основным боевым порядком становилась колонна, позволяющая не столько наносить гарантированное поражение противнику, сколько с меньшими потерями проникать в заданный район на глубину, определяемую возимыми (носимыми) запасами, а также временем пребывания нем и возвращения в места постоянной дислокации. Получивший боевой

опыт противник никогда не готовил, не занимал и не оборонял линейных позиций, был свободен от необходимости их выравнивания в случае прорыва и вклинения наступающих войск и тем самым избегал как невыгодных для себя операций в рамках замкнутого поля боя, так и сражений на фиксированных рубежах, где его силы могли быть подвергнуты методичному уничтожению артиллерией, авиацией, танковыми войсками.

Политические императивы требовали эскалации военного присутствия на всей территории, что быстро превосходило возможности первой волны вторжения и одновременно принуждало к неравномерному рассредоточению сил: пока шло сосредоточение группировок на одних операционных направлениях, первостепенное значение внезапно приобретали другие. Регулярные войска все более переключались на решение не свойственных им задач - охрана военных и гражданских объектов, регулирование транспортных потоков, гуманитарные и полицейские операции среди гражданского населения, медико-санитарные мероприятия, нескончаемые инженерные работы в тылу и на вновь осваиваемых территориях, бытовое обустройство во враждебной среде и т.п.

Вынужденное наращивание численности и мощи сил вторжения только оттеняло неэффективность боевых действий войск, которую не удавалось повысить ни поступлением самого современного оружия, ни переключением части боевых задач на местных коллаборационистов, ни проведением акций устрашения, что в конечном счете вдохновляло противника на продолжение более решительной борьбы и вело к деморализации собственных войск. Основные нити управления войной попеременно переходили от военного к политическому руководству и наоборот, пока не обрываясь окончательно, и она вступала в фазу, которую сами непосредственные участники подобных конфликтов чаще всего называют агонией, драмой, крахом и тому подобными выражениями. Как писал французский генерал И. Гра об интервенции его страны в Индокитае, эта война являла собой необычный спектакль с участием двух непохожих армий, разбросанных на огромной территории, находившихся в тесном контакте друг с другом, но не связанных между собой на каком-либо фронте и не стремившихся к решающим сражениям; она напоминала мозаичное полотно из мелких, спорадических действий, в сумме составлявших великую драму⁴⁸.

Требуется понимание этой необычности ситуации и причин неприменимости традиционных представлений о соотношении сил и средств в войнах такого рода, когда фактическое усиление группировки вторжения только увеличивало ее пассивную часть и уязвимость, повышало выше допустимых пределов морально-политическую и материально-техническую цену войны, когда очередная масштабная кампания по разгрому противника приводила не к его ослаблению, а к усилению. При этом объективные показатели свидетельствовали не о неприемлемо низкой боеспособности ре-

⁴⁸ Revue de defense nationale. 1980. № 4. P. 201.

гулярных войск, а о более эффективном способе ведения военных действий и войны в целом их более слабого противника, который, видимо, владел неким секретом превращения неведомых источников потенциала сопротивления в реальную неодолимую силу.

Секрет с составляющими потенциала сопротивления в народной оборонительной войне никогда и никем не скрывался. Его, в частности, в очередной раз раскрыл Во Нгуен Зиап в разгар борьбы против американской интервенции, что однако, не уберегло и этого агрессора от копирования своего предшественника и столь же сокрушительного поражения, не побудило его радикально изменить стандартные подходы. "Именно в координации боевых действий регулярных войск, территориальных войск, а также отрядов народного ополчения и партизан, в сочетании большой войны с широким партизанским движением состоит главное преимущество народной войны, - писал вьетнамский полководец. - Именно это и лишило профессиональную агрессивную армию возможности повести войну классическими методами, в которой она смогла бы в полной мере использовать свою мощь, свои сильные стороны ... Фактически войска колонизаторов попали в бушующий океан народной войны, в которой для них не было ни фронта, ни тыла, где вся страна была полем битвы"⁴⁹.

Как известно, ни опыт предшественников, ни концептуальные подсказки противника не были востребованы войсками США, что и предопределило их поражение. "В ответ на совершенно новую угрозу, необычную и нетрадиционную, США применили привычную стратегию и тактику, прибегли, к американскому стилю ведения боевых действий, даже не попытавшись приспособить его к природе данного конфликта"⁵⁰.

Тех же роковых методологических ошибок не избежали и советские войска в Афганистане. Ничего не зная о типовой природе разраставшегося конфликта, не вооружив контингент соответствующими знаниями в военно-учебных заведениях, в системе оперативной и боевой подготовки войск и штабов, полагая достаточным для достижения цели одно лишь военное присутствие (что приводило к нужному результату в других конфликтах в других регионах), военное и политическое руководство в самом начале сделало то, что ценой значительных усилий предстояло сделать противнику - обрекло войска на статичное пограничное стояние и охрану коммуникаций, на что выделялось до 80% наличных сил. Как отмечали авторы монографии "Война в Афганистане", "советские регулярные войска, по существу, оказались неподготовленными к партизанской войне с мелкими чрезвычайно мобильными группами и к самой партизанской тактике наступательных и оборонительных действий ..."⁵¹.

⁴⁹ Во Нгуен Зиап. Указ. соч. С. 92.

⁵⁰ Regular Armies and Insurgency. London, 1979. P. 84.

⁵¹ Пиков Н.И., Никитенко Е.Г., Тегин Ю.Л., Шведов Ю.Н. Война в Афганистане М., 1991. С. 238.

Эту жесткую оценку подтверждает в своих мемуарах и бывший командующий 40-й армией генерал Б.В.Громов. Его выводы ценны вдвойне, так как квалифицированно свидетельствуют о профессиональной неподготовленности нашей армии к участию в таких войнах ни в то время, ни сейчас, о настоятельной необходимости немедленного обращения к их опыту в складывающейся в России и мире военно-политической обстановке. Он, например, пишет о том, что боевым опытом армии мало интересовались тогда, а после завершения войны - тем более⁵².

Каковы последствия такого игнорирования политической и военно-технической сущности подобных конфликтов, отсутствия в арсенале современной школы военного искусства адекватных технологий противопартизанской борьбы, устойчивых навыков их применения войсками, можно судить по тем несоразмерно большим и никак не ожидавшимся потерям тех государств и армий, которые испытали мощь иррегулярного метода ведения войны в масштабных столкновениях. Например, разгром в мае 1954 г. крупного французского гарнизона в Дьенбьенфу буквально потряс Францию, "открыл" нации войну, которая до этого момента замалчивалась, представлялась в виде небольшой экзотической кампании. Война в Алжире вообще привела Францию к острейшему военно-политическому кризису, непосредственной угрозе наступления на Париж взбунтовавшейся части армии. Великобритания, предчувствуя аналогичные последствия своих колониальных войн, пошла на свертывание многие десятилетия устанавливавшейся военной инфраструктуры к востоку от Суэца, что явилось тяжелым моральным ударом по имперскому сознанию не только правящих кругов, но и простых обывателей. Потеряв надежды на победу, Голландия вывела свою армию вторжения из Индонезии. В военную историю США война во Вьетнаме навсегда вошла как "грязная", а американская армия того времени - как целиком бездарная, не способная ни выиграть локальную войну, ни, тем более, надежно защитить нацию и союзников в случае полномасштабного столкновения с Варшавским Договором.

В результате она подверглась глубокому реформированию, а вся деятельность военного ведомства была поставлена под жестокий контроль гражданских структур. Наконец, известно, что в СССР волна испепеляющей критики и дискредитации вооруженных сил поднималась все выше по мере того, как все хуже развивались события в Афганистане.

Общий обзор военно-исторических событий второй половины нашего столетия, в которых стереотипно воспроизводился вариант иррегулярной обороны для отражения прямой военной интервенции современной регулярной армии в слабо развитую страну, не дает полного представления об известных рамках применения данного метода вооруженной борьбы. Он стабильно просматривается в разновидностях национально-освободительных, гражданских и революционных войн, а также вооруженных восста-

⁵² Громов Б.В. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 147.

ний, которые формально не являются ответной реакцией на агрессию и в которых преимущественно отсутствует непосредственный "казус белли". В этом смысле они носят изначально наступательный характер и нередко иницируются относительно небольшими группами, партиями или специально создаваемыми военно-политическими организациями, призванными выполнить роль маленького мотора, приводящего в действие гигантский маховик борьбы масс.

При созвучности заявленных целей этой борьбы устремлениям значительной части населения, умелой организационной работе, действию других благоприятных внутренних и внешних факторов "маленькому мотору" удастся вызвать к жизни мощное социальное движение, центральное место в котором занимает вооруженная борьба с применением уже известного метода малой войны. В этом случае и с этого момента дерзкая оппозиция превращается в обороняющуюся сторону, а противоположная сторона - в агрессора и виновника насилия. Последующий ход событий, в том числе и вооруженного противоборства, напрямую зависит от способности каждой из сторон отождествить себя в глазах собственного населения и за рубежом с идеей патриотизма и справедливости, от расчетливых и долговременных усилий по идеологическому обоснованию конфликта. И в этом отношении слабая сторона пользуется заведомым преимуществом, так как оккупант (будь то армия метрополии, армия местного режима, формирования наемников) "нуждается в быстрой победе, чтобы избежать ухудшения своих дипломатических позиций в случае затягивания конфликта"⁵³.

Наиболее ярким примером успешного применения этого метода для ведения гражданской войны может служить победа на Кубе трехтысячной Повстанческой армии над восьмидесятитысячным войском Батисты, а также победоносное сочетание в 1979 г. восстания и партизанских действий в Никарагуа; в национально-освободительных войнах - это почти одновременный триумф повстанческих движений в Африке, особенно в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау.

Можно привести и примеры неудачного применения этого метода, возникновения "патовых" ситуаций, вырождения и трансформации его в иные способы и формы. Но они не в состоянии опровергнуть общий вывод: регулярным войскам нигде не удалось выиграть малую войну в ее развитой стадии. Там же, где с большей или меньшей степенью определенности был зарегистрирован успех, он в основном достигался геноцидом, широким и умелым применением ненасильственных методов, или вытекал из просчетов самого иррегулярного противника.

В подтверждение можно привести следующее наблюдение. Повсеместно обеспеченная иррегулярными действиями победа и становление новой государственности приводили к роспуску победившей армии и формированию на ее основе регулярных вооруженных сил.

53 XIVColloque international d'histoire militaire. Montreal, 1988. Acta№ 14. T. I. P. 25.

Как правило, этот процесс шел в сопровождении второй волны восстаний и малых войн, которые по известной уже схеме начинали вести против утвердившегося режима силы новой оппозиции или вчерашние соратники победителей: например, "контрас" на Кубе и в Никарагуа, РЕНАМО в Мозамбике, УНИТА и другие группировки в Анголе, "красные кхмеры" в Камбодже, "непримиримые" в Афганистане. Следовало бы ожидать, что молодые регулярные армии, впитавшие весь недавний опыт малой войны, должны добиваться над ними легкой победы. Но практика показывает, что и они обнаруживают такую же неэффективность в борьбе с действующим не по правилам противником.

Уместно предположить, что эффективность боевых действий могла бы быть иной, если бы против иррегулярного противника применялись иррегулярные методы. Но истории неизвестны случаи полномасштабного применения технологии малой войны обеими сторонами. В то же время во многих случаях регулярные армии прибегают к подобным методам частью своих сил и добиваются при этом больших успехов. Более того, успех тем значимей, чем выше степень специализации (в данном случае иррегуляризации) выделяемой для борьбы с иррегулярным противником части войск. Группируя в интересах наглядности различные проявления малых войн и подчеркивая при этом их внутреннюю однородность, необходимо указать и на такую форму организованного вооруженного насилия, которая под определенным углом зрения предстает в качестве фрагмента малой войны, не получившей в силу определенных причин своего развития. С позиции существующего законодательства о войне и оружии, а также морально-этических норм ведения вооруженной борьбы это такие нелегитимные и осуждаемые явления, как террор, захват заложников, нарушение систем жизнеобеспечения гражданского населения, в целом совершение актов антигуманного свойства, особенно в условиях мирного состояния. Это самый жестокий, экономичный и неуязвимый способ силового воздействия на противника, который вполне вписывается в техническую ткань мамы войны как беспокоящее, изнуряющее, относительно легкое в исполнении и весьма эффективное средство достижения промежуточных целей. Его применение, подчас весьма продолжительное, масштабное и систематическое, является верным признаком ограниченных возможностей для придания решительных целей собственно военным действиям, и это подтверждается тем, что к данному средству в указанных условиях прибегают как всякого рода "бандиты", так и цивилизованные государства с их дисциплинированными регулярными армиями.

Ни одна из сторон, применявших меры этого ряда, до сих пор не выработала адекватного противоядия против аналогичных действий противника, который становится абсолютно непредсказуемым, неуловимым и вездесущим даже при малом своем числе, неразборчивым в выборе объектов и целей для нападений, бесконечно изобретательным в способах действий

и применяемых средствах. Для примера достаточно вспомнить многолетнюю борьбу сепаратистов Северной Ирландии и Страны Басков, неуловимость "Сендеро луминосо" в Перу, безжалостные акции «Красных бригад» в Италии и "Фракции Красная Армия" в Германии, другие подобные явления в Индии, на Ближнем и Среднем Востоке и в других регионах.

Сотни войн, вооруженных конфликтов и восстаний второй половины нынешнего столетия, проходивших на фоне статичного противостояния сверхдержав и сверхблоков, стали главным военно-политическим содержанием новейшего времени. При этом целый ряд признаков указывает на то, что на смену этапу широкого применения метода малой войны в качестве средства противостояния масштабной интервенции пришел этап применения этого метода в его диверсионно-подрывной разновидности, предполагающей в частности, диффузное (по выражению М.Тухачевского) со стояние сил сопротивления. Как отметил на XIV международном военно-историческом коллоквиуме в Монреале французский полковник Ж.Сюан "миниатюризация обеспечивает решающую эффективность..., в то время: как возрастающая сложность современного мира множит точки его высокой уязвимости"⁵⁴.

Условия для развития событий по этому сценарию объективно присутствуют: традиции и опыт, уже накопленное оружие и легкий доступ к нему несовершенство мирового устройства и растущее национальное самосознание многих народов, обострившаяся этно-религиозная нетерпимость и ксенофобия. Это, в том числе, происходящая деформация глобального силового поля, нарушившая устоявшиеся механизмы взаимосдерживания. Это официальное признание великими державами в качестве одной из приоритетных целей своей военной политики использование вооруженных сил в различного рода миротворческих акциях. Это еще более усилившийся разрыв в уровнях военных потенциалов различных государств, а также широко развернувшаяся реорганизация современных регулярных армий по линии обособления и увеличения в них доли специализированных компонентов, приспособленных для ведения автономных боевых действий на удаленных ТВД. С учетом того, что они лучше всего показали себя в малых войнах, факт их наличия, оснащение и подготовка объективно понижают порог развязывания военных действий без привлечения основной массы вооруженных сил даже в предвидении столкновения с иррегулярным сопротивлением.

В ряду косвенно-провоцирующих факторов стоит и то обстоятельство что к началу реальных боевых действий малая война существует лишь в виде стратегической концепции и материализуется в полной мере уже в ходе вооруженной борьбы: создается и приобретает определенные формы армия сопротивления, выявляются реальные параметры столкновения, вырабатываются конкретные черты военного искусства.

Малая война недостаточно изучена уже потому, что сам предмет возникает в неблагоприятных для исследований обстоятельствах и исчезает почти бесследно с окончанием очередного конфликта, уроки которого попадают в категорию случайных и нехарактерных. Вместе с тем, несмотря на великое разнообразие национально-особенных проявлений и уникальность внешних признаков, малая война в своем развитии подчиняется определенным закономерностям и логике, которые поддаются выявлению. Как было показано выше, мировой, включая отечественный, опыт в полной мере подтверждает неизменность определяющих свойств малой войны на протяжении веков и тысячелетий, ее способность к регенерации и адаптиванию даже в самых неблагоприятных условиях.

2. Современный отечественный опыт борьбы с партизанскими и повстанческими движениями

- Советскому государству, добившемуся выдающейся победы над такими военными гигантами, как фашистская Германия и милитаристская Япония, в течение долгих лет после окончания второй мировой войны пришлось вести изнурительную и жестокую борьбу на внутреннем фронте, которую по масштабам, военному, экономическому и политическому значению можно безусловно сравнить с крупнейшими стратегическими операциями завершившегося мирового конфликта. Но аналогия уступает место резкому контрасту, когда при рассмотрении борьбы на внутреннем фронте анализируются формы и способы боевых действия сторон, состав и организация привлекаемых сил и средств, а также их соотношение и эффективность прилагаемых усилий. Случилось так, что за относительно короткий промежуток времени советские войска трижды становились основным инструментом внешней (а затем и внутренней) политики при распространении государственного суверенитета СССР на территорию Прибалтики, Западной Белоруссии и Западной Украины. При этом логика развития событий в последнем случае, обозначившиеся уже в годы войны признаю! их неотвратимости позволяют утверждать, что разыгравшаяся на протяжении почти всей западной приграничной полосы драма была неизбежна еще на стадии присоединения и освоения этих территорий, но в то время оказалась подавлена вооруженным столкновением более высокого уровня.

Предваряя рассмотрение этих событий, следует привлечь внимание к наличию у них целой группы общих свойств и черт. Так, у всех этих восстаний, взятых вместе и порознь, отсутствовал географический и функциональный центр, не наблюдалось сгустка восставших масс и их военно-политического руководства в определенном месте, не было районов наибольшей интенсивности вооруженной борьбы. Вместо этого обозначилось широкое региональное рассредоточение очагов сопротивления - столь широ-

⁵⁴ XIV Colloque international d'histoire militaire... P. 25. 46

кое, что в известной мере можно было говорить о вооруженных конфликтах межгосударственного масштаба.

Общее и то, что начало и окончание конфликтов оказались синхронизированы во всех очагах, слившихся в единое пятно нестабильности, но нигде не удалось добиться решающего разгрома повстанческих сил. Для борьбы в подавляющем большинстве случаев проводились специальные операции в основном силами правопорядка и госбезопасности с эпизодическим подключением войск Красной Армии.

Важно также подчеркнуть, что противостояние новой периферии Москве осуществлялось в этно-конфессиональном ключе, что придавало сопротивлению дополнительную стойкость и высокую мотивацию.

И, наконец, ни одно из указанных повстанческих движений не ставило перед собой задачу одержать военную победу. Стратегия сопротивления базировалась на ожидании вмешательства в конфликт враждебных Москве внешних сил, для чего широко применялись методы затяжной партизанской войны и диверсионно-террористических акций.

В то же время каждое из национальных повстанческих движений отличалось от других рядом особенностей, что обнаруживается при их конкретном рассмотрении. Например, из общего повстанческого движения в Прибалтике можно выделить литовское сопротивление 1944-1952 гг., как самое масштабное, ожесточенное и организованное. Первым актом сопротивления в Литве стало бойкотирование в июле 1940 г. выборов в народный сейм, что свидетельствовало о наличии значительного потенциала неприятия населением новой политической реальности. Уже в этот период стали создаваться подпольные группы активного сопротивления, предусматривавшие и вооруженную борьбу. С нападением Германии на СССР они подняли восстание в тылу советских войск и установили контроль во многих городах и других населенных пунктах. Это первое масштабное антисоветское выступление способствовало формированию руководящего ядра послевоенного партизанского движения, дало определенный опыт сопротивления оккупации. И хотя он не получил своего развития в период захвата Прибалтики немецкими войсками, борьба за национальный суверенитет в тех или иных формах продолжалась и в новых условиях. И если в первые годы войны она в основном сводилась к уклонению от призыва в немецкую армию литовской молодежи, то с 1943 г., когда ход войны стал определенно складываться не в пользу Германии, некоторые отряды стали уже прибегать к практике захвата оружия и имущества у отступающих немецких частей и готовиться к развертыванию партизанских действий против наступающих советских войск.

Летом 1944 г. войска 3-го Белорусского фронта практически очистили территорию Литвы от немецких оккупантов и фактически восстановили довоенное положение, нетерпимое для значительной части населения, считавшего, что лучше погибнуть с оружием в руках, чем еще раз подверг-

нуться массовым арестам и депортации - вполне ожидавшимся мерам Москвы в ответ на сотрудничество литовцев с гитлеровцами. Росту рядов партизан способствовал также объявленный в 1944 г. призыв в армию.

Не последнюю роль в развертывании повстанчества играли сугубо идеологические мотивы. Костяк повстанческого руководства состоял из кадров буржуазной литовской армии и представителей интеллигенции. Он тяготел к идеалам западного образа жизни и культуры и стал источником агрессивного национализма, наиболее остро воспринявшим ущемление национального чувства. К тому же для них борьба с СССР представлялась не только борьбой за независимость Литвы, но и была освящена догматами веры. Так как абсолютное большинство населения составляли католики, которые на деле получили возможность ощутить негативное отношение советской власти к католической церкви, то это большинство в той или иной степени поддержало вооруженную оппозицию.

Активное сопротивление "лесных братьев" было настолько привлекательно для литовского населения, что партизанские командиры ради сохранения управляемости и безопасности своих формирований вынуждены были бороться с избыточным притоком добровольцев. Более того, пользуясь периодически объявляемыми амнистиями, они даже демобилизовывали часть личного состава и отправляли его на легальное положение по месту жительства, используя его в интересах продолжения борьбы в нужные моменты и в нужном качестве.

В целом все движение сопротивления можно было разделить на три категории - действующие боевые формирования, резерв и сочувствующие. Боевики пользовались популярностью в народной среде и славой национальных героев. Они постоянно находились в лесах, где прятались во временных укрытиях или специальных хорошо замаскированных бункерах, были вооружены немецким и советским оружием, носили старую литовскую военную форму, получали продукты питания от крестьян или отнимали их у вступающих в колхозы. То, что можно назвать резервом повстанцев, представляло собой значительную группу населения, которая также имела оружие, но проживала дома и формально вела законопослушный образ жизни. Эти силы периодически вливались в действующие отряды для их усиления в ходе проведения масштабных акций, для дезинформирования противника и отвлечения его сил с опасных направлений, а иногда и для самообороны. Сочувствующие партизанам лица обычно не принимали участия в вооруженной борьбе, но выполняли важные задачи разведки, обеспечения связью, снабжения.

Характерно в этой связи, что во всех трех прибалтийских республиках по существу быстро провалились планы сочетания национально-освободительного движения с диверсионно-подрывной деятельностью немецких спецслужб, приступивших в 1944 г. к активной заброске в тыл действующей Красной Армии боевых групп, оружия и боеприпасов - то есть иску-

ственному инициированию повстанчества. Как показала практика, внедрение таких групп в еще не вызревшую социально-политическую среду оставляло их один на один с превосходящими силами советской армии и противодиверсионными формированиями. Большинство таких групп довольно легко поддавались обнаружению и быстро уничтожались. Так, с ноября 1944 г. по середину февраля 1945 г. было уничтожено 4176 диверсантов и бандитов, при этом только в Литве было ликвидировано 4045 человек. В борьбе с ними наши войска потеряли 177 человек, из которых 151 погиб в Литве⁵⁵.

Тем не менее, как уже отмечалось, этот этап не прошел бесследно и способствовал закладыванию организационных, материальных и политико-эмоциональных основ будущего сопротивления, его широкому развертыванию практически без паузы сразу же после окончания войны. Более того, подъем повстанчества был настолько значительным, что на первом этапе, особенно в 1945-1947 гг., привел его к противоположному результату. Руководство сопротивления переоценило свои возможности и нередко бросало свои отряды в открытые столкновения, в которых они в борьбе с превосходящими силами несли тяжелые поражения. И только на втором этапе произошли радикальные изменения в тактике борьбы. Весь период 1949-1952 гг. характеризуется постепенным переадресованием партизан в основном на диверсионно-террористическую деятельность, оборону своих лагерей и складов - в основном на выживание с одновременной демонстрацией своего присутствия. В последующем, вплоть до 1957 г., когда террористические акции стали чуть ли не единственной формой самовыражения и все больше обращались против собственного населения в ходе экспроприации и наказаний за коллаборационизм, движение "лесных братьев" пошло по пути вырождения в бандитизм и в конечном счете сошло на нет.

Такая эволюция в тактике действий не в последнюю очередь диктовалась намеренно затяжным характером сопротивления на стратегическом уровне. Трезво оценивая собственные возможности и вероятность масштабного столкновения двух мировых систем, литовские националисты возлагали главные надежды на привлечение себе в союзники основных капиталистических стран. И чем призрачней становилась возможность скорого силового передела мира, тем меньше шансов оставалось у прибалтийских сепаратистов получить решающую поддержку извне. Окончательную черту под этими ожиданиями подвело создание Варшавского Договора и перенесение границы глобального противостояния далеко на запад.

Кроме того, боевая деятельность повстанцев преследовала цель замедлить или приостановить советизацию общества до вмешательства Запада. Вот почему объектами нападений становились организации и лица, непосредственно вовлеченные в процесс интегрирования прибалтийских республик в единую общественно-экономическую структуру СССР: партий-

⁵⁵ Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 46.

ные и советские работники на местах, пропагандисты и агитаторы, ответственные за проведение коллективизации, рядовые литовцы, заподозренные в сотрудничестве с новой властью. Не случайно, из 25108 человек убитых и 2965 человек раненых в 1944-1956 гг. в Литве, более 23 тыс. человек были литовцами⁵⁶.

Закономерен вопрос о причинах боевой эффективности литовских партизан (и, соответственно, неэффективности регулярных правительственных войск) в условиях очевидного превосходства последних в силах и средствах. Помимо указанных морально-психологических и политических обстоятельств ответ следует также искать в сфере тактики действий участвовавших в конфликте сторон. Понимание особенностей и отличительных черт партизанского способа борьбы дает, в частности, приказ Верховного штаба Армии освобождения Литвы (ЛЛА) от 4 ноября 1944 г.

Для успешной борьбы против НКВД, местной администрации и шпионов, говорится в нем, вести ее без жалости и щепетильности. Собирая точные сведения о количестве частей НКВД, их вооружении, постах охраны, бдительности и т.п. Составить планы, в основу которых положить хитрость, изобретательность, но не силу. Операции проводить только ночью, назначая для этого нужное количество людей. Для этой цели лучше всего играть роль милиции и НКВД, прибывших из других уездов. По возможности надевать русские одежды и говорить по-русски. В случае опасности быть расшифрованными местными жителями носить маски, перекрашиваться и пользоваться вымышленными именами.

Отдельных энкаведистов и небольшие группы, направляющиеся на охоту, ликвидировать без всяких следов, чтобы создавалось впечатление, что пропали без вести. Для обеспечения оружием и патронами забирать все вооружение у ликвидированных, покупать у красноармейцев за самогон⁵⁷.

Принципиально такая тактика не изменилась на протяжении всего конфликта. Ее смысл заключался в том, чтобы в каждой проводимой акции наносить внезапный удар противнику с максимальными для него потерями и стремительно отходить. Большинство налетов литовских партизан проводилось весьма ограниченными силами - группами не более 2-3 человек. Бой крупными силами допускался как исключение и принимался только в тех случаях, когда не было другого выхода. Так, в 1945 г. две дивизии ЖВД вышли на сосредоточенную группировку партизан численностью около 800 человек и навязали им позиционный оборонительный бой. О его характере говорят данные о потерях сторон: потеряв 150 человек, партизаны вывели из строя 800 человек из наступающей группировки⁵⁸. У партизан существовало жесткое правило, заключавшееся в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не сдаваться в плен живым и не подвергать тем са-

⁵⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 139.

⁵⁷ ЦАПВ. Ф. 314. оп. 1. д. 11. лл. 36-40.

⁵⁸ The Journal of Slavic Military Studies. 1994. Vol. 7. № 4. P.689.

мым угрозой безопасности свой отряд и членов семей. Поэтому даже в безвыходных ситуациях партизаны оказывали ожесточенное сопротивление а при реальной возможности пленения стрелялись или подрывали себя гранатой так, чтобы изуродовать лицо и этим затруднить опознание. Следует сказать, что безжалостность к себе они распространяли и на противника. Поэтому борьба с повстанчеством в Прибалтике насыщена примерами самопожертвования советских воинов, в критических ситуациях предпочитавших смерть пленению.

Антисоветское восстание в Литве в течение всего времени носило в основном разрозненный характер и отличалось большой автономией различных его отрядов и их независимостью от руководящего центра. Можно предположить, что это, возможно, играло и отрицательную роль в плане согласования усилий и маневрирования наличными силами в масштабах республики и всего региона. Однако в то же время известная разобщенность понижала уязвимость отдельных очагов восстания, а также возможность поражения движения в целом в результате ликвидации его центральных структур. Децентрализация стала особенностью прибалтийского партизанства вообще, а отсутствие единого руководства компенсировало жесткой дисциплиной на локальном уровне, поддерживаемой самим статусом партизан, вынужденных долгие годы существовать и действовать в условиях плотного окружения.

То, что фактически сложившаяся децентрализация себя оправдывала подтвердил следующий эпизод. В конце 40-х годов партизанами был ее дан учебный центр по подготовке младших командиров, обучение в котором шло по единым программам и позволяло после выпуска в 1947 г. первого набора придать сопротивлению более унифицированный и скоординированный характер. Однако вскоре центр был обнаружен и уничтожен и, по оценке руководства повстанцев, ущерб от его потери превышал ожидавшиеся выгоды. В последующем к централизованной подготовке кадров уже не возвращались.

Предельное рассредоточение партизанских сил, когда нормальная численность каждого отряда, действовавшего в одном и том же районе, не превышала 6-10 человек, не позволяла в случае необходимости временно объединять их в роты в подчинении окружного командования, что крайне затрудняло действия войск НКВД. В этих условиях их главной задачей становилось обнаружение противника, выявление мест расположения его лагерей, стоянок, бункеров, складов материальных средств и других точек привязки. Но и в случае обнаружения такие малочисленные отряды зачастую довольно легко уходили из-под массированных ударов, и требовалось применять различные приемы военной хитрости, чтобы выманить их удобное для боя или окружения место. Когда это удавалось, исход боевых действий бывал предрешен.

Определенный перелом в борьбе с повстанцами наметился тогда, когда пришло понимание необходимости расширить диапазон методов ее ведения и не ограничиваться только военными действиями. Так, в войсках НКВД был создан специальный отдел, занимавшийся организацией борьбы с партизанами силами местной самообороны. Он готовил тайную агентуру, вел антипартизанскую пропаганду, провоцировал повстанцев на акции, заранее обреченные на провал, распускал ложные слухи и т.п.

Большой военный, морально-психологический и политический эффект давало создание ложных партизанских отрядов, представлявших собой специально подготовленные подразделения НКВД. Для завоевания доверия местного населения они даже проводили акции вполне антисоветского свойства, после чего искали у местного населения выходы на вооруженное подполье. Такая схема внедрения позволяла не только наводить войска НКВД на выявленные повстанческие группы, но и выходить на связанных с ними местных жителей. Именно поэтому сами партизаны считали этот метод самой большой для себя угрозой, так как он строился на использовании их естественной зависимости от населения, связи, снабжения, вооружения. И когда советским властям все же удалось завершить коллективизацию и поставить под контроль ресурсы села, повстанческому движению был нанесен тяжелый удар. В сочетании с неблагоприятным для него развитием международной обстановки, военными поражениями, налаживанием нормальной жизни в республике, а также амнистией 1955 г. это вынудило отказаться от продолжения вооруженного сопротивления. Как известно, в последующем оно уступило место более тонким формам противодействия, значительный потенциал которого в полной мере выявил себя уже после развала Советского Союза.

Рождение повстанческого движения в Белоруссии также связано с мировой войной. И здесь в период оккупации в западных областях республики возникли белопольские формирования с задачей борьбы за независимость. Они активно участвовали в подавлении советского партизанского движения, вели антисоветскую пропаганду, проводили кампании запугивания населения, осуществляли террористические акции, совершали диверсии на коммуникациях, срывали поставки для нужд Красной Армии. Польские ориентиры присутствовали в идеологии и послевоенного белорусского сепаратизма, что побуждало в свою очередь польское повстанческое движение и стоявшие за ним силы довольно активно сотрудничать со своими единоверцами (в том числе и в буквальном, религиозном, смысле) в Белоруссии. Именно это обстоятельство следует отнести к категории решающих при выявлении причин того, что в Белоруссии партизанство не приобрело размаха, не нашло массовой поддержки у населения и в конечном счете угасло. Не последнюю роль в этом сыграло то, что борьба с послевоенным повстанчеством в этом регионе одновременно велась на двух фронтах, и хотя их усилия не были согласованы, одновременные антиповстанческие

мероприятия на территории Польши и Белоруссии способствовали ликвидации вооруженной оппозиции на территории обеих республик.

Наиболее мощной, непримиримой, опытной и изощренной в методах действий была военно-политическая организация радикальных украинских националистов. Созданная еще в конце 20-х годов, она преследовала одну только цель - достижение любыми способами независимости Украины. Радикализм украинского национализма объяснялся уже тем, что на протяжении более 500 лет западноукраинские земли попеременно находились под фактическим диктатом венгерских, польских, австрийских, румынских, немецких оккупантов. Уже поэтому присоединение этих областей накануне мировой войны к Советскому Союзу воспринималось значительной частью местного населения как очередная смена одного оккупационного режима на другой.

Немецкое командование в период нахождения немецких войск на территории Украины умело этим воспользовалось и обратило мощный националистический потенциал Организации украинских националистов (ОУН) против советской власти и Красной Армии. Именно с их участием и помощью эта политическая организация создала свою военную структуру, сформировав Украинскую повстанческую армию (УПА) и Украинскую народно-революционную армию (УНРА). Выступая руководящей силой, ОУН на третьем съезде в 1943 г. поставила своему военному крылу следующие задачи: вооружение и оснащение УПА, ее подготовка для вооруженного выступления в тылу советских войск с конечной целью создания Украинской самостийной соборной державы; совершение диверсионно-террористических актов и налетов на штабы и подразделения Красной Армии и войск НКВД; истребление их офицерского состава, сотрудников органов НКВД-НКГБ, партийно-советского актива; вывод из строя объектов тыла, уничтожение средств производства, имущества, транспорта и т.п.

Справедливости ради следует отметить, что первоначальные планы и действия боевиков были обращены и против поляков, а также и против немцев. Например, в феврале 1943 г. они разоружили жандармский гарнизон в г. Владимирец. Командование УПА внушало как своим подчиненным, так и населению, что их армия сражается против любых врагов украинской независимости и равномерно распределяет свои удары между ними. О сотрудничестве УПА с фашистами уже написано достаточно, хотя этот факт опровергается в наши дни. Доказанным также является факт, что в период немецкой оккупации одной из главных задач УПА была борьба с советским партизанским и антифашистским подпольем.

Важнее то, что после изгнания немцев накопленный боевой опыт и вооружение, созданная за это время четкая организационная структура, внедренная агентура позволили практически без паузы развернуть диверсионно-боевую деятельность против советских войск и органов власти. Достаточно сказать, что с февраля 1944 г. по конец 1945 г. боевые отряды нацио-

налистов совершили свыше 6600 диверсионно-террористических актов, а за все время своего существования около 14,5 тыс. вооруженных нападений. Более того, в этот период все их действия отличались наибольшим масштабом, решительностью и открытостью, что давало возможность проводить против них массированные чекистско-войсковые операции и наносить самые ощутимые потери за весь период борьбы с украинским повстанчеством.

Так, только на территории Львовского военного округа с октября 1944 г. по март 1945 г. было проведено свыше 150 противоповстанческих операций с участием в них до 16 тыс. человек. В результате было уничтожено 1199 боевиков, ранено 135, взято в плен 1526 и 374 человек явились с повинной. При этом войска потеряли убитыми 45 и ранеными 70 человек⁶⁰. Результативно оканчивались и осуществлявшиеся в тот период войсковые мероприятия в населенных пунктах, которые проводились по упрощенной схеме действий. Они сводились к тому, что войска окружали село, осуществляли его прочистку, арестовывали все взрослое мужское население и силами отрядов СМЕРШ проводили фильтрацию.

В результате военных поражений и дезорганизации первая волна украинского повстанчества, насчитывавшего в 1944 г. до 100 тыс. человек⁶¹, была вынуждена отказаться от практики сосредоточенных ударов, схожих с действиями противостоящих им советских войск, и в 1946-1948 гг. перейти к сугубо партизанской тактике и полуавтономным действиям мелкими группами. И если на первом этапе войскам приходилось вести бои с отрядами численностью до 500-600 человек, то в последующие годы численность действовавших повстанческих отрядов постоянно сокращалась и редко превышала 30-50 человек.

Боевики демонстрировали исключительное мастерство в маскировке и принимали бой только на хорошо известной им местности (в основном в лесных массивах) и только тогда, когда обладали явным численным превосходством. Мелкие подразделения они истребляли путем организации искусных засад, внезапных и стремительных налетов, неизменно преследуя в этих акциях цель захвата оружия, военного имущества, продовольствия. В этот же период произошла децентрализация руководства повстанческим движением, хотя до последнего дня оно сохранило четкое организационное устройство, управляемость и дисциплину.

Схематично армия повстанцев состояла из куреней (батальонов) численностью до 2 тыс. человек, сотен по 120-150 человек, чет (взводов) и роев (отделений). При командующем армией имелся штаб, политический отдел, жандармерия, разведывательные и мобилизационные органы, служба безопасности и другие структуры. Военная организация подчинялась политическому руководству сопротивления в лице ОУН, из членов которой

⁵⁹Правда 1992. 17 декабря; Независимая газета. 1996. 25 июля.

⁶⁰Военная мысль. 1991. № 3. С. 61, 63.

⁶¹Независимая газета. 1996. 25 июля.

исключительно формировался командный состав боевых подразделений. Личный состав комплектовался за счет тщательно отбираемых добровольцев, а также мобилизованных (нередко насильственно) лиц, которые составляли до 60% всей численности войск. При этом предпочтение отдавалось служившим в армии.

Каждый отряд обрастал собственной сетью "языковых" - осведомителей и связных из среды местного населения. Снабжение повстанцев также осуществлялось за счет местного населения через "господарчих" - хозяйственников-заготовителей, которые по приказу из леса производили разверстки на продукты питания и фураж, собирали отданное и переправляли его в партизанские зоны.

Основное внимание после перехода к действиям мелкими группами стало уделяться вопросам обеспечения безопасности. Созданная с этой целью служба безопасности занималась раскрытием агентуры НКВД в среде самих повстанцев, выявляла недовольных и колеблющихся. Располагая агентурой в населенных пунктах, она получала также информацию о настроениях их жителей, намечала жертвы среди сотрудничавших с советской властью и жестоко, преследуя цель запугать остальных, расправлялась с ними. И если на первых этапах такая политика давала определенные результаты, то со временем она стала одной из главных причин резкого сужения социальной базы повстанчества и его неуклонного перерождения в бандитизм. Бандеровцы все глубже, уходили в леса, все реже осуществляли вылазки активные действия. Как и литовские сепаратисты, украинские националисты разувверивались в возможности выступления на их стороне стратегических противников Советского Союза, что делало в их представлениях недостижимой политическую цель борьбы. Но еще длительное время инерция сопротивления сохранялась. Этому способствовало цементирующее влияние политической надстройки движения, созданная за долгие годы своеобразная военная инфраструктура с разветвленной сетью убежищ, складов продовольствия и разнообразного имущества, а также, главным образом, партизанская тактика, основанная на внезапности, стремительности, тщательной и заблаговременной подготовке операций, максимальном рассредоточении сил после их проведения. Последний прием давал ощутимые результаты даже в масштабе всего движения, но особенно эффективным показал себя на уровне мелких отрядов и партизанских очагов. Так, например, отмечались периоды, когда перед лицом максимальных сосредоточений правительственных войск бандеровцы по команде свертывали вооруженную борьбу, прятали оружие и сами расходились по домам в ожидании более благоприятной обстановки. С еще большей легкостью это удавалось проделывать отдельным группам.

Показательно, что время пребывания боевиков в населенных пунктах увеличивалось, что создавало наиболее благоприятные условия для проведения операций по их уничтожению. Это, в частности, показала одна из

операций на территории семи районов Станиславской области, проведенная в ноябре 1951 г. против остатков нескольких повстанческих групп общей численностью до 45 человек. Она проводилась в условиях неясности обстановки и недостатка информации о составе и вооружении бандеровцев. Были известны возможные места их укрытия, вследствие чего было принято решение об одновременном поиске во всех населенных пунктах в четырех районах. Несмотря на то, что численность поисково-розыскных групп составляла всего 6-15 человек, при проведении операции, оцениваемой как операция республиканского масштаба, пришлось отказаться от блокирования районов и осуществлять лишь частичное блокирование по участкам, где непосредственно производился поиск. Об эффективности операции, для проведения которой было привлечено свыше тысячи человек, говорит то, что было убито -20 и захвачено 3 бандита.

Однако обычным правилом проведения чекистско-войсковых операций было заблаговременное оцепление районов базирования партизан, организация заслонов и засад на путях их возможного отступления, стремление окружить обнаруженные группы и полностью их ликвидировать. К мероприятиям по ликвидации оуновцев активно привлекалось и местное население. При участковых уполномоченных милиции создавались вооруженные группы содействия из числа членов семей военнослужащих, партийно-советского актива, комсомольцев, а также лиц, пострадавших от террористов. При этом эффективность военных действий непосредственно зависела от кропотливой агентурно-оперативной работы, чему в немалой степени способствовала неумолимая тяга партизан к населенным пунктам, их стремление непрерывно искать и восстанавливать связи с населением. Зависимость самого их существования от этих связей стала особенно сильной на этапе рассредоточения, когда были расформированы или уничтожены крупные базы и прерваны централизованные каналы снабжения. Именно поэтому неприкрытый разбой и реквизиции стали составлять основную часть боевых вылазок оуновцев, в результате чего произошел окончательный перелом в настроениях населения.

Чувствуя свое бессилие перед государством, оуновцы фактически повернули оружие против мирного населения. В 1946 г. от их рук погибло свыше 2000 человек, в 1947 г. - 1500 человек⁶².

На территории западных областей Украины за 1945-1953 гг. было совершено 14424 диверсионно-террористических акта. За десять лет (1945-1955 гг.) было убито 17 тыс. советских граждан. Только в течение 1948-1955 гг. погибли 329 председателей сельских советов, 231 председатель колхоза, 436 работников райкомов партии и служащих районных организаций⁶³. А всего боевики УПА уничтожили от 30 до 40 тыс. человек⁶⁴.

⁶² РГВА. Ф. 38650, оп. I. д. 486. л. 198. .

⁶³ Материалы к лекции по украинским националистам. М.: Высшая школа КГБ,

⁶⁴ Красная звезда. 1990. 1 сентября; Правда. 1992. 17 декабря.

Как уже отмечалось, националистическое повстанчество, возникшее в послевоенные годы на обширных пространствах вдоль западных границ Советского Союза, представляло собой мощный фактор военно-политической дестабилизации в стране. В его лице вооруженные силы, органы правопорядка и государственной безопасности имели искусного вооруженного противника, борьба с которым требовала особых приемов и методов, побуждала к перестройке задействованных силовых структур, диктовала необходимость вдумчивого поиска адекватных пропорций в применении беспощадного насилия и невоенных средств борьбы. Основную нагрузку по ликвидации антисоветского повстанчества несли внутренние войска. За 1941-1956 гг. они провели 56323 боевых операций и столкновений (без учета 1947-1949 гг., по которым нет обобщенных данных), в ходе которых повстанцы потеряли 89678 человек убитыми и ранеными. Потери внутренних войск убитыми и ранеными составили 8688 человек. Только после окончания Великой Отечественной войны потери внутренних войск убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили около 4 тыс. человек, то есть почти столько же, сколько и в 1941-1945 гг.⁶⁵

Годы борьбы стали для правительственных сил временем суровой учебы, освоения неординарных принципов военного искусства, приспособления к необычному противнику. Приобретенный опыт и знания, навыки управления войсками и боевая выучка личного состава позволили не только подавить вооруженный сепаратизм, но и существенно повысить эффективность противоповстанческих операций.

Об этом говорит и анализ потерь воюющих сторон. Если в 1943 г. потери внутренних войск достигали трети от потерь повстанцев, то в последующем это соотношение уменьшилось в десять и более раз⁶⁶.

Но по другому показателю эффективности боевых действий, определяющему результативность операций в целом, можно сделать вывод о том, что значительная их часть оканчивалась ничем. Например, из почти трех тысяч операций, проведенных внутренними войсками в 1946 г., более 30% оказались безрезультативными и проваленными⁶⁷. Не всегда соблюдался принцип настойчивого преследования вплоть до полного уничтожения противника, так как зачастую осуществлявшие преследование войска ограничивались непосредственным районом действий, завершали его с наступлением темноты или с потерей следа. Отдельные подразделения сами попадали под удары партизан или в устроенные ими засады на маршруте! Отмечались факты пренебрежительного отношения к соблюдению правил оперативной маскировки, в результате чего пособники боевиков предоставляли им полную информацию о предстоящих мероприятиях. Были случаи, когда боевики использовали ложные вызовы войск по телефону и затем устраивали засады при их выдвижении.

⁶⁵РГВА. Ф. 38651. оп. 1. д. 331. лл. 66-68.

⁶⁶РГВА. Ф. 38650. оп. 1. д. 140. л. 2 об.

⁶⁷РГВА. Ф. 38650. оп. 1. д. 224. л. 104.

По своему размаху, продолжительности и интенсивности, а также по богатству форм повстанческое движение в западных республиках Советского Союза и борьба с ним представляют собой уникальное региональное явление современности. Его характеристики, как и методы действий сторон, во многом предвосхитили динамику военно-политических событий в других районах мира во второй половине XX в.. Будучи частью мирового опыта борьбы с повстанчеством, отечественная практика дала наглядный образец успешной мобилизации и организации сил государства. На фоне крупных неудач ведущих военных держав этот опыт и сегодня предстает как крайне поучительный и актуальный, в том числе и для Российской Федерации, столкнувшейся, как некогда СССР, с реальной угрозой своей территориальной целостности и суверенитету со стороны воинствующего национализма и сепаратизма.

В то же время в процессе восприятия этот опыт не должен девальвироваться его упрощенным сведением к одномерному позитиву, к рассмотрению только лишь через призму приоритета военных действий в ликвидации повстанчества. Не принижая их роль и значение, решающее на определенных этапах и всегда необходимое, следует иметь в виду, что в целом стабилизация обстановки стала возможной вследствие комплексного оздоровления социально-политической среды, рождавшей и непрерывно питавшей повстанчество. До этого момента вооруженное сопротивление, как многоголовая гидра, даже после самых чувствительных поражений довольно легко возрождало свою изначальную мощь, становясь все более и более изощренным на каждом следующем этапе.

В этих условиях военная сила государства вступала в каждый этап конфликта, имея перед собой как бы нового противника, обучаясь "с листа" новым приемам борьбы с ним, тратя огромные усилия на импровизацию и поиски путем форсированного перебора различных подходов к решению проблемы.

Из этого факта следует, что отечественный, как и мировой, опыт, взывая к изучению, одновременно предостерегает от механического его перенесения в сегодняшнюю действительность, а также от необоснованных ожиданий законченных формулировок правил "неправильных" войн, которые были бы универсально пригодны для любого конфликта подобного рода.

ГЛАВА II

СУЩНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОГО И ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ВОЕННОГО МЕТОДА

1. Фазы развития, организация и особенности действий иррегулярных формирований

Приведенные исторические примеры убеждают в том, что малая война представляет собой самостоятельное явление военного дела. При этом контуры этого явления не обязательно ограничены по масштабам, интенсивности, эффективности или другим параметрам, делающим неизбежным количественное противопоставление малой войны большой и объясняющим само название, несовершенное хотя бы потому, что вопреки обилию определений окончательное и исчерпывающее до сих пор не найдено.

Этому не следует удивляться, так как, по мнению многих отечественных и зарубежных исследований, описание такой войны "не может быть дано в одном общепринятом определении; эта война принимает различные формы в различных районах и даже в разное время в одном и том же конфликте"⁶⁸.

Соглашаясь по существу с таким заключением, нельзя примириться с вытекающим из него неутешительным для вновь берущегося за рассмотрение данного ускользающего и видоизменяющегося предмета логическим следствием - проникновение в суть малой войны (и составляющих ее основу иррегулярных стратегии и тактики) дается лишь через всеобъемлющий анализ всего множества ее форм. Как было отмечено выше, ранее такие попытки предпринимались, но не привели к однозначной ясности

⁶⁸ Арцибасов И.Н., Егоров С.А.. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1968. С. 249.

вопроса. Одну из них, в частности, предпринял М.А.Дробов, осуществивший в целом высокопрофессиональный и конкретный анализ, который к тому же можно считать одной из последних значимых работ по данной теме. Но в ней только одна глава объемом в одиннадцать страниц сфокусирована на важнейших уроках партизанства⁶⁹.

Сегодня же задача становится совершенно чрезмерной, ибо этот метод борьбы "не является исключительной чертой революционной войны или партизанской борьбы в оккупированной стране. Когда того требуют обстоятельства, он используется регулярными армиями для действий в тылу противника (командос), для проведения контрпартизанских операций"⁷⁰. Таким образом, хотя историей и не зафиксировано случаев полномасштабного ведения малой войны в чистом виде всеми участниками конфликта, схема распространения данного метода объективно расширяется, непомерно увеличивая диапазон подлежащих изучению аспектов.

В этой связи доступным и рациональным способом решения столь многотрудной задачи может стать обобщение частных проявлений и признаков метода в крупные характерные черты, выявляющие его устойчивые свойства. Говоря другими словами, речь может идти об обнаружении правил и закономерностей, в соответствии с которыми и развиваются "неправильные" (иррегулярные) войны. Очевидно, что полученные с помощью такого метода результаты, предполагающие пропуски немаловажных деталей и фактические подтверждения, могут выглядеть, в зависимости от позиции читателя, недостаточно убедительными. Но изъяны такого самоограничительного подхода компенсируются побуждением читающего обратиться за фактологическими подтверждениями или опровержениями [приводимых положений к имеющейся обширной литературе. В этом случае нельзя исключать, что ознакомление с данным трудом позволит по-новому взглянуть на известные события военной истории, хотя главная цель настоящей работы в другом - помочь найти правильный угол зрения при взгляде на сегодняшнюю действительность.

И читающий, и пишущий на эту тему вынужден согласиться с тем, что "абстрактный характер всех отличительных свойств и признаков повстанческого движения затрудняет применение таких излюбленных приемов и методов исследования, как системный анализ, качественный метод оценки и т.п., а, следовательно, не может быть удовлетворено и наше стремление всегда и везде получить вполне осязаемые результаты, которые могут быть представлены на цветных графиках и диаграммах"⁷¹.

Очевидно, что указанные отличительные свойства и признаки наиболее наглядно обнаруживаются в конфликтах, где малая война выступает ос-

⁶⁹ См.: Дробов М.А. Малая война (партизанство и диверсии). М., 1931. С. 87-97.

⁷⁰ The Law of Armed Conflicts. N. Y., 1971. P. 38-39.

⁷¹ Military Review. 1987. Vol. LXVII. № 2. P. 23.

новным методом, в конфликтах, прошедших все стадии эволюции и получивших завершённый характер, а также в конфликтах, в которых следование определенным правилам привело к положительным результатам. Так, полный цикл развития малой войны в стратегическом измерении состоит из трех фаз: обороны, равновесия и наступления. Важно подчеркнуть, что последовательность наступления и смены фаз обязательна и является краеугольным камнем метода. При восхождении на более высокие уровни не допускается перескакивания или поспешного прохождения предыдущих фаз, в ходе которых происходит накопление количественных качественных факторов, чья совокупность знаменует наступление следующей. Случалось, что иллюзия неуязвимости, порожденная неспособностью регулярных войск противника разбить даже изначально малые иррегулярные силы, толкала последние на ошибочные, излишне активно-наступательные действия, неоправданное сосредоточение и локализацию района приложения усилий. Характерно, что именно в эти периоды иррегулярные силы повсюду несли самые тяжелые поражения. И чаще всего опасность забега вперед нависала тогда, когда они внешние признаки, в основном количественные (рост числа бойцов, предшествующие боевые успехи, расширение контролируемых зон), оценивали как признаки нового качественного состояния.

Внешне выглядят исключением из правила обязательного прохождения всех трех фаз случаи возникновения войны из революционно-повстанческого или вооруженного национально-освободительного движения, из факта давно состоявшейся оккупации. В этих случаях можно считать, что фаза стратегического наступления противника завершилась установлением колониального господства, утверждением антинационального режима антинародным поворотом правительственного курса - все это в интерпретации оппозиции воспринимается и трактуется как разновидности оккупации, как состояния продолжающейся колониальной, гражданской войны или иностранной интервенции. В рамках этой интерпретации противник, добившись военных целей (даже если и не велись реальные боевые действия, или они велись в отдаленном прошлом), переходит по своей воле в следующую, более спокойную и необходимую фазу - фазу освоения захваченной территории, установления контроля над тыловым пространством) создания соответствующей военной, административной, политической инфраструктуры, то есть тяготеет к мирному состоянию и, в отличие от оппозиции, склонен игнорировать прошлое.

В этот период потенциал сопротивления, если он существовал на первой фазе и не иссяк к началу второй, преобразуется в реальные действия, и малая война как бы начинается сразу со второй фазы, которая в действительности предстает как начальная.

Внимание к этому аспекту обусловлено и тем, что он вплотную примыкает к острой сфере оценки справедливости разгорающейся войны, опре-

деления инициаторов насилия и виновников дестабилизации обстановки. Это наполняет конфликт политическим содержанием и чрезвычайно важно для привлечения внутренних и внешних союзников, формирования мобилизационного потенциала, а также выбора благоприятных районов для развертывания боевых действий, определения форм и способов их ведения. Действительно, если указанные случаи принять за проявления состоявшейся оккупации, то следует признать, что для продолжения сопротивления не остается тыла в обычном понимании его значения. Следовательно, необходима борьба за отнятие его у противника, создание собственного тыла и операционных зон у него в тылу.

На этом этапе главная задача сил сопротивления состоит в создании опорных баз и партизанских районов. Под опорной базой понимается территория, окруженная противником, но не занятая им. Естественно, такая территория должна быть занята силами сопротивления, которые создают здесь свои вооруженные формирования, административно-политические структуры, ведут мобилизационную работу среди населения, то есть образуют подобие государства взамен утраченного. Так называемые партизанские районы - это территории двойного контроля, где силы сопротивления ведут в основном рейдовые и другие кратковременные, ограниченные по масштабам действия. Итогом борьбы в этих районах может стать как создание опорных баз сопротивления, так и их превращение в опорные базы противника.

Как в прошлом, так и в настоящем при рассмотрении малых войн довольно часто допускается переоценка влияния на них физико-географических условий. Несомненно, сама технология таких войн выступает за то, чтобы природа взяла на себя часть задач борьбы с противником - чтобы горы, леса и болота укрыли обороняющихся, ограничили ударные и маневренные возможности технически оснащенного противника, чтобы жара перегревала моторы его машин, а мороз не давал им заводиться, чтобы песок или залитые водой рисовые поля позволяли иметь свободной от оккупации часть национальной территории. Но и иррегулярные армии, действуя в тех же условиях, не могут бесконечно выжидать под покровительством природы и вынуждены покидать свои естественные убежища. Переоценка географического фактора и других особенностей страны приводит к принципиально неверному выводу о том, что успешное ведение малой войны возможно лишь в особых условиях, которые якобы оказывают определяющее влияние на формы и способы ведения боевых действий. "Естественно, - замечал по этому поводу Э.Че Гевара, - географические и социальные условия каждой страны определяют формы и способы, в которых будет развиваться партизанская война. Но ее основные законы действительны для любой войны этого типа"⁷². Одно только то обстоятельство, что малые войны велись на всех континентах, подтверждает справедли-

⁷² Ernesto Che Guevara. Escritos y discursos. La Habana, 1977. Т. I. P. 35.

вость этого замечания, в том числе и в части, касающейся действия определенных законов.

Это, в частности, относится к созданию опорных баз, которые, как известно, не всегда и не во всех странах создавались в неприступных горах, непроходимых чащах или болотах. При отсутствии труднодоступных изолированных районов (а цивилизация и современная техника сокращают и число и, видимо, снижают значение) опорные базы создавались и на равнинах, в озерной и речной местности, в песках. Действительно, устойчивость таких баз по-прежнему зависела от природных особенностей, отсутствие которых в значительной мере компенсировалось образованием временных, сезонных, кочующих баз, соответствующими способами их охраны и обороны, отвлекающими действиями, инженерным оборудованием местности, варьированием интенсивности боевых действий в других частях ТВД.

Цель обороняющихся заключается в том, чтобы созданием максимального числа опорных баз, установлением между ними связи и налаживанием взаимодействия, расширением зоны боевых действий постепенно локализовать регулярные войска противника в городах и на основных линиях коммуникаций.

Успех прохождения этой фазы определяется тем, как обороняющаяся[^] сторона сумеет восстановить боеспособность своей национальной армии! (если она имела), создать новую военную организацию с опорой на устойчивую сеть опорных баз и расширить зону активных боевых действий. Решение этих задач создает предпосылки для вступления в третью и решающую фазу - стратегического контрнаступления, протекающую в форме маневренных действий сторон. На этой фазе конфликт достигает наивысшей напряженности и приводит, несмотря на свою относительную скоротечность, к наибольшим потерям и результатам.

Подчеркивая обязательность данной последовательности наступления фаз, нельзя не обратить внимания на сознательное придание иррегулярности ("неправильности") главным чертам войны такого рода. Это - преднамеренное оставление территории, установка на ведение не только оборонительной, но и затяжной войны. Эти принципы, резко отличающиеся от принципов военного искусства регулярных армий, базируются в основном на реалистичной оценке сил противника и собственных возможностей, носят вынужденный характер, а следование им способствует обеспечению главного условия достижения окончательной победы - сбережению и накоплению оборонительного потенциала. Лишь затяжной характер сопротивления, будучи вынужденным обстоятельством, одновременно выступает и искомым условием полноценного наполнения и прохождения всех фаз войны. Лишенные армии, тыла, оперативного пространства, оружия, коммуникаций и организационного единства, силы сопротивления больше всего нуждаются во времени, чтобы все это создать и противопоставить

неприятелю, склонному к скорейшему упорядочению жизни и умиротворению оккупированной страны на свой лад.

Однако потребность во времени не должна приводить к его беспредельному затягиванию, что в свою очередь, чревато невольным пособничеством врагу (консолидацией оккупационного режима и продолжением страданий населения), деморализацией собственных сил, неоправданным сдерживанием интенсивности и размаха борьбы, политической изоляцией и дискредитацией обороняющейся стороны.

В связи с этим следует привлечь внимание к характерной черте иррегулярного сопротивления, состоящей в том, что оно начинается уже тогда, когда созданы только первые вооруженные отряды, насчитывающие иногда всего несколько человек. Спорадические, бессистемные и малоэффективные акции первых групп не имеют большого военного значения, не представляют собой реальной угрозы для противника и потому недооцениваются им. Но эти выступления свидетельствуют о начале действий новой армии, создаваемой в ходе войны и самой войной.

Война формирует облик новой армии и ведется иррегулярными силами с основной целью не разгрома противника⁷³, не освобождения национальной территории, а создания военной организации.

Ведущий принцип военного строительства на этом этапе - иррегулярность, то есть отказ от жестких организационных форм, от централизации управления, от регламентации форм и способов действий, от унификации вооружения. Следование этому принципу обязывает даже имеющуюся регулярную армию перестраивать на иррегулярный лад частично или в полном составе, реформируя не только ее устройство, но и способы действий. Более того, в процессе зарождения малой войны регулярным войскам нередко вменяется в обязанность высылать свои отряды в различные районы будущего театра военных действий с целью ведения так называемой "вооруженной пропаганды", то есть мобилизации населения, его вооружения и военного обучения, разжигания очагов активного партизанского сопротивления.

Однако это не означает, что воплощение данного принципа устремлено к абсолютной иррегулярности. Напротив, конечным итогом военного строительства должно стать создание регулярного войска, которое, как считается, одно только и может нанести решающее поражение противнику на третьей фазе войны.

Чтобы понять, каким образом эти две противоположные тенденции не только не подавляют одна другую, но и плодотворно сосуществуют на всем протяжении войны, следует рассмотреть состав сил сопротивления на различных этапах. Как уже отмечалось, чаще всего начало активного сопротивления связано с действиями одного или нескольких небольших воо-

⁷³ Не случайно начальник главного штаба чеченской вооруженной оппозиции в сентябре 1996 г. заявил, что о победе над Россией "никому в голову не приходит говорить". Независимая газета. 1996. 11 сентября.

руженных отрядов и созданием первых опорных баз. Как правило, это достигается их проникновением в труднодоступный район (горы, джунгли т.п.) и его постепенным освоением - изучением топогеографических условий, налаживанием контактов с местным населением, ведением разведки организацией каналов продовольственного снабжения и медицинско-обеспечения, привлечением новых бойцов, пропагандой идей войны, подавлением коллаборационистов и предателей.

Первые боевые вылазки напрямую связаны с решением этих задач, они осторожны и кратковременны. Но постепенно радиус действия увеличивается, растет и численность отрядов, и эффективность их боевых действий. Образуется партизанский район, примыкающий к опорной базе, что в совокупности иногда называется фронтом, или освобожденным районом.

На этом этапе неуязвимость партизан обеспечивается не столько их боеспособностью, сколько условиями местности, чрезвычайной мобильностью в пределах района (иногда этот этап называют "кочевым"), малочисленностью отрядов и характером их действий, преследующих в основном цели экспроприации. Со временем налеты становятся все более частыми, дерзкими и решительными, партизанами захватывается все больше оружия, боеприпасов и другого военного имущества, что позволяет им вооружать новых бойцов.

Но и в дальнейшем переходы занимают больше времени, чем собственно боевые действия. И если отряд сумеет подготовить и провести один крупный бой в месяц, это считается вполне приемлемым. Это тем более приемлемо, что таких отрядов множество, их число растет, а вооруженные выступления, хотя и ограниченные по масштабу, охватывают значительные пространства.

Наступает момент, когда количественный и качественный рост новой армии делает пределы первоначального района слишком тесными, и тогда снаряжается часть партизанских сил для оперативного, политического, хозяйственного освоения по той же схеме следующего района. И если противнику не удастся пресечь такого рода экспансию в своем стратегическом тылу, то она продолжается и дальше. Отбитого у противника, закупленного за рубежом, поставленного из других стран оружия становится достаточно, чтобы обеспечить массовый характер иррегулярной армии, создать запасы на тайных складах за пределами и внутри освоенных районов, приступить к вооружению поддерживающей части населения и созданию местных отрядов самообороны.

На этом этапе начинает постепенно проявляться тенденция регулярности. Она проступает на практике в форме выделения и обособления лучшей части партизанского войска, в обеспечении ее лучшим оружием, укомплектовании наиболее подготовленным командным и личным составом. Этот процесс начинается и идет с самого низа - с мелких боевых групп. Хорошо проявившему себя бойцу доверяется наиболее эффективное

оружие, а со временем и вся группа оказывается отменно вооружена. Несколько таких групп объединяются в особые ударные отряды, способные решать больший объем ответственных боевых задач. Им назначаются отдельные оперативные районы, но в основном они наделяются функциями ударного резерва.

В это же время вновь возникающие отряды, формирования народного ополчения и самообороны в ходе непрерывного развития и экспансии самостоятельно и с помощью образующегося полурегулярного ядра военной организации в подчинении центрального командования новой армии продолжают играть роль источника ее пополнения личным составом и материальными средствами. Таким образом, строительство такой армии идет не методом отсека менее эффективных формирований, а путем одновременного развития обоих компонентов - вооруженных масс и тяготеющей к регулярности части войска.

Такая военная система, при которой одновременно создаются, существуют и действуют иррегулярные формирования войскового типа и партизанско-повстанческие отряды, характерна для большинства малых войн.

При этом следует указать, что при строительстве партизанской армии используется главным образом принцип ее добровольного комплектования личным составом. И хотя в ряде случаев применяются меры принудительной мобилизации и набора населения, они носят исключительный характер и не играют ведущей роли. Более того, отход от добровольности часто приносил обратные результаты и приводил к угасанию сопротивления. Распространенным явлением большинства малых войн, особенно гражданских, стало также комплектование, непременно на добровольной основе, за счет пленных и дезертиров противника. Примечательно, что эти категории личного состава в новой армии нередко проявляли себя с самой лучшей стороны, а отдельные их представители даже становились авторитетными военачальниками.

В этой связи необходимо отметить, что успех такого способа набора, осуществлявшегося в условиях реальной боевой обстановки, был в значительной степени предрешен целеустремленной политикой по подрыву морально-боевого потенциала противника, проводимой как методами психологической борьбы, так и широким применением обратного отпуска военнопленных, гуманным обращением с ними. Это обычно обеспечивало большой пропагандистский эффект, развенчивало миф о кровожадности партизан, а с другой стороны освобождало их самих от бремени содержания военнопленных.

Таким образом, имея в виду, что все иррегулярные армии были добровольческими, опыт малых войн дает уникальную возможность для конкретного анализа боевых свойств такой армии в продолжительных конфликтах, в которых она успешно противостояла как лучшим конскрипционным, так и добровольческим армиям мира.

Организационная разнородность дополняется и разнородностью вооружения различных отрядов. Подчиняясь требованиям партизанской войны, все они в основном вооружены легким стрелковым и другим вооружением, которое бойцы в состоянии переносить на себе. Это и холодное оружие, охотничьи дробовики и самопалы, вилы, косы, мачете у повстанцев это и современные ПЗРК, безоткатные орудия, минометы и РПГ у регулярных и полурегулярных формирований. Естественно, стремясь к обладанию оружием с повышенными тактико-техническими характеристиками и поражающими свойствами, партизаны вынуждены сдерживать ей в этом стремлении, руководствуясь соображениями независимости от собственного вооружения и оснащения. Сложное, мощное, коллективного пользования оружие ограничивает маневренные возможности, принуждает к позиционным действиям, требует транспортных средств и ремонта восстановительной базы, специальной длительной подготовки личного состава, предполагает резкое утяжеление боекомплекта, обязывает создавать полноценный тыл и развитую систему боевого обеспечения. Например, в самом начале афганской войны вооруженная оппозиция захватила у правительства некоторое количество артиллерии и танков, но очень скоро вынуждена была от них отказаться. Подтверждается это и фактами чеченской войны. Авиация сепаратистов была уничтожена на земле, Так не сумев взлететь. Большое количество танков, БМП, БТР, другого тяжелого вооружения, имевшегося у боевиков в начале боевых действий, к концу 1995 г. было уничтожено федеральными силами, а иногда просто брошено за ненадобностью.

Важно подчеркнуть, что основным источником вооружения иррегулярной армии является ее противник. Важно потому, что знание это принципа дает возможность понять и логику военных действий партизан, основной и главной боевой задачей которых, особенно в ходе накопления сил, выступает захват средств ведения войны. Их акции считаются неэффективными, если в результате нет приращения количества оружия и боеприпасов. Этим же объясняется и стремление вооружаться теми же образцами и типами оружия, которые стоят на вооружении противника.

Однако это правило не абсолютно. Современные конфликты, какова бы ни была их природа, отличаются тем, что они крайне редко удерживаются в рамках двустороннего противоборства. По мере их развития каждая из участвующих в них сторон приобретает на международной арене союзников и противников, явную и тайную поддержку или противодействие. С течением времени, когда выявляется затяжной характер конфликта, его политическое содержание и тенденция к эскалации, с разных направлений начинают вливаться потоки оружия из сопредельных стран, регионального окружения и мировых центров. Особую роль начинает играть черный рынок вооружений.

В силу этого такие конфликты нередко выливаются в соперничество мировых технологий, и налаженные поставки извне в значительной мере разрешают вопрос о материально-техническом обеспечении участников конфликта. Известно также, что при поддержке вооруженной оппозиции внешние силы прибегали к поставкам ей оружия, аналогичного имеющемуся у противника. В некоторых случаях для этого приходилось специально налаживать его производство или закупать в третьих странах.

Тем не менее чаще всего применялся комбинированный способ добывания оружия, что превращало зону конфликта в арсенал разнообразных его образцов - от реликтов прежних эпох до новейших моделей. При этом наиболее значительные современные конфликты подобного рода показали, что создание регулярной армии в ходе иррегулярной войны без внешней помощи невозможно.

Затронув вопрос о внешнем факторе, об опорных базах и партизанских районах в малой войне, следует подробнее остановиться на рассмотрении 'структуры и функционировании тыла иррегулярной армии. Этот аспект отличается особым своеобразием, так как общепринято, что тыл существует или создается лишь при наличии фронта, при выстраивании всей армии лицом к врагу, при ее делении на боевые и небоевые компоненты и максимальном подтягивании первых к рубежам соприкосновения с противником. Известно также, что в современных армиях доля управленческих, обеспечивающих, обслуживающих и других подразделений, располагающихся в глубине диспозиции, непрерывно растет, а "вследствие этого центр тяжести постепенно перемещается назад, от передовых позиций в сторону тыла"⁷⁴.

В рассматриваемых войнах нет фронта как рубежа противоборства, но есть повсеместная борьба, очаги которой внезапно возникают и также внезапно исчезают на обширных пространствах, одновременно вмещающих всех прямых участников конфликта. Нет постоянных операционных направлений и устойчивых векторов приложения усилий, но есть множественные удары во всех направлениях и всегда в сторону противника и его объектов. Нет тыла как зоны относительной безопасности за спиной собственных войск, но есть операционная (она же тыловая) зона за спиной противника, превращающаяся в ходе войны из тыла в зону повышенной опасности.

Тыл иррегулярной армии создается постепенно, а его составляющие в ходе развития организационно не унифицируются и не поглощаются более высокими формами. Главенствующим принципом его формирования на протяжении всей войны остается принцип самообеспечения, а функционирования - действие двух потоков движения материальных средств: от населения к бойцам и обратно. Создание же опорных баз позволяет перейти к материальному производству, и они, расширяясь, сливаются в обширные

⁷⁴ Экклз Г. Роль тыла в войне. М., 1963. С. 301.

районы расположения как боевых элементов, так и сельскохозяйственных угодий, медицинских и образовательных учреждений, всевозможных мастерских, складов и т.п. Благодаря этому примыкающий к опорной базе район становится объектом социальной поддержки населения, и определена часть боевых операций может проводиться с задачей распределения среди местных жителей продовольствия, одежды и прочих необходимых товаров,

Война во все большей мере политизируется, ведется за завоевание на свою сторону населения, а силы сопротивления трансформируются из военной в военно-политическую организацию. Вот почему боевые действия предпринимаются не только там, где целесообразно с военной точки зрения, но и где политически важно.

Даже разгром опорной базы не всегда равнозначен поражению и нарушению тыла, так как освоившие метод самообеспечения, действующие в собственной стране и поддерживаемые населением бойцы легко могут перейти в "кочевой" этап или перебазироваться. Как показывает опыт, и разгром всей системы опорных баз не обязательно ведет к окончанию войны: остается возможность ее перевода в начальную фазу, стратегического перебазирования боевых групп и отрядов (включая поддерживающее их население) или эвакуации за границу.

Более высокая степень зависимости возникает в тех случаях, когда основные источники тылового обеспечения находятся за границей. С одной стороны материальная поддержка других стран перекрывает насущные потребности иррегулярной армии, что позволяет ей больше внимания и времени уделять собственному развитию и военным действиям. С другой стороны влияние политической конъюнктуры, расстановки мировых сил, уязвимости каналов внешних поставок подчас оказывается настолько значительным, что деформирует действие внутренних факторов и последовательность развития конфликта. К тому же задачи развития собственной тыловой инфраструктуры, социально-политической работы среди населения отходят на второй план, и в случае перекрытия внешних каналов последствия оказываются более серьезными, чем при военных поражениях. Отход от принципа опоры на собственные силы осложняет создание надежного потенциала сопротивления, формирование которого зависит от равного внимания к решению как военных вопросов, так и вопросов социально-экономического и политического освоения (точнее, отчуждения) занятой противником территории.

Это более сложный и долговременный путь, и динамика войны редко позволяет одновременно и одинаково успешно решать обе задачи. Поэтому чаще применяется последовательный метод, когда в периоды снижения военной активности забота о развитии тыла становится главной.

В войнах рассматриваемого типа известные клише о единстве фронта и тыла, о едином военном лагере наполняются буквальным смысловым содержанием, так как эволюция того и другого происходит на одной и той

же территории и обеспечивается деятельностью одних и тех же исполнителей. Таким образом, идет ни на минуту не затухающая борьба за то, чтобы тыл врага, включая войсковой, стал и тылом партизан.

В такой войне труженик становится еще и солдатом, а для солдата тылом становится его дом, пашня, символ веры - родина в глобальном и локальном значении. Война носит не только оборонительный, но и отечественный характер в восприятии тех, кто защищает очевидные ценности.

Говоря об оборонительном характере войны в целом, особенно на стратегическом уровне первых двух фаз, следует особо отметить активно-наступательный характер военных действий, предпринимаемых иррегулярными силами против превосходящих сил противника. Эта сторона также требует особого рассмотрения, так как подобные действия находятся в формальном противоречии с характером войны и с другим важнейшим принципом ее ведения - максимальным рассредоточением и сбережением собственных сил.

Один из выступавших на научно-практической конференции "Опыт применения советских войск в Республике Афганистан", проведенной в декабре 1989 г. в Москве, дал такую развернутую характеристику действиям афганских иррегулярных формирований. "Тактика действий бандформирований, - делился он личными наблюдениями, - основывалась на использовании опыта басмаческого движения в советской Средней Азии и в основе своей содержала: действия небольших по численности отрядов и групп (10-15 человек и более), осуществлявших нападения на небольшие гарнизоны войск, командные пункты и узлы связи, склады, колонны машин, отдельные группы военнослужащих и посты охранения, а также на слабо охраняемые административные и экономические объекты. В случае необходимости при решении сложных задач группы и отряды объединялись в более крупные формирования по 500-900 человек и более. Тактика действий бандформирований в этих условиях приближалась к действиям регулярных войск.

Боевые действия мятежников характеризовались следующими общими особенностями: устремлением к достижению внезапности (особенно ночью); взвешенным учетом соотношения сил и средств, условий обстановки; всесторонней подготовкой боевых действий; широким применением засад, минированием местности, созданием искусственных заграждений путем подрыва дорог, мостов, плотин, тоннелей, хорошо организованной разведкой с использованием различных источников получения данных (населения, а также контрреволюционных элементов армии, органов государственной безопасности, госучреждений); проведением диверсионно-террористических акций на дорогах по срыву перевозок, а также нападением на посты, хозяйственные и военные объекты"⁷⁵.

⁷⁵ Опыт применения советских войск в Республике Афганистан. Сборник материалов научно-практической конференции. М., 1990. С. 136-137.

Подчеркнув достоверность данной характеристики, следует лишь сказать, что она в своих главных элементах универсальна и пригодна для описания не только афганской войны, басмаческого движения, но и почти всех малых войн, в том числе и проходивших за пределами настоящей эпохи.

Развитие опорных баз и расширение партизанских районов, все более частые и дерзкие выступления партизан приближают момент, когда борьба с ними становится главной и неотложной задачей оккупационной (правительственной) армии, а сопротивление иррегулярных и регулярных войск - основным содержанием войны. И чем активнее и успешнее действуют партизаны на предыдущей фазе, тем масштабнее и ожесточеннее выступают против них группировки противника, устремляющие свои главные усилия на скорейший выход к опорным базам и на уничтожение их сосредоточенными ударами.

Примечательно, что в условиях неравенства сил и средств оборона баз осуществляется, как правило, не организацией отпора на фиксированных рубежах и подготовленных на дальних подступах позициях, а методом так называемого центростремительного отступления. Выше указывалось, что рассредоточенные иррегулярные боевые группы, действующие на известном удалении от опорных баз, заняты в основном решением задач самообеспечения и обозначения своего присутствия, для чего осуществляют стремительные налеты и передислокации. Их небольшая численность - не только слабость, но и необходимое условие, вместе с высочайшей подвижностью, для выживания. Переход же противника из относительно статичного положения в динамику решительных противопартизанских операций обязывает и самих партизан действовать сообразно ситуации и, в частности, порознь и всем вместе устремляться за наступающей группировкой регулярных войск.

Неизменно действуя на флангах, в тылу и даже в промежутках наступающих, партизаны по нарастающей увеличивают свою активность по мере приближения противника к опорной базе. В результате их естественного сосредоточения повышается сила и эффективность проводимых ими операций, направленных на изнурение противника, снижение темпов его наступления, изменение запланированных направлений ударов. Многочисленные налеты, беспокоящие и отвлекающие действия, засады, завалы на дорогах, их минирование и заблаговременное разрушение, эвакуация или уничтожение продовольственной базы, различного рода диверсии в районе боев и в других частях страны служат единственной цели - путем изнурения и дезорганизации, втягивания в мелкоочаговые стычки, срыва подвоза материальных средств понизить боеспособность противника, принудить его отказаться от продолжения операции и выйти из партизанского района в места прежней дислокации для восстановления боеспособности.

Если такая цель достигается, начинается обратный процесс рассредоточения, нового "расползания" партизанской войны, преследования отходящих

войск, уже уставших, деморализованных самим фактом провала операции, истративших боезапас, обремененных ранеными и больными. Достижением равновесия может считаться такое положение, при котором иррегулярные формирования, действуя совместно с регулярными частями и подразделениями или самостоятельно, в состоянии последовательно отбить несколько таких концентрических наступлений, что открывает перспективу перехода в стратегическое контрнаступление и к маневренным действиям основных сил регулярной армии повстанцев.

Но именно вторая фаза войны является настоящей школой партизанского военного искусства, главные уроки которого преподает противник, придерживающийся противоположных принципов. Партизан не случайно называют иезуитами войны, потому что вся их борьба подчинена одному только закону целесообразности, рациональности во всех их действиях. Находясь большую часть времени в режиме выживания, всемерного сохранения собственных сил, будучи в то же время сильно зависимыми от противника (его действий, его запасов), но неизмеримо более свободными, чем он, в выборе форм и способов действий, они часто применяют методы, которые действительно асимметричны методам противника, противопоказаны и даже губительны для него. Они бесконечно изобретательны в приемах ухода из-под ударов, в достижении внезапности, инициативы и свободы действий, в навязывании выгодных только им условий, в нешаблонности и неповторяемости предпринимаемых шагов, в маскировке и сокрытии своих истинных намерений.

Постоянная индивидуальная и коллективная импровизация, достигаемая благодаря отсутствию чрезмерного нормирования деятельности отрядов со стороны руководящего центра, настоящий демократизм при принятии решений и определении способов их выполнения возводят партизанскую войну в степень подлинного искусства, гнушающегося серийных поделок и всякий раз удивляющего противника уникальными находками. Война активно развивает творческие начала личности рядового бойца и командира, вынужденных быть в постоянном поиске. По существу, каждый отряд представляет собой миниатюрную армию, отличающуюся от других составом, вооружением, опытом, а также личностными качествами своего командира. Не случайно Д.Давыдов худшим партизанским командиром считал методика с расчетливым умом и со студеною душой.

Как свидетельствовал Че Гевара, в отличие от застывших методов классической войны партизаны в каждый момент изобретают свою собственную тактику и этим постоянно застают противника врасплох⁷⁶.

Так, если противник наступает, они отступают; если он остановился, они тревожат; они переходят в наступление, когда противник начал отход. Предпочтительные объекты и цели их атак - не самые сильные, а самые слабые, незащищенные и уязвимые элементы неприятельских группиро-

⁷⁶ Ernesto Che Guevara. Op. cit. P. 47.

вок. Партизаны приступают к решительным действиям только тогда, когда уверены в победе; всячески воздерживаются от боя, если возможность достижения успеха вызывает сомнение, и никогда не вступят в схватку, если от ее исхода зависит устойчивость обороны, судьба вооруженных сил или страны. Партизанская армия отвергает саму идею поля боя, как естественно удобного или приспособленного для расположения и боевых действий войск пространства. Всячески избегая фиксированных рубежей и позиций, она мастерски пользуется естественными укрытиями. В других же случаях ее бойцы неожиданно проявляют необъяснимую стойкость и самопожертвование, не уступая ни пяди земли.

Ветеран нескольких войн в Азии американский генерал Э.Лэндсдейл вообще считал, что "народные войны - не для военных с ограниченным мышлением"⁷⁷.

Партизанские отряды в большинстве случаев не стремятся к общевойсковому бою, не пытаются и не могут достичь превосходства в количестве, качестве и разнообразии вооружения но сосредоточены на эффективном и экономичном использовании имеющегося. Их усилия и применяемые тактические приемы направлены на то, чтобы избежать схватки живых людей. И в этом партизаны, не имеющие профессиональной военной подготовки, раз за разом и повсеместно обнаруживают свое превосходство над профессиональными военными, что признает и их противник. Так, участники французской интервенции во Вьетнаме подчеркивали, что в Индокитае пехота была царицей войны, а вьетконговский пехотинец, вооруженный храбростью, дисциплинированностью и автоматом АК-47, был более опасен, чем 220 самолетов, заказанных в Советском Союзе⁷⁸.

И против крупных группировок врага, и против его артиллерии, танков, авиации иррегулярные формирования применяют набор в сущности одних и тех же приемов. Это рассредоточение до уровня одиночных бойцов и мелких подразделений, максимально возможное сближение с противником, стремительность и внезапность в передвижениях и боевых действиях, тщательная и непрерывная маскировка и дезинформация, перенос фазы активности на темное время суток и в другие неблагоприятные условия, использование защитных свойств местности и климатических особенностей.

Наряду с пассивными приемами защиты по возможности применяются и активные приемы и способы борьбы, но в основном она разворачивается между иррегулярной пехотой и техническими родами войск противника, и редко в ходе малых войн случаются масштабные воздушные, морские, танковые сражения. Партизаны атакуют в самые невыгодные для противника моменты - во время отдыха, на марше, в ходе перегруппировок

⁷⁷ Landsdale E.G. In the Midst of Wars: An Americans Mission to Southern Asia. N1 Y., 1972. №4. P. 374.

⁷⁸ Revue de defense nationale. 1986. № 1, P. 123-124.

рок, ночью и днем, в дождь и в жару. По своему усмотрению они могут перевести войну из противоборства с вооруженными силами в форму повсеместных диверсионных действий против коммуникаций, объектов экономики, политико-административных органов. Как писал еще Клаузевиц, объем и значение диверсий могут возрасти до такой степени, что вся война приобретет видимость и почетное звание войны наступательной, а благодаря своему моральному весу такая форма борьбы имеет особую ценность⁷⁹.

Находясь в состоянии фактического окружения в полном составе на стратегическом уровне, т.е. по отношению к главным группировкам и гарнизонам противника, партизаны умело используют любую возможность для завоевания тактической инициативы, окружения отдельных подразделений и частей регулярной армии, осады гарнизонов, стремятся тем самым развернуть фронт наступающих в сторону их тыла и флангов, вынуждают их перенацеливать главные силы на решение задач охраны, дозорной службы, частные рейдово-поисковые операции. При этом кольца окружения создаются небольшими, а сами боевые действия носят кратковременный характер. Бой с окруженным противником может длиться и несколько дней, если тот оказался в отрыве от своих основных сил, не получает подкреплений и находится в ослабленном состоянии.

На этой стадии уже на всю войну можно распространить название, которое дано одному из самых распространенных тактических приемов партизан - "менуэт". Суть его в том, что партизаны стремятся удержаться от противника на дистанции действительного огня имеющегося у них оружия. Как правило, расстояние между сторонами сохраняется в пределах 800-1000 метров днем и значительно сокращается ночью. При этом оно выдерживается при любых эволюциях и перемещениях - невидимая нить неразрывно связывает противников, зеркально повторяющих движения друг друга. При этом партизаны, взяв на себя роль "ведомого", действуют по известной уже схеме: отступают, когда противник наступает, и наступают, когда он отходит. Никогда не разрывая тактическую связь и редко огневую, они применяют этот прием тогда, когда боевые действия ведутся на достаточном удалении от жизненно важных для них центров и имеется резерв территории для маневра. Кстати, Мао Цзедун, например, считал, что ведение обороны методом малой войны в условиях небольшой страны невозможно. Нет сомнения, что пространственные ограничения затрудняют применение метода, но не исключают его. В частности, в наше время вывод китайского военачальника опровергли повстанческие армии в целом ряде крохотных центральноамериканских государств. Для этого им пришлось прибегнуть к еще большей маневренности, к опоре на городское и пригородное партизанское движение, к базированию на территории сопредельных государств. Цель этого приема - "разменять территорию на

⁷⁹ Клаузевиц. О войне. М., 1934. С. 469.

людей", то есть нанести противнику урон в живой силе за счет временного оставления территории и сбережения собственных сил.

Но наибольшего развития в бесконечном совершенствовании приемов и способов ведения вооруженной борьбы иррегулярные армии достигли при применении засад. По своему целевому предназначению они подразделяются на засады на сдерживание, поражение и уничтожение. Выбор определенного вида засады находится в строгой зависимости от боевой обстановки, общего и частного соотношения сил, условий местности и других факторов. Например, для проведения засад, главной целью которых является временная остановка продвижения противника, изменение направления его удара, преждевременное развертывание в боевой порядок требуется значительно меньше сил, чем для засад на поражение, организуемых для вывода из строя живой силы и техники противника, пополнения собственных запасов. И если для сдерживания в течение нескольких часов подразделения силой до роты достаточно, по опыту, несколько человек, то эффективное поражение или окружение с перспективой его перерастания в действия на уничтожение обеспечивается примерно равными с противником силами.

В зависимости от места, применяемого боевого порядка и способа действий засады подразделяются на встречную, параллельную и круговую. Встречная засада, обычно неподвижная, устраивается на маршруте выдвижения значительных сил противника с целью его сковывания или поражения авангардных подразделений. Часто она применяется и против изолированных подразделений, патрулей, транспортных средств. Места засады оборудуются заблаговременно, готовятся запасные и ложные позиции, намечаются пути и способы отхода. В зависимости от боевой задачи и намеченных способов ее решения засадный отряд может подразделяться на несколько групп различного боевого предназначения: отвлекающая, сковывающая, ударная, захвата и другие.

Особенно широко встречная засада применяется против выдвигающихся подразделений усиления и резервов. Для принуждения их к выдвижению партизаны предпринимают демонстрационную осаду какого-либо гарнизона, имитируя начало крупной операции с решительными целями, или осуществляют другие акции, вынуждающие противника в спешном порядке (и потому недостаточно организованно) формировать и высылать усиление. Провоцирующие действия партизан обычно прекращаются, как только выдвигающаяся группировка попадает в подготовленную засаду.

Параллельная засада в основном отличается тем, что объектами внезапных нападений партизан, неотступно следующих за противником вдоль оси его движения, становятся боевое охранение, тыловые и боковые походные заставы, разведгруппы.

Особого искусства организации и осуществления требует круговая засада. Подразделения иррегулярной армии (три и более) в ожидании выдви-

гающегося противника располагаются по периметру заранее избранного района. Первое из них после открытия флангового огня и завязки боя отходит, увлекая за собой преследование и разворачивая на себя фронт атаки противника. Подобным же образом действуют и другие подразделения, последовательно вступая в бой и вынуждая тем самым противника наступать по кругу. При определенных условиях такую засаду нередко удается перевести в засаду на уничтожение, так как противник теряет управление, контроль над обстановкой и попадает под кинжальный огонь со всех направлений.

Партизаны по своему усмотрению и непредсказуемо для противника варьируют интенсивность боя. Избегая атаковать сумевшие перейти к организованной обороне части (подразделения), они могут в разгар боевых действий прекратить огонь и начать отход. При этом отход и отступление иррегулярных отрядов рассматривается как проверенный способ обеспечения инициативы и создания выгодных условий для продолжения борьбы в "другом месте или в другой форме. Считается, что запоздание с началом отступления хуже, чем преждевременный отход. При этом отказ от отступления и опрометчивое принятие навязываемого противником боя чаще ведут к потере инициативы, хотя всегда выглядят как активная борьба за ее достижение. Характерно также, что в соответствии с принципом сбережения сил и средств бойцы иррегулярных формирований, как правило, ведут огонь одиночными выстрелами или короткими очередями. По этому признаку они, в частности, определяют местоположение друг друга в сложной динамике боя.

Даже вполне сознавая сильные и слабые стороны иррегулярной армии, противник всякий раз оказывается неподготовленным к конкретному боевому эпизоду или наступлению нового этапа борьбы. В качестве частного примера этого можно было бы указать на тактическую ловушку, которую партизаны с неизменным успехом применяют повсюду в различных вариантах. Открывая огонь меньшей частью своих сил по движущейся колонне противника, они вынуждают его спешиваться под прикрытие своих машин на сторону, откуда огонь не ведется. Но именно там расположены главные силы и огневые средства партизан, которые кинжальным огнем наносят основное поражение. Противник не знает, каким будет продолжение боя, где и какие силы сосредоточены, какими силами и в каком порядке нужно наносить им поражение. Даже малого времени, необходимого для организации боя, партизанам достаточно, чтобы из него выйти. Вот почему этот прием раз за разом воспроизводится в рамках одной войны и в разных странах.

Заключительная фаза знаменуется наступлением маневренных действий сторон на большей части территории. Признаками достижения равновесия выступает способность иррегулярных формирований во взаимодействии с Регулярной армией или самостоятельно все чаще на удар отвечать ударом,

проводить более масштабные и результативные операции с решительными целями по планам, в меньшей степени зависящим от действий противника, приближать операции к его главным центрам силы, добиваться однозначного и устойчивого контроля над обширными зонами.

Это стратегическое наступление по многим операционным направлениям в сторону крупных городов и населенных пунктов, гарнизонов и полевых группировок войск, завершающееся, как правило, их блокированием и выходом главными силами к столице. Доселе невидимое становится явным, и иррегулярная армия сосредоточенными массами выходит из своих баз в горах и лесах, из городского подполья и предстает перед противником во всей своей мощи и многочисленности. Почти на всех участках борьбы она уже обладает явным численным перевесом.

Маневренность этому этапу войны в значительной мере придает не столько возросшая подвижность сил сопротивления (в первую очередь за счет транспортных и подвижных огневых средств регулярных формирований), сколько варьирование на стратегическом уровне интенсивности вооруженной борьбы, частая смена направлений ударов, перенос усилий, перераспределение боевых задач между партизанскими и регулярными войсками.

Данное описание завершающей фазы может быть воспринято как традиционный апофеоз столкновения двух регулярных армий, если не принимать во внимание двух существенных обстоятельств. Даже на этой фазе принцип достижения победы путем накопления более мелких успехов действует в полной мере, и практически ни в одном современном конфликте подобного рода его кульминация не сопровождалась генеральным сражением, последним штурмом, разгромом регулярной армии и т.п. Она нередко может терпеть поражения тактического или оперативного уровня, но в большинстве известных случаев до последнего дня сохраняет свою организационную устойчивость как единый организм, материально-техническое превосходство, в целом способность продолжать боевые действия и одерживать победы.

Но именно этим и обусловлено второе обстоятельство, связанное прежде всего с тем, что другая сторона, включая ее регулярную часть, продолжает действовать "не по правилам" - в основном прибегает к охватам и обходам, избегает позиционных действий, сосредоточений перед фронтом главных сил противника и попыток "проламывания" его обороны, статичных состояний и прямолинейного обмена ударами на фиксированных рубежах. И хотя параметры частных боевых эпизодов значительно возрастают, общий рисунок военных действий, приобретая более четкие контуры, по существу меняется мало.

Проявившиеся масштабы противника и его боевые возможности нередко выполняют роль последнего убедительного аргумента в пользу того, что быстро и надежно подавить или разгромить партизан невозможно, что сопротивление стало массовым, и речь уже не идет о ликвидации "банд-

формирований", засланных агентов и подрывных элементов из "пятой колонны". Наличие фактической боеспособности и средств для продолжения борьбы уже не является достаточным условием для того, чтобы рассчитывать на победу, так как сопротивление становится общенациональным, формирующим общепатриотическую идеологию, делающим сторонниками партизан подавляющую часть населения. Как известно, невозможность ведения войны с применением известных способов против не армии, а всего народа, подтверждена военной наукой и практикой.

Не случайно многие руководители иррегулярных армий утверждали, предварительно доказав это делом, что могли бы продолжать войну и десять, и двадцать, и более лет - столько, сколько бы понадобилось для победы. Современные регулярные армии, предельно зависимые от состояния создающего их государства, в свою очередь зависимого от своих армий, на столь длительное нарастающее напряжение не способны.

Иррегулярная война, не обладающая в большинстве случаев достаточным потенциалом для слома государственной конструкции противника, вызывает такую ее коррозию и усталость, которая со временем оставляет от нее только недееспособную оболочку.

В таких войнах день победы не назначается, он наступает в известной мере неожиданно, а формальным завершением таких войн, последним актом многолетней драмы весьма часто выступают события, свидетельствующие о параличе государственных институтов - политическая забастовка, восстание, капитуляция части правительственных войск, исход частной операции...

Преднамеренное возведение иррегулярных действий в категорию стратегического средства ведения войны оправдывается целым рядом преимуществ, не обеспечиваемых никакими другими способами в условиях превосходства регулярного противника. Такие действия сокращают территорию, находящуюся под контролем противника и последовательно расширяют пространство активного сопротивления. Они служат источником формирования вооруженных сил, школой подготовки военных кадров, способом военной мобилизации и организации населения, а также материально-технического обеспечения. Эти действия сводят к минимуму собственные потери в условиях неравенства сил, особенно технического и организационного; в то же время они позволяют наносить противнику максимально возможные потери и другой ущерб, добиваться локального, а затем и общего превосходства над ним в живой силе. Наша стратегия, писал Мао Цзедун, в том, чтобы сражаться одному против десяти, а наша тактика быть вдесятером против одного. Вот почему на стратегическом Уровне война до последнего момента носит затяжной характер, но отличается стремительностью оперативных и, главное, тактических действий⁸⁰.

⁸⁰ Мао Цзедун. Избранные произведения. М., 1952. Т. 1. С. 339.

На этапе обороны иррегулярные войска сдерживают наступление противника на создаваемую регулярную армию, снижают силу его ударов на фронте; на этапе равновесия они дают возможность путем удержания опорных баз и активными действиями в тылу противника обеспечить планомерное восстановление боеспособности и даже создание собственной армии; в ходе стратегического наступления они наилучшим образом содействуют из глубины операциям на фронте.

Кроме того, затяжная партизанская война проявила себя как мощное средство формирования оборонного потенциала, воздействия на региональную и глобальную военно-политическую обстановку. Не ограничиваясь решением исключительно военно-технических задач, иррегулярные формирования создают органы власти, ведут культурно-просветительную работу, обеспечивают безопасность и условия жизни населения, укрепляют его моральный дух, деморализуют армию, правящие круги и население противника.

Военная наука, определив основным критерием победы физический разгром противника, придала наступлению свойства едва ли не единственного средства достижения целей войны. Допуская в весьма ограниченных пределах оборону, она не уделила ей достаточного теоретического внимания, а практики всегда неохотно прибегали к ее подготовке.

Прибегая к образности, можно сказать, что по своей сути развернутые действия партизан есть не что иное, как засада в масштабах целой страны, но засаду никак нельзя отнести к пассивному способу сопротивления.

Неразработанность теории обороны, однозначное отнесение ее в разряд вынужденных, временных, нежелательных и в известной мере предосудительных (особенно в стратегическом масштабе) видов боевых действий повлекли за собой и недостаточное внимание к вопросам целенаправленного воздействия в ходе войны на другие составляющие потенциала противника - его политический, морально-психологический и экономический аспекты. Есть два обстоятельства, - справедливо замечал Клаузевиц, - которые могут служить помимо полной невозможности сопротивляться мотивом к заключению мира. Первое - сомнительность успеха, второе - слишком высокая его цена⁸¹. Многочисленными примерами успешного применения малая война, как вынужденное средство стратегической обороны и преднамеренное средство тактического наступления, на протяжении веков не раз доводила более сильного противника до крушения, главным образом, обеспечивая очевидность именно этих двух обстоятельств, в совершенстве используя стремление регулярных армий наступать напролом.

Военный метод, основанный на партизанских принципах организации и ведения вооруженной борьбы, выражает свою сущность в умелой эксплуатации и полезном для себя преобразовании избыточной наступательной энергии регулярных армий.

⁸¹ Клаузевиц. О войне. М., 1934. С. 32.

Более того, применение этого метода возможно также и потому, что регулярная армия до последнего сопротивляется каким-либо существенным трансформациям, изменяющим ее нормальное устройство и функционирование, пренебрежительно отказывает стихии партизанского движения в системности и признании его в качестве достойного противника.

2. Регулярные войска в борьбе с партизанами и повстанцами: причины неэффективности "правильной" войны против "неправильного" противника.

Преимущественное подчеркивание только сильных сторон иррегулярного метода предпринято преднамеренно, с единственной целью сосредоточить внимание на тех главных свойствах организации и ведения вооруженной борьбы массами невоеннообученного населения, которые, как правило, не присущи устройству и функционированию регулярных войск. И тем не менее, справедливо считая одним из главных критериев военного искусства умение рационально использовать свои сильные стороны и слабости противника, можно удостовериться на фактах истории, что иррегулярность не может быть отнесена к средству универсального опровержения принципа регулярности. Хотя самые яркие, масштабные и, главное, непредвиденные успехи в конфликтах и войнах второй половины этого столетия на счету иррегулярных армий, регулярные также сумели записать в свой актив немало достижений в борьбе с повстанцами и партизанами.

И все же даже статистика свидетельствует не в пользу регулярных войск: 58% вооруженных конфликтов периода 1945-1975 гг. завершились победой национально-освободительных движений⁸², применявших в основном иррегулярные способы борьбы. Корректировка же методики подсчета в сторону ограничения статистического поля только конфликтами, прошедшими все фазы развития, а также учет более поздних конфликтов и случаев выхода из них регулярных войск уже при первых симптомах перерастания в затяжную малую войну привели бы к значительному возрастанию данного показателя.

По сути, это современное подтверждение вывода, сделанного в начале прошлого столетия Жомини, который утверждал, что "никакая армия, как бы она ни была обстреляна, не могла бы с успехом бороться против такой системы, примененной многочисленным народом"⁸³.

Как уже указывалось выше, не только Жомини, но и многие выдающиеся авторитеты до него, военные мыслители и полководцы современности пришли к аналогичному выводу, обращая внимание в первую очередь на огромный потенциал такого способа ведения войны, остающегося неизменным на протяжении веков. В этом случае закономерен вопрос: не обладает ли принцип регулярности, положенный в основу строительства и при-

⁸² См.: Тюшкевич С. Война и современность. М., 1986. С. 63-67.

⁸³ Жомини. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. I. С. 50.

менения армий, набором таких органических изъянов, которые и обеспечивают живучесть иррегулярного метода? Если же это так, то обнаруживающиеся в столкновениях с вышеуказанным противником и не выдерживающие испытания в столкновении с его иррегулярностью принципы устройства и функционирования постоянных (профессиональных) армий далеки от совершенства. В этом случае и обороноспособность государства, упорствующего в своей приверженности к самой дорогостоящей модели военной организации, оказывающейся на поверку не приспособленной противостоять целой гамме видов угроз национальной безопасности, не может считаться достаточной.

Чтобы обосновать или развеять рождаемые практикой сомнения, анализ технологии, при помощи которой первоначальная слабость иррегулярных сил трансформируется в боевую мощь, следует дополнить рассмотрением причин неприспособленности и неадекватности действий регулярных ("дисциплинированных", по выражению Клаузевица) армий, которые в иных условиях и при тех же отправных данных были бы и реально действовали значительно эффективнее. Малая война не отменяет, а по-своему интерпретирует известные принципы военного дела, большей частью их девальвирует и возводит в категорию основных тех, которые военной наукой отнесены к сфере особенностей и менее всего ею проработаны.

Как и в больших войнах, в такой войне чрезвычайно важную роль играет фактор территории, которую регулярные армии приучены брать с боя. Надежный контроль над территорией, овладение обширными пространствами, важными политико-административными, экономическими и демографическими центрами, дорожно-транспортной сетью с прилегающими зонами, выгодными позициями и даже точками на местности всегда считалось важнейшей предпосылкой и условием победы. По этой причине как наступательные, так и оборонительные действия по захвату или удержанию таких объектов и рубежей обычно ведутся с особым ожесточением и интенсивностью. Самоотверженные действия войск на некоей "безымянной высоте", сопровождаемые огромными потерями сторон, чаще всего диктуются соображениями высшей военной целесообразности, определяемой поиском оптимальной конфигурации линейного боевого порядка.

И это вполне закономерно в связи с тем, что овладение такими объектами одновременно означает отнятие их у противника - при том, что они имеют важное значение для действий регулярной армии: для обеспечения развертывания и сосредоточения войск в интересах повышения их ударной мощи или безопасности, выгодного расположения огневых средств, подвоза материальных запасов, функционирования системы управления и т.д. По этой же причине наиболее тщательно планируются первоначальные удары и кампании, исход которых, с учетом того, что в них обычно задействованы наиболее боеспособные силы, во многом предопределяет дальнейший ход войны.

Как уже отмечалось, в малых войнах наблюдается прямо противоположная картина. Силы вторжения почти никогда не испытывают серьезных трудностей при вступлении на чужую территорию, не ведут приграничных сражений и легко захватывают намеченные объекты, включая столицу, другие крупные города, порты, аэродромы, имеют возможность почти немедленно приступить к расквартированию войск, развертыванию соответствующих тыловых служб и налаживанию быта, гарнизонной и караульной службы, плановой боевой учебы - все это по нормам и правилам мирного времени. На смену предельному напряжению физических и моральных сил, неопределенности и опасностям начального этапа приходит ощущение окончания войны, уверенности в превосходстве своей армии над разрозненным и скрывающимся противником, у которого нет даже сил, чтобы оказать организованное сопротивление захвату его территории. На смену сосредоточенным боевым порядкам приходит рассредоточение армии, ее погарнизонное расчленение.

То, что где-то в горах или лесах, на безопасном удалении скрываются, почти не обнаруживая себя, остатки отступившей армии противника, самодельные отряды повстанцев, не несет в себе очевидной и непосредственной угрозы. Их ликвидация или вытеснение откладывается на более позднее время, а когда начинается, проводится минимально необходимыми силами и средствами в форме частных рейдовых военно-полицейских операций с оставлением на маршрутах выдвижения небольших отрядов для поддержания локальной безопасности и установленного оккупационными властями порядка.

На этом этапе и начинается собственно малая война, и ее параметры пока соответствуют названию - боевые действия ведутся на довольно ограниченной части территории, в них участвуют с обеих сторон небольшие силы, вступающие в непродолжительные столкновения. Такой сценарий развития конфликта подтверждается опытом и гражданских, и национально-освободительных войн, в которых факт долговременной стратегической оккупации в такой же мере соответствует существу оккупации при вторжении иноземного агрессора.

Ширящийся размах малой войны, множественные очаги которой все еще достаточно далеко отстоят от центра сосредоточения сил регулярной армии, вынуждают ее постепенно переносить свои главные усилия на периферийную зону конфликта, втягивать в борьбу все большие средства, проводить соответствующее оборудование местности, удлинять коммуникации.

Однако стремление к достижению стабильной оккупации и расширению зоны контроля за счет поиска очагов нестабильности и активных попыток их подавления приводит к обратному результату, к приумножению точек и зоны боевого соприкосновения, к расширению пределов театра военных Действий, катализатором которых выступают именно подразделения регу-

лярной армии, своей наступательной активностью выводящие иррегулярные формирования противника из состояния пассивного накопления сил. Как отмечал Клаузевиц, "в борьбе с этими слабыми командами обычно и зажигается огонь народной войны"⁸⁴.

На этом фоне сама оккупация и контроль над территорией, которые должны были обеспечить вторжение и занятие наиболее значимых объектов и целей, оказываются видимостью. Возникает ситуация, когда формальное владение территорией от границы до границы, достигаемое планомерным продвижением гарнизонов и блокгаузов, застав и аванпостов, вынужденным опасным распылением сил в глубине страны с враждебным населением, делает очевидной нехватку наличных сил, бесконечно расширяет и усложняет задачи снабжения, взаимодействия и управления.

И малые войны современности подтвердили справедливость наблюдения Жомини, который писал: "Армия, которая вступает в такую страну владеет только тем местом, на котором она расположена; ее снабжение может производиться только вооруженной рукой, а ее обозы всегда находятся под угрозой уничтожения"⁸⁵. Рассчитывать на успех можно лишь в той случае, развивая на свою мысль, "когда силы армии настолько огромны что она может прочно занять все важные пункты страны, прикрыть свои пути сообщения и, кроме того, выставить достаточно сильные действующие отряды для поражения неприятеля всюду, где бы он ни появился. Но ... какие же силы необходимо иметь для того, чтобы одновременно быть везде в превосходном числе и в то же время обеспечивать отдаленные пути сообщения от нападений многочисленных отрядов"⁸⁶.

Такая ситуация, не перешедшая, правда, в динамику открытых боевых действий, сложилась в 1989 г. в Закавказье, где на территории площадью 3925 кв. км обнаружили себя всего 8-18 групп боевиков численностью 40-200 человек. Дивизии оперативного назначения внутренних войск МВД России в этом районе было передано под охрану 126 объектов (из них 78 на коммуникациях), 665 км автодорог и 171 км железных". О фактическом несоответствии этих сил объему поставленных им служебно-боевых задач свидетельствуют не только приведенные данные, но и опыт Великой Отечественной войны, когда для слабой охраны 100 км железных дорог требовалось выделять один батальон, а для сильной - до двух полков.

Аналогичные ситуации возникали в Китае, Алжире и на Кубе, во Вьетнаме и Анголе, в Никарагуа и Сальвадоре. Регулярной армии недостаточно обеспечить внешние контуры занятого пространства, что в обычных войнах достигается захватом мостов, узлов дорог, выставлением надежных заслонов на путях вероятного выдвижения противника, занятием вы-

годных позиций, заблаговременным сосредоточением и расположением сил и средств фронтом в сторону противника, то есть эксцентрически. Если это она осуществляет с успехом, убеждаясь со временем в принципиальной ненужности или малоэффективности проведенных мероприятий, то надежно прикрыть обширные промежутки между пунктами дислокации и оперативными отрядами своих войск, не вытеснив из них силы противника и не воспретив их повторного проникновения, она обычно не в состоянии. Если это и удастся, то только на ограниченном пространстве и ценой чрезвычайного напряжения сил ввиду легкости, подвижности и рассредоточенности иррегулярных отрядов, знания ими особенностей местности и поддержки населения.

Главное же состоит в несоответствии традиционных методик оценки действительного соотношения сил, что подтверждается некоторыми данными из зарубежного опыта участия в малых войнах. Так, считается, что один партизан способен нейтрализовать до десяти профессиональных солдат, а уничтожение одного партизана удастся лишь ценой жизни пятнадцати военнослужащих регулярной армии. Например, в 1957-1962 гг. соотношение сил США, действовавшей совместно с ними южновьетнамской правительственной армии с одной стороны и партизан с другой составляло 25:1⁸⁹.

Непременно наступает момент, когда регулярная армия, стремясь укрупнить гарнизоны и группировки, восстановить управляемость и боеспособность, обезопасить себя от непрерывных налетов и уменьшить потери, вновь начинает стягивать свои войска к крупным населенным пунктам и транспортным терминалам, через которые поступают материальные средства и новые контингенты личного состава. Это знак приближения третьей фазы войны, содержание которой изменилось настолько, что территория перестала играть первоначальное значение, а повторение экспансии уже не планируется. Ей на смену приходят заблаговременно планируемые наступательные операции на узких направлениях с обязательным возвратом войск в исходные пункты и места постоянной дислокации.

На этом этапе война приобретает особо разрушительный и истребительный характер, применяется "тактика выжженной земли". Не будучи в состоянии принудить противника к открытому противоборству, отказавшись от удержания территории, регулярная армия стремится лишить ее и противника, сделать непригодной в качестве источника его силы и условия существования. Уничтожаются леса и посевы, проводятся затопления, применяются химические и биологические средства для отравления скота, плодородной почвы и водоисточников, выжигаются деревни и пастбища, насильственно перемещаются массы населения, идет повсеместное минирование местности. Неизменно повторяя друг друга в этапах и характере действий, регулярные армии широко применяют разно-

⁸⁹ Военная мысль. 1968. № 5. С. 65.

⁸⁴ Клаузевиц, О войне. М., 1934. С. 432.

⁸⁵ Жомини. Указ. соч. С. 47.

⁸⁶ Жомини. Указ. соч. С. 50.

⁸⁷ Обозреватель. Специальный выпуск. М., 1995. С. 342.

⁸⁸ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 531.

образные инженерные заграждения, призванные заменить в качестве искусственного рубежа несуществующую линию фронта, воспрепятствовать миграции населения и транзит оружия, изолировать отдельные участки местности.

Эти меры, в разной степени эффективные в плане вооруженного противоборства, редко в прошлом и никогда в современных условиях удавалось превратить в решающее средство достижения победы в войне в целом. Более того, преднамеренное ужесточение войны, ее фактическое ведение против населения придавало сопротивлению массовый, отечественный характер, обеспечивало безусловную поддержку и участие в обороне подавляющего большинства нации. Практика показала, что только достижение на этом пути уровня геноцида позволяло рассчитывать на успех умиротворения. Но в современных условиях такой метод едва ли повторим, а отдельные элементы дозированного геноцида ведут к еще большему разжиганию конфликта и тем самым предопределяют его исход.

По сути, в заключительные периоды войны регулярная армия нередко прибегает к стратегии своего противника и также стремится "разменять территорию на людей". Но в отличие от него, она не добивается такого же результата - чтобы величина потерь, равномерно распределяемая среди приспособившейся к такому способу действий многомиллионной массы, превысила значение приближающейся победы и вынудила отказаться от продолжения войны. Таким образом, массированное применение средств поражения, интенсификация боевых действий на высоких стадиях конфликта не обеспечивают перехвата стратегической инициативы и мало влияют на конечный результат.

В целом природное стремление регулярной армии к контролю над территорией делает ее уязвимей для атак остающегося и вновь возникающего в тылу противника, противопоставляет вектор ее стратегических устремлений вектору приложения основных тактических усилий, умножает очаги вооруженного сопротивления, ведет к распылению собственных сил и средств, тем самым способствует утрате превосходства в количественном и качественном отношении над противником.

Когда регулярная армия вышла на всю глубину ТВД и тем самым образвала стратегический тыл, она выполнила свою боевую задачу. Ей нельзя вменять в вину, что при этом она не выполнила другую часть задачи - не уничтожила противника, который не преграждает ее продвижение открытым фронтальным сопротивлением, которого из-за его "нематериальности" невозможно ни вытеснить, ни блокировать. Она почти нигде не встречает организованной армии, а имеет дело с населением у себя в тылу, представляющим то в облике мирного обывателя, то искусного и коварного воина, разящего в спину.

И тем не менее именно армии поручается довести дело до конца и выполнить вторую часть задачи, несмотря на то, что она к подобной деятельно-

сти не подготовлена - в первую очередь всем своим устройством и принципами функционирования, определенными для других целей.

Рассмотрение этого аспекта следует начать с того, что для ведения такой необычной ("неправильной") войны выделяется определенная часть регулярной армии, несущая в себе все ее основные свойства. Основная же масса войск и военной инфраструктуры государства в войне, особенно на ее начальных этапах, не участвует и на военное положение не переводится. Другими словами, войну ведет не армия, не государство и не население, а изолированная группировка войск. Только по этой причине неправомерно говорить о войне с привлечением национальных вооруженных сил. В каждом случае речь идет о войсковой операции, потому что в силу материально-технических возможностей, боевого и численного состава, нормального предназначения подобного формирования оно тяготеет к тому, чтобы свести содержание конфликта к краткосрочной вооруженной борьбе, неохотно и неумело участвует в других видах противоборства, которые на определенных этапах приобретают неизмеримо большее значение - политическом, экономическом, дипломатическом и др. Не ощущает группировка и весомой поддержки из собственной столицы, так как в интересах правительства максимально скрыть сам факт агрессии, особенно в случае неудачного ее развития.

Но главное состоит в том, что и в сфере вооруженной борьбы расчеты и ожидания не оправдываются, заложенный боевой потенциал не удается реализовать, и он быстро тает, расходуясь большей частью не на поражение противника и проведение методичных операций, а на бесконечный его поиск и на не связанные с боевой работой виды деятельности. Генерал армии Б.В.Громов утверждает, что более 70% сил и средств 40-й армии постоянно было задействовано для перевозки по территории Афганистана различных гуманитарных грузов⁹⁰. Он также пишет, что 80% его дивизии стояли на охране дорог, а треть боевых подразделений сопровождали колонны⁹¹.

Если в Афганистане участвовать в боевых операциях могли 20% штатного состава советских полков⁹², то из французского контингента в Индокитае в маневренных боевых действиях могли участвовать только 10% наличных сил, а остальные стояли на охране различных объектов⁹³.

Пассивное нахождение войск в режиме самоохранения, их участие в решении разнообразных небоевых задач представляет собой самое распространенное и бросающееся в глаза явление, которое фиксируется наблюдателями во всех войнах подобного рода. И это вторая причина, наряду со стремлением распространить военное присутствие на максимально возможное пространство, по которой войска регулярной армии распыляются,

⁹⁰ Громов Б.В. Указ. соч. С. 332.

⁹¹ Там же. С. 130, 148.

⁹² Война в Афганистане... С. 247.

⁹³ 3 Revue historique des Armees. 1980. № 4. P. 213.

подвергаются всевозможным организационным импровизациям, не предусмотренным действующими уставами, в целом видоизменяют свое первоначальное состояние и устройство. Сами условия конфликта требуют такого приспособления и подсказывают нужные решения, но это противоречит внутренней природе и дисциплинированности профессиональных войск, опасаящихся экспериментов больше, чем противника. "Пересмотр традиционных методов ведения боевых действий, - писал полковник армии США Келли, - основная масса военных начисто не приемлет и противодействует этому с миссионерским энтузиазмом и эмоциональным жаром лишь потому, что он означает перемены и что-то новое"⁹⁴.

Особенно четко это проявляется при подготовке и проведении очередных наступательных кампаний, когда для создания ударных группировок собираются и сосредотачиваются разбросанные силы и средства, восстанавливаются утраченные связи. Войска как бы вновь обретают свой нормальный вид, а их впечатляющее сосредоточение в исходных районах, близкая к штатной укомплектованность, поступление новых средств борьбы позволяют рассчитывать на успех.

Принцип сосредоточения сил и средств, их неравномерного распределения по фронту и эшелонирования в глубину, пригодный для проламывания позиционной обороны, дробления противостоящих сил и развития наступления на максимальную глубину, оказывается бесполезным и ошибочным. Уже говорилось о том, что в войнах рассматриваемого типа иррегулярные отряды в основном действуют малочисленными силами и стараются при этом выбирать еще более мелкие цели, или, атакуя крупные объекты, стремятся к предельной скоротечности боевого действия.

Регулярная же армия привычна к компактности, плотным походным и боевым порядкам, особенно в условиях достоверно установленного отсутствия у противника мощных средств поражения. В отличие от него, действующего автономно, ее соединения и части, подвергшиеся нападению даже незначительных сил, вынуждены всякий раз разворачиваться для боя, разворачивая фронт в сторону атакующих. С учетом того, что отделение способно успешно действовать только в составе взвода, взвод - в составе роты и так вплоть до частей и соединений, множественные, внезапные и скоротечные налеты с различных направлений вынуждают реагировать на них не адекватно большим усилием, так как реальная сила и боеспособность атакующего противника не поддается точному определению. Как описал эту типичную ситуацию М.В.Фрунзе, "перегруженные техникой и многочисленными обозами войска тяжелой массой ... медленно катятся вперед и при первом мало-мальски серьезном отпоре зарываются в землю"⁹⁵. Наступает изнурение. От него не спасает и постепенная трансформаций боевых порядков в походно-боевые, а затем и в походные, призванные

⁹⁴ Kelly F.J. Vietnam Studies: US Army Special Forces. 1961-1971. Wash., 1977. P 160.

⁹⁵ Фрунзе М.В. Указ, соч.- Т. I. С. 464.

обеспечить не столько ударные возможности, сколько экономию сил. Но так как и при этом противника не удастся ни разгромить, ни, тем более, вытеснить, то такие порядки усугубляют неэффективность операции. С одной стороны они дают возможность увеличить глубину проникновения и сберечь при этом силы, а с другой - вызывают на себя возрастающее флангово-тыловое давление со стороны не скованного противника. Нарастает физическая и морально-психологическая усталость, иссякает боекомплект и запасы ГСМ, выходит из строя техника, осложняется решение задачи эвакуации раненых, больных и материальной части.

Когда наступательный потенциал иссякает и начинается вытягивание колонн в исходные районы, а уплотненные предыдущими действиями наступающих боевые порядки противника переходят к ударам сосредоточенными массами по ослабленным элементам, потери еще более возрастают.

Чтобы преодолеть ущербную рутину стратегии "походов" и "контрпоходов" на узких операционных направлениях, не снизив при этом наступательной активности в борьбе за инициативу, регулярная армия переходит к широкому применению десантов, забрасываемых в глубь ТВД с помощью самолетов и вертолетов. Степень оперативной внезапности при этом повышается, но на практике это сложное и дорогостоящее мероприятие, требующее тщательной подготовки и всестороннего обеспечения, особенно зоны полета и эвакуации войск по окончании операции. Да и действия десантов в тылу отличаются от уставных предписаний. Например, в 1966 г. проводившая операцию "Харрисон" 1-я бригада 101-й воздушно-штурмовой дивизии США шесть раз выбрасывала тактические группы, но каждый раз вьетнамские партизаны заблаговременно уходили из-под их ударов, потому что им обязательно предшествовала огневая подготовка⁹⁶.

Однако в целом именно вертолеты сыграли большую роль в действиях американских войск, так как, по признанию командовавшего ими генерала Уэстморленда, "вся тактика во Вьетнаме была основана на массовом использовании вертолетов"⁹⁷.

Он же подчеркивал, что "без вертолетов США и Сайгон должны были бы иметь еще один миллион солдат, чтобы вести борьбу с противником"⁹⁸. О масштабах их применения, уязвимости и важности всестороннего обеспечения их действий говорит уже то, что во Вьетнаме было потеряно свыше 5000 вертолетов⁹⁹.

Крайне редко удаются глубокое преследование, широкие маневры на окружение, обходы и охваты, так как выделенные для этого войска, предназначенные для действий в отрыве от главных сил и мест базирования, сами при этом оказываются в окружении и справедливо опасаются за свои тылы и коммуникационные пути. Известно, например, что во время войны в

⁹⁶ Военно-исторический журнал. 1966. № 6. С. 108.

⁹⁷ Hay J. Vietnam Studies: Tactical and Materiel Innovations. Wash., 1974. P. 10. Newsweek. 1971. March. P. 19.

⁹⁹ Военно-исторический журнал. 1983. № 1. С. 78.

Корее войска Севера не только не опасались глубоких вклиниваний значительных группировок противника, но и широко применяли тактику заманивания, преднамеренно демонстрируя всяческими способами свою кажущуюся слабость и увлекая наступающие войска в глубь своей обороны. Но несмотря на превосходство и открывающиеся в связи с этим возможности для маневренных действий, за всю войну ни разу не удавалось осуществить окружения. В частности, по этой причине американские войска в конце концов отказались от требований уставов, перешли к равномерному распределению сил и средств и перестали глубоко эшелонировать боевые порядки.

Таким образом, чем крупнее части и соединения регулярной армии, тем сложнее становится их рациональное использование в боевой обстановке, тем меньшая их часть может реально принять участие в непосредственных военных действиях, тем ниже по отношению к действительной боеспособности их эффективность. Подчиняясь правилам, прописанным для всей регулярной армии, ее экспедиционная группировка не в состоянии применить их в условиях малой войны. Как пишет один из ветеранов войны в Индокитае, "традиционные нормы, которыми мы руководствовались, оказались мертвы."

Мы должны были противостоять новому способу ведения войны - новому по концепции и новому по исполнению ... Нужно было понять, как Вьетнам сумел противопоставить французской армии свой собственный способ войны, раскрыть методы, давшие ему возможность победить силы, бесконечно лучше вооруженные, организованные и подготовленные"¹⁰⁰.

Путь рассредоточения сил, на который подталкивает логика войны, также оказывается неприемлемым и опасным - как по причине укоренившегося уважения к действующим нормам, так и по другим обстоятельствам. Среди них главную роль играет то, что для атакующих действий противник всегда создает локальное численное превосходство, имея для этого возможности, которыми не обладают регулярные войска - он оперирует на своей (освоенной) территории, самостоятелен в решениях и действиях, не привязан к технике и коммуникациям, независим от центрального командования и тыла, от погоды и топографии. Поэтому в условиях хронической неясности обстановки невозможно определить оптимальный уровень рассредоточения, ниже которого в данной местности нельзя опускаться, не рискуя столкнуться с превосходящими силами. К тому же следует иметь в виду, что в ходе такой войны наряду с иррегулярными формированиями противник создает регулярные войска, обладающие повышенными боевыми возможностями.

Игнорирование этих обстоятельств привело, например, к разгрому крупного гарнизона французов в Дьенбьенфу в мае 1954 г., что стало апофеозом их интервенции во Вьетнаме.

¹⁰⁰ P.-M. de La Gorce. La Republique et son armee. Paris, 1963. P. 496,497.

Главным для них был вопрос о месте и формах сосредоточения основных усилий: стремиться уничтожить опорные базы в труднодоступных районах, или установить надежный контроль над долинами, питавшими противника людьми и материальными ресурсами; активизировать боевые действия на юге полуострова, имевшем большой экономический и демографический потенциал, или на севере, где располагались главные военные силы ДРВ. Это означало, что на одних операционных направлениях предстояло сосредоточить силы, а на других - рассредоточить.

Вступивший в мае 1953 г. в должность главкома экспедиционного корпуса генерал Наварр (всего за годы войны сменилось семь главкомов, каждый из которых придерживался собственных взглядов на ведение войны) получил установку на коренное изменение положения в Индокитае и, главное, на решительный слом установившегося взрывоопасного равновесия, грозившего затягиванием войны на этом уровне. Им был разработан план перехода к стратегической обороне на севере с одновременной активизацией военных и военно-гражданских мероприятий в центре и на юге.

Первый этап плана базировался на учете характерной особенности военного искусства противника, который предпринимал наступательные действия преимущественно только против слабо защищенных участков, но избегал фронтальных атак на хорошо оборудованные и обеспеченные артиллерийско-минометным огнем и ударами авиации позиции, переходя в этих случаях к длительной осаде. Замысел Наварра предусматривал создание в глубине ТВД сети полевых укрепрайонов, надежно обеспечивающихся, усиливающих в случае необходимости по воздуху и охраняемых наземными коммуникациями.

Стратегические последствия плана были predeterminedены неоправданным намерением одновременно вести в разных частях страны регулярную и иррегулярную войны, необходимостью реорганизации для этого наличных сил и системы управления ими, а также ошибками разведки и просчетами при выборе места расположения укрепрайона Дьенбьенфу. Находясь в узкой и длинной горной долине и запирая вьетнамо-лаосскую границу, он в то же время являлся замком, который в случае поражения открывал дорогу на Ханой и в тыл французских войск в Центральном Вьетнаме. На основе анализа разведданных был сделан вывод, что в этом районе возможно появление лишь двух дивизий противника, которые в отсутствие автотранспорта 20 тыс. носильщиков могли обеспечить боеприпасами всего на семь суток боя. Считалось, что у вьетнамцев по-прежнему нет артиллерии и зенитных средств.

В действительности командование регулярной Вьетнамской народной армии стянуло к Дьенбьенфу четыре пехотных и одну тяжелую дивизию со значительным количеством артиллерии, создало и непрерывно пополняло Достаточные запасы материальных средств с помощью нескольких сотен грузовиков, перерезало наземные коммуникации французов, плотным ог-

нем прикрывало собственную группировку и свело к минимуму возможности снабжения осажденных при помощи авиации.

Благодаря скрытному сосредоточению сил, тщательной разведке и всесторонней подготовке штурм явился полной неожиданностью для оборонявшихся. Несмотря на отчаянное сопротивление (французские историки называют это сражение "второй верденской мясорубкой"), гарнизон потерял свыше семи тысяч убитыми и ранеными, остальные сдались или дезертировали.

Стремление регулярной армии к компактности и сосредоточению, к равномерному распределению сил и средств, к обязательному тесному и бесперебойному взаимодействию (взаимозависимости) между ними заложено как в организационном устройстве войск и в оперативном построении, так и в принципах применения. Регулярные войска чрезвычайно разнообразны по типам имеющегося у них вооружения, включают в себя соответствующим образом организованные средства поражения, предназначенные для борьбы со столь же сложно и разнообразно оснащенным противником. В малых же войнах значительная, если не большая, часть штатных элементов задействуется либо не в полной мере, либо не применяется вовсе, либо решает не свойственные им задачи. "Правильная" операция (общевойсковой бой) удается крайне редко, мощное вооружение становится балластом, а степень его эффективности обратно пропорциональна расчетной боевой мощи.

Этот парадоксальный эффект возникает в первую очередь ввиду несоответствия такого вооружения характеру целей противника или отсутствия последних. Как правило, по этой причине не ощущается постоянной потребности в противотанковых и зенитных средствах, соответствующих боеприпасам, хотя они реально имеются согласно штату и включаются в состав боевых групп. Нарастивание калибров ствольной артиллерии никогда не давало должного эффекта против точечных и внезапно появляющихся целей, а реактивной - при стрельбе на дальности в несколько сот метров. В такого рода конфликтах у артиллерии вообще нет задач, характерных для "правильной" войны, как-то взламывание обороны, разрушение фортификационных сооружений, борьба с танками и мотопехотой, огневое сопровождение наступления в глубине и противобатарейная борьба. В такой же мере не оправдывали свое предназначение и бронетанковые войска, не говоря уже о почти полной непригодности ракетной техники, составляющей в обычных условиях основу огневой мощи.

В частности, было эмпирически установлено, что только 60% территории Вьетнама пригодно для применения танков в сухое время года. С наступлением сезона дождей этот показатель снижался до 45%¹⁰¹.

Большая скорость полета, необходимость действовать на предельно малых или предельно больших высотах из-за высокой поражающей способ-

ности переносных зенитно-ракетных комплексов, неподдающиеся детальной разведке наземные цели, постоянное тесное соприкосновение противоборствующих войск, отсутствие безопасных и качественных взлетно-посадочных полос и аэродромного оборудования резко понижают эффективность и сами возможности использования истребительной и бомбардировочной авиации. Например, по опыту французов, свыше 60% их авиации в Индокитае использовалось для обеспечения действий остающейся трети¹⁰². А во время войны в Корее до 40% низколетящих самолетов уничтожалось стрелками-охотниками. Кроме того, в малых войнах получили распространение такие неординарные приемы борьбы с авиацией, как устройство засад (особенно эффективных в горной местности) на традиционных маршрутах полета, уничтожение авиации на земле, вывод из строя взлетно-посадочных полос и аэродромного оборудования. А на Кубе была проведена необычная "операция ПВО", заключавшаяся в захвате американских заложников. Условием их освобождения стал отказ от сотрудничества с Батистой в области укрепления его ВВС. На первый план выдвигается транспортная авиация и вертолеты, что в целом ограничивает роль авиации как рода войск и вида вооруженных сил.

Когда, не понимая природы малых войн, называют их ограниченными, то дают правильное по сути определение. Однако подразумевать следует не ограничения в численности участвующих в конфликте сил, а в первую очередь вынужденные ограничения в возможности полноценного использования средств борьбы в соответствии с их номинальными тактико-техническими характеристиками. Это не имеет ничего общего с сознательной умеренностью. Напротив, отличительной чертой этих конфликтов непременно становится эскалация по всем направлениям, вхождение в режим саморазгона и особо жесткий, истребительный характер. Война фактически с населением, армия почти не имеет возможности дифференцировать сугубо военные цели (объекты) и на определенном этапе неизбежно переходит к тотальным репрессиям против мирных граждан, тем самым невольно пополняя ряды своих активных противников. Война становится террористической, а военные действия стремительно утрачивают свою целесообразность и осмысленность в измерениях военного искусства.

В этой связи отмечается, как общее явление, резкое снижение морально-психологического потенциала личного состава всех категорий, обострение состояния изнурения вследствие ощущения постоянной опасности, длительных физических нагрузок, не приносящих значительных результатов и положительных эмоций. Во Вьетнаме, например, американцы теряли от различных форм психических заболеваний, душевных травм, вызванных "боевой усталостью", до 12% от общего объема санитарных потерь¹⁰³. А в Целом небоевые потери во многих малых войнах современности достигали

¹⁰¹ Armor. 1968. Vol. 77. №4. P. 6-8.

¹⁰² Revue de defense nationale. 1974. № 3. P. 77.

¹⁰³ Neel S. Vietnam Studies: Medical Support!. Wash., 1974. P. 53.

половины и более от общего числа выбывших из строя военнослужащих¹⁰⁴.

К тому же законодательство большинства стран не позволяет использовать военнослужащих срочной службы за пределами национальной территории, особенно без объявления войны. Это создает дополнительные сложности в области комплектования и влечет за собой нарастание нагрузок на имеющийся личный состав, что, в свою очередь, вынуждает прибегать к его частой ротации. При этом теряется преемственность опыта, боевая слаженность войск, и даже повторное командирование одного и того же контингента не улучшает положения, так как война быстро видоизменяется таким образом, что приобретенные ранее знания и навыки могут оказаться бесполезными для нового ее этапа.

Бытующее мнение, что профессионально подготовленный военнослужащий быстро приспосабливается к любым условиям, не подтверждается практикой малых войн. В частности, эта мысль отражена в фундаментальном труде под редакцией Маршала Советского Союза М.В.Захарова "Локальная война". Некоторые считают, пишут авторы, что необходима особая выучка войск. Но это по условиям дислокации не всегда возможно, а опыт двух мировых войн свидетельствует, что хорошо обученные военнослужащие быстро приспосабливаются к конкретной боевой обстановке¹⁰⁵.

На самом деле, несмотря на отсутствие условий, доучивание и даже переучивание необходимо и всегда проводится на месте. Поэтому скорее следует согласиться с мнением американского майора Дж.Пастея, который утверждает: "Хороший пехотинец регулярной армии не может автоматически, не получив специальной подготовки, стать хорошим воином против повстанцев"¹⁰⁶.

Более того, приспосабливаться к быстро меняющейся обстановке приходится вплоть до окончания войны, однако доподготовка проводится только с прибывающими контингентами. Очевидно, что вывод, сделанный по опыту регулярных войн, нельзя распространять на малые, как и опыт последних мало пригоден для обычных войн. В этом, вероятно, и кроется одна из причин его забвения.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что современная постоянная армия по своей природе "горожанка". Она постоянно дислоцируется в городах или ближайших к ним населенных пунктах, личный состав пользуется городскими удобствами, питается, одевается, отдыхает, лечится по городским нормам, которые существенно отличаются от реальных условий сельской местности, где ей в основном приходится действовать. Этот контраст особенно разителен, когда друг другу противостоят армия развитого государства, в котором разница между городом и селом условна, и крестьянская армия, бойцы которой из поколения в поколение привыкали к

¹⁰⁴ Военное искусство в локальных войнах. (1945-1990). М., 1991. С. 371.

¹⁰⁵ См: Локальная война. М., 1966. С. 13.

¹⁰⁶ Pustay I. Counterinsurgency Warfare. N-Y., 1995. P. 84.

естественным лишениям, действуют в собственной стране и на хорошо знакомой местности.

Любой сбой, тем более продолжительный, в нормальном обеспечении личного состава (а это типичное явление для войны на коммуникациях) вызывает нарастающие негативные явления в воинских коллективах, которые в условиях недостаточной мотивации приводят к случаям неповиновения, бунтам, расправы с командирами, увлечению алкоголем и наркотиками.

Поэтому не только стремлением переложить с себя на других часть задач, но и пониманием органической неприспособленности европейца объясняется создание на определенном этапе войны войск из аборигенного населения. Эта мера, известная со времен американской войны во Вьетнаме под названием "вьетнамизация", наряду с некоторыми положительными моментами приносит в течение конфликта ряд отрицательных последствий. Она резко увеличивает военные расходы на создание и содержание дополнительной армии, осложняет решение вопросов боевого взаимодействия, разграничения боевых задач, управления войсками, достижения внезапности и скрытности (из-за усиливающейся утечки информации из штабов и войск). Как правило, морально-боевой дух коллаборационистов, вынужденных воевать с собственным народом, не позволяет использовать их на ответственных участках, особенно там, где от их стойкости зависит судьба войск вторжения. Проявления саботажа с их стороны, а также взаимное недоверие национальных формирований и иностранных экспедиционных войск часто приводят к дополнительному обострению военно-политической ситуации, дезертирству личного состава и его переходу на сторону противника (в 1964 г. из армии сайгонского режима дезертировали 73 тыс., а в 1965 г. - 113 тыс. человек¹⁰⁷), хищениям и спекуляции оружием и военным имуществом. Обычно на отдельных этапах войны в той или иной форме действует указание командования об уничтожении военного имущества при угрозе его захвата противником. В результате создаются условия для вольной трактовки степени этой опасности со стороны недобросовестных военнослужащих, охраняющих и сопровождающих грузы, которые через короткое время после мнимых нападений всплывают на местных базарах. Вот почему внешним признаком малой войны наряду с множеством калек от беспорядочного минирования является обилие товаров в теневой торговле и нехватка необходимого имущества в войсках. Разумеется, это и один из источников снабжения противника.

Говоря о неподготовленности личного состава современной армии к длительному нахождению в сельской местности и связанными с этим лишениями, следует обратить внимание на комплекс факторов, отрицательно влияющих не столько на физическое, сколько на его морально-психологи-

¹⁰⁷ Collins I. The Development and Training of the South Vietnamese Army. 1950-1972. Wash., 1975. P. 61.

ческое состояние. Сознание военнослужащих относит большинство их к категории "экзотических" и подчас наделяет чрезмерным могуществом. Это и вера в необузданную кровожадность противника, в его способность обходиться без пищи и воды, в отсутствие у него страха перед смертью и даже болевых ощущений и т.п. Слухи и свидетельства, хотя бы частично подтверждающие эти мифы, возводятся в абсолютную истину, которая приходит на смену первоначальному пренебрежению к партизану как к тупому, трусливому и грязному зверю. Оба стереотипа чаще всего сосуществуют длительное время и предопределяют резкие колебания душевного состояния и поведения - от депрессии до вспышек ярости и жестокости, вновь сменяемых отчаянием, чувством обреченности и жалости к себе.

На физически и морально неприспособленного солдата-горожанина по-особому действуют реальные опасности и обстоятельства - плохая вода, местная флора и фауна, температурный режим, не говоря уже об опасностях внезапных нападений, поражения от так называемых "нетрадиционных" средств (ловушек, "волчьих ям", самострелов, камнепадов, пожаров и т.д.). Например, французские исследователи, анализируя итоги войны в Индокитае, отмечали непригодность экспедиционного корпуса к природным и человеческим условиям ТВД, что часто оказывалось главной причиной поражения в широком смысле, несмотря на то, что личный состав имел опыт действий в Африке и других схожих регионах. Как правило, вопреки дорогостоящим профилактическим мероприятиям отмечается всплеск желудочно-кишечных и кожных заболеваний, малярии, травматизма. В частности, до 40% заболеваний у французов происходило по причине употребления плохой воды, причем нередко солдаты умышленно игнорировали предупреждения командиров и медиков¹⁰⁸. Не случайно анализ потерь американских войск в Южном Вьетнаме показал, что в боевых подразделениях сухопутных войск и морской пехоты инфекционная заболеваемость была в два-три раза выше, чем в тылу, а в ряде случаев на одного выбывшего из строя в бою приходилось два-три инфекционных больных¹⁰⁹.

На том же ТВД потери американских подразделений от "нетрадиционных" средств составляли свыше 50%. Только одно такое средство - расстановка наклонных бамбуковых шипов - вынудило обеспечить личный состав специальной обувью с защитной пластиной, так как срок лечения от ранения им до возвращения в строй длился три недели¹¹⁰. По подсчетам, только в 1-й пехотной дивизии потери личного состава от противопехотных мин-сюрпризов превысили 30%¹¹¹.

Естественно, чем чаще регулярная армия покидает места дислокации, чем больше войск отряжает для этого и чем активнее они ввязываются в бои, тем быстрее растут потери, в том числе небоевые.

¹⁰⁸ Revue Historique des Armees. 1979. № 3. P. 234-235.

¹⁰⁹ Военное искусство в локальных войнах. С. 371-372, 373.

¹¹⁰ Агрессия США в Юго-Восточной Азии. Часть 4. М., 1970. С. 126.

¹¹¹ Военное искусство в локальных войнах. С. 313.

Возрастание небоевых и боевых потерь по мере эскалации войны при невысокой среднестатистической интенсивности военных действий закономерно снижает степень эффективности использования вооруженных сил. В сочетании с высокой стоимостью современного вооружения и военной техники этот показатель дает наиболее осязаемое представление о цене такого рода конфликтов. Так, потери Франции и США в Индокитае в живой силе вполне сопоставимы с их потерями во время второй мировой войны. Например, Франция за годы конфликта потеряла 172 тыс. человек, затратив при этом 7 млрд. долларов¹¹². Американцы, по их данным, потеряли свыше 360 тыс. человек убитыми и ранеными, 9 тыс. самолетов и вертолетов, а расходы составили 146 млрд. долларов¹¹³. Много больше потеряли в людях их союзники и коллаборационисты.

Постоянное совершенствование армии, военной машины, качество функционирования которой, как отмечалось выше, оценивается по ее способности преобразовать национальное богатство в разрушительную мощь, довело это ее свойство до высших пределов. Но при этом не следует забывать, что энергия разрушения выделяется исключительно в процессе саморазрушения самой армии в ходе военных действий, из стремительного расходования предварительно накопленного. В связи с этим ее боеспособность в затяжной войне, каковыми по предназначению является большинство малых войн, зависит от применения одного из двух способов действия на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях - всемерное сбережение и строго дозированное расходование имеющегося потенциала, или максимальное задействование его большей части в сжатые сроки. И если закономерности войны стратегического и оперативного порядка дают возможность сочетать эти два способа, то для тактических действий характерно в основном применение только второго.

На практике это приводит к тому, что материальные затраты на войну резко возрастают и даже превышают нормы расходования боеприпасов, ГСМ и других средств в мировых войнах. Например, если на одного убитого во второй мировой войне расходовалось 20 тыс. патронов, то во время американской войны во Вьетнаме в среднем уже 100 тыс.¹¹⁴ Такая же динамика фиксируется при анализе среднесуточного расходования материальных средств на одного бойца. Во второй мировой войне этот показатель составлял 20 кг, а в локальных войнах современности он достиг 100 и более килограмм. При этом затраты средств для продвижения в наступлении на глубину 100 км увеличились в 10-15 раз. С 60 до 90 процентов возросла доля боеприпасов и ГСМ в общем объеме поставляемых из тыла средств.

И это закономерно, так как, например, для выведения из строя одного вьетнамского бойца только американским сухопутным войскам в отдель-

¹¹² Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость. М., 1984. С. 97.

¹¹³ Советская военная энциклопедия. М., 1975. Т. 5. С. 547.

¹¹⁴ Военное искусство в локальных войнах. С. 337, 343.

ные периоды войны приходилось расходовать до 5 тонн различных боеприпасов стоимостью 12 тыс. долларов¹¹⁵.

Вероятно, все эти расходы можно было бы оправдать при благополучном исходе войны как действительно необходимые для победы. Но на деле эскалация расходов сопровождалась неуклонным ухудшением военнополитической ситуации вплоть до момента признания собственного бессилия. Как пишет американский исследователь Р. Барнет, победа над вьетнамцами составила бы такую цену, уплатить которую Соединенные Штаты не могли¹¹⁶.

Возрастание расходных норм, то есть способность постоянной армии потребить национальный продукт (без учета рациональности и полезности его поглощения), отмечается как общее явление, характерное не только для малых войн. Однако только в них иссякание сил в огромных объемах у одного из противников происходит на фоне накопления сил другого. И когда первый из них уже подходит к пределам своих возможностей продолжать войну, второй только вступает в кульминационную фазу своего количественного и качественного роста. При этом примечательно, что и в момент победоносного завершения конфликта он даже не приближается к уровню материально-технической оснащенности регулярной армии.

Достоверных данных о людских потерях иррегулярных сил, как правило, не существует. Но если условно отделить потери вооруженных формирований от потерь гражданского населения, то в сумме они, безусловно, меньше, чем у противника. Отмечая, что если в имевших место после 1945 г. более 100 вооруженных конфликтах погибло свыше 20 млн. человек, из которых 90% составили мирные жители¹¹⁷, следует также отметить, что по своей моральной тяжести потери среди противников "дисциплинированных" армий не так чувствительны и в избытке восполнимы. Они как бы растворяются в массе всенародного сопротивления, равномерно распределены по времени и, самое главное, в конечном итоге компенсируются достижением цели борьбы.

В то же время любые потери высоко подготовленного профессионального войска, понесенные в боях с вооруженной народной стихией, в войне с неясными целями и слабой личной мотивацией, при неопределенности и малозначительности результатов, тяжело воспринимаются как воинскими коллективами, так и в целом гражданским обществом. Политическое давление на военное ведомство с ростом потерь усиливается и вынуждает его еще более форсировать боевую активность, подменяя ею эффективность.

Как известно, наибольшего результата и меньшими силами в малых войнах добивались только специализированные соединения и части регулярных армий, освобождавшиеся от принципиальных черт регулярности в своей организации, вооружении, приемах и способах действий, но и одно-

¹¹⁵ Fortune. 1968. April. P. 95.

¹¹⁶ См.: Barnett R. Roots of War. Baltimore, 1972. P. 7-9.

¹¹⁷ Обозреватель. Специальный выпуск. М., 1995. С. 336.

временно заимствовавшие многие черты и свойства иррегулярных войск. Показательно, например, что уже в 1982 г. из около 7 тыс. боевых действий, проведенных советскими войсками в Афганистане, свыше 6 тыс. составили различные засады. Засадные действия играли большую роль и на завершившихся стадиях конфликта: в 1987 г. было проведено более 7 тыс. засад¹¹⁸. Имитируя противника, регулярные войска нередко создают ложные партизанские отряды, ставя перед ними не столько истребительные задачи, сколько преследуя цель дискредитировать партизанское движение и оттолкнуть от него население.

По своей сути форсированное создание сил специального назначения, не существующих, правда, ни в одной армии в количестве, достаточном для самостоятельного ведения малых войн, является еще одним фактическим признанием непригодности для этого основополагающих принципов строительства и применения современных профессиональных армий.

Такого рода конфликты почти никогда не удавалось начинать и вести штатными группировками мирного времени, на базе регламентных предписаний. Но всегда требовалась длительная и трудно осуществляемая в нестандартной боевой обстановке импровизация на месте, значительно трансформирующая организационный облик и режим функционирования первоначальных контингентов. Примечательно, что окончание конфликта приводило к их незамедлительному "приведению в норму" (обратному трансформированию, или растворению в национальной среде с неизбежной утратой приобретенных нетрадиционных качеств).

Приходя уже на ранних стадиях к выводу о невозможности победы, командование регулярной армии имеет в виду, в первую очередь, невозможность разрешения многопланового конфликта только средствами вооруженного насилия, когда противник предстает в основном в виде неубывающих источников сопротивления, мелких, видоизменяющихся, повсеместно рассеянных отрядов, но не компактного постоянного монолита. Характерно, что мнение военных специалистов воспринимается преимущественно как попытки оправдать собственную некомпетентность и снять с себя ответственность за недостаточную боеспособность войск и неразумное расквартирование средств налогоплательщиков. Когда военная целесообразность в условиях политического прессинга и цейтнота уступает место конъюнктурным соображениям, армии всех государств, вовлеченных в малые войны, вынуждены были отречься от уже в значительной мере познанной логики и накопленного опыта этого необычного противоборства и вновь прибегать к "правильным" действиям. Чаще всего это выливается в возврат к традиционному массированию сил и средств, в стремление решить исход войны последним чрезвычайным усилием, вплоть до обращения к возможности применения ядерного оружия.

¹¹⁸ Ляховский А. Трагедия и доблесть Афганистана. М., 1995. С. 356.

Реалистично и масштабно мыслящие военные и гражданские аналитики усматривают в опыте малых войн и неэффективного участия в них современных армий главное - неадекватность нынешнего состояния вооруженных сил европейского типа разнообразию и характеру военных угроз, вызывающую сомнение их способность соответствовать небывало высоким требованиям к обеспечению национальной безопасности не только способами устрашения потенциального агрессора оружием массового поражения. Например, генерал Б.В.Громов отмечает, что уже через несколько дней после начала войны в Афганистане выяснилось - все выработанное советской военной наукой и записанное в боевых уставах годится только для западного направления и европейского театра военных действий¹¹⁹.

Другие смотрят еще дальше и видят деформирующую все бытовавшие до сегодняшнего дня представления о способах ведения войны, роль оружия массового поражения как средства, способного свести на нет любые предварительные накопления военного потенциала и исключаяющего упорядоченное (в частности, в форме организованных сосредоточений войск под централизованным управлением) применение армий. В их представлении, чтобы оборонные приготовления не утратили окончательно свой смысл, следует или уничтожить все виды оружия массового поражения, или создавать альтернативную теорию ведения войн, или заимствовать опыт сопротивления народов в малых войнах. Как писал в 1979 г. французский журнал "Национальная оборона", лучшее средство сдерживания агрессии - китайская народная война¹²⁰. Много раньше, задолго до того, как его могучая страна будет повержена во Вьетнаме, один из представителей администрации президента США заметил: "Ирония ядерного века заключается в том, что самым эффективным современным оружием является партизанская война"¹²¹. Судя по тому, как государственному реформированию и адаптивному к условиям их ведения подверглись национальные вооруженные силы, насколько явственно при этом политическое и военное руководство страны опасается встретить массовое и затяжное иррегулярное сопротивление в конфликтах с участием собственных регулярных войск, этот вывод не просто броская фраза, а воспринятая общественным сознанием прагматичная оценка исключительных возможностей данного способа ведения войны и боевых действий.

Значительно продвинулись в том же направлении и ведущие европейские страны-члены НАТО, которые, пройдя этапы практического и теоретического познания технологии иррегулярного сопротивления, пытаются использовать сильные стороны этого метода ведения войны при планировании и организации военных действий на Европейском ТВД. Согласно расчетам экспертов, силы специальных операций могут и должны взять на себя на первом этапе начального периода войны задачи экипировки, подго-

товки и руководства значительной (многотысячной) армии иррегулярных войск и в дальнейшем развернуть массовое вооруженное сопротивление. Для этого предусматривается вовлечение местного населения в вооруженную борьбу во всех известных партизанскому движению формах - от самостоятельных иррегулярных действий до скоординированных операций иррегулярных сил совместно со штатными войсковыми формированиями национальной армии страны.

С этой целью уже сегодня создаются операционные базы, запасы материально-технических средств в отдаленных, труднодоступных и малонаселенных районах и даже на территории соседних государств¹¹².

Более того, в настоящее время разведывательно-диверсионная концепция с опорой на штатные силы специальных операций и широким привлечением агентуры, развертыванием повстанческого и партизанского движения приобретает в странах НАТО значение основы перспективной политики оборонного строительства.

И если партизаны, как было показано, давно и успешно эксплуатируют изобретенный ими "паразитарный" метод ведения войны, питаясь энергетикой регулярных армий, то и зарубежные регулярные армии в последнее время масштабно и полезно утилизируют сильные стороны иррегулярности в ходе повсеместно идущей динамичной военной реформы.

¹¹⁹ Громов Б.В. Указ. соч. С. 123.

¹²⁰ Revue de defense nationale. 1979. № 12. Р. 143.

¹²¹ За рубежом. 1961. 13 мая.

¹²² Зарубежное военное обозрение. 1966. № 8. С. 10-12.

Глава III

ИЗУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ПРОТИВОПОВСТАНЧЕСКОЙ И ПРОТИВОПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ПРИМЕНЕНИИ РЕГУЛЯРНЫХ ВОЙСК

1. Эволюция взглядов на противоповстанческую и противопартизанскую борьбу, формы и способы ее ведения.

О противоповстанческой и противопартизанской борьбе писали еще в предыдущих столетиях, поэтому считать ее абсолютно новым явлением военного искусства XX в. нельзя. В разное время взгляды на формы и способы ее ведения освещались в рамках теорий "малых войн", "локальных войн", "конфликтов третьего мира", "конфликтов низкой интенсивности" и так далее.

На протяжении длительного времени противоповстанческая борьба рассматривается в качестве одной из форм воздействия на процессы регионального и даже мирового развития в целом. И если сам этот взгляд остается довольно устойчивым, то воззрения на роль и место вооруженных сил (внутренних войск) в подобного рода конфликтах, а также на характер военного насилия с течением времени менялись.

Современные положения по формам и способам ведения противоповстанческой борьбы впервые нашли практическое отражение в 1911 г. в наставлении сухопутных войск США, в котором регламентировалось ведение "боевых действий против иррегулярных сил" в ходе "второстепенных боевых действий"¹²³.

¹²³ U.S. Low-intensity conflict doctrine. Parameters Journal of the U S Army Wai College. Vol. XV. Autumn 1985. № 3. P. 41. (Далее - U.S. Low-intensity conflict).

Под иррегулярными силами подразумевались повстанческие (партизанские) движения, которые могли вести так называемые "беспокоящие действия". Против них считалось необходимым проводить силами нескольких подразделений "энергичные мероприятия наступательного характера, аналогичные кавалерийским рейдам"¹²⁴.

В период с 1898 г. по 1928 г. США провели около 30 интервенций в страны карибского бассейна, в том числе под предлогом положить конец "беспорядкам и восстаниям", где они часто действовали подобным образом¹²⁵.

Практически до начала второй половины текущего столетия военное командование основных западных стран уделяло мало внимания теоретическим исследованиям вопросов ведения противоповстанческой борьбы. Лишь в 1940 г. для морской пехоты США был разработан устав под названием "Малые войны", в котором достаточно подробно анализировались способы ее ведения. В уставе, в частности, подчеркивалось, что не всегда "главная цель должна заключаться в разгроме повстанческих движений; надо создавать выгодные условия для ведения переговоров с позиции силы или же приводить к власти в стране удобное Соединенным Штатам правительство"¹²⁶.

После окончания второй мировой войны Соединенные Штаты еще не располагали детально разработанной стратегией, предусматривающей использование вооруженных сил на разных уровнях и в различных кризисных ситуациях. Только в 1950 г. специально подготовленный доклад "СНБ-68", утвержденный советом национальной безопасности, предлагал развернуть широкую программу военных приготовлений, рассчитанных как на ведение войн различных типов, так и на использование силы для давления на своих противников. Авторами доклада была предпринята попытка сформулировать концепцию противоповстанческой борьбы в рамках теории "малых войн" при активном участии видного американского деятеля Дж. Кеннана, который призывал немедленно начать широкую подготовку к "ограниченным войнам с использованием неядерных сил"¹²⁷.

Доклад "СНБ-68" послужил концептуальной основой для развертывания вооруженных сил США и существенного расширения противоповстанческой борьбы во время войны в Корее 1950-1953 гг.

Первые фундаментальные исследования вопросов ведения противоповстанческих действий в послевоенный период были проведены в Центре обучения пехоты сухопутных войск США и опубликованы в виде проекта устава за месяц до начала войны в Корее. В этом проекте были сформулированы три главные задачи, решение которых позволило бы, по мнению американского командования, нанести поражение любому противнику. Они заключались: в изоляции повстанцев от гражданского населения, в воспрепятствовании их поддержке извне и, наконец, в непосредственном уничто-

¹²⁴ Ibidem. P. 42.

¹²⁵ Короткое Г.И. Американский милитаризм в войнах. М., 1973. С. 88.

¹²⁶ U.S. Low-intensity conflict. P. 43.

¹²⁷ Air University Review. March-April 1986. P. 13.

жении повстанческого движения. Проект устава предполагал наличие || районе конфликта американской военной администрации и участие в операциях американских войск¹²⁸. Доработанный с небольшими изменениями устав был введен в действие в феврале 1951 г.

В 50-х годах США, Франция и Великобритания все активнее вмешиваются в дела развивающихся стран. Это вмешательство представляло собой набор разноплановых акций - от свержения национальных правительств (Иран, Гватемала, Пакистан, Таиланд) до создания системы военных блоков и проведения вооруженных интервенций. Здесь необходимо учитывать то, что взгляды ведущих западных стран на войны и противоповстанческую борьбу в результате доминирующего положения США в послевоенном западном мире формулировались под сильным американским влиянием и в ряде случаев до сих пор несут на себе отпечаток американизма.

Подобная практика способствовала появлению резолюции Организации американских государств о "коммунистической агрессии в Америке" (1954 г.), "доктрины Эйзенхауэра" (1957 г.) и "доктрины Даллеса" (1958 г.). Соединенные Штаты объявили целые районы развивающегося мира - Латинскую Америку, Ближний и Средний Восток, Юго-Восточную Азию и Дальний Восток - зоной "жизненно важных" интересов США, а выступление освободительных (повстанческих) сил - типичной "агрессией". Эта политика породила такие взрывоопасные ситуации, как индокитайский и тайваньский кризисы 1954 г., вторжение США в Ливан в 1958 г., конголезский кризис 1960-1961 гг., крупнейший кубинский кризис 1962 г. и многие другие.

С 1961 г. начался период, связанный с формированием и утверждением стратегии "гибкого реагирования", в которой была признана возможность ведения ограниченных (малых) войн на периферии. Президент США с Кеннеди заявил в своей речи в сенате 14 июня 1960 г.: "Мы должны восстановить способность эффективно и быстро вмешиваться в любую ограниченную войну в любом районе мира, увеличивая, модернизируя обычные вооруженные силы и вооружение сухопутных войск и морской пехоты, обеспечивая им повышенную подвижность и гибкость"¹²⁹.

В 1962 г. в американских военных изданиях впервые появилось такое понятие как "спектр конфликта", под которым понималось ведение холодной, ограниченной (малой) и всеобщей войн¹³⁰. Определение "ограниченной войны" включало так называемые "особые инциденты" или иными словами "кратковременные столкновения или другие военные акции общен временного характера без затяжных боевых действий".

Данные термины не претерпели серьезных смысловых изменений и в последующих официальных изданиях министерства обороны США¹³¹.

¹²⁸ U.S. Low-intensity conflict. P. 43.

¹²⁹ Kennedy J. The Strategy of Peace. N.Y., 1960. P. V.

¹³⁰ JCS Pub 1. Dictionary of United States Military Terms for Joint Usage. February 1962. P. 198.

¹³¹ Joint Pub 1-02. Department of Defense Dictionary of Military and Associate Terms. 1 December 1989. P. 71, 156-157, 176, 209, 340.

Малые войны и военные конфликты отныне интерпретировались как альтернатива и в известной мере дополнение к такой форме вооруженного усилия, как всеобщая ядерная война. Под противоповстанческими действиями, наиболее характерными для малых войн, теперь понимались "военные, полувойенные, политические, экономические, психологические и гражданские мероприятия, осуществляемые правительством, чтобы нанести поражение повстанческим силам"¹³².

Части и подразделения в противоповстанческих действиях предполагалось использовать либо для ведения боевых или полицейских операций, либо для боевого и тылового обеспечения боевых действий сил местных режимов. Одновременно Соединенные Штаты активизировали свою деятельность в освобождающихся и развивающихся странах по превращению национальных вооруженных сил в соответствии с концепцией "внутренней обороны" в инструмент силовой политики западных государств.

При этом военно-политическое руководство США понимало, что в освободившихся государствах, обостренно воспринимающих любое иностранное присутствие, прямое военное вмешательство США, особенно в крупных масштабах, вызовет негативные последствия. Предпочтение было отдано гибкому и малозаметному военному вмешательству в рамках концепции "противоповстанческих действий", в соответствии с которой специальные контингенты американских вооруженных сил предполагалось использовать в Азии, Африке и Латинской Америке в кризисных ситуациях в ограниченных масштабах и на ограниченный срок.

В полевом уставе сухопутных войск США FM 100-5 1963 г. по-прежнему утверждалось, что американские войска являются главной противостоящей повстанцам силой. Вместе с тем все большее значение стало придаваться вооруженным силам страны пребывания. К ранее установленным задачам противоповстанческой борьбы добавились ведение непрерывной разведки к предоставлению экономической помощи. В целом же, по оценке американских военных специалистов, "эра противоповстанческой войны" Кеннеди не внесла революционных изменений в американскую военную теорию.

В 1967 г., в середине вьетнамской войны, взгляды американского командования на ведение противоповстанческой войны стали коренным образом меняться. Еще в 1964 г. сухопутные войска США были призваны играть в ней «главную военную роль»¹³³. Однако три года спустя с учетом полученного боевого опыта в Юго-Восточной Азии им стала отводиться только "главная роль" в противоповстанческих операциях¹³⁴. Теперь основная тяжесть ведения боевых действий падала на вооруженные силы местных режимов. Сухопутным войскам США вменялись вспомогательные функции, а их отдельным представителям - обязанности советников и инструкторов.

¹³² Military Review. August 1986. P. 89.

¹³³ U.S. Low-intensity conflict. P. 44.

¹³⁴ Ibidem. P. 44.

В 1969 г. была провозглашена "гуамская доктрина" или "доктрина Никсона", в которой говорилось, что местные правительства (режимы) несут главную ответственность за обеспеченность своих вооруженных сил личным составом для борьбы с повстанческими движениями. Это положение было отражено в уставе сухопутных войск США 1972 г. Участие американских вооруженных сил в подобного рода конфликтах должно было находиться на минимально допустимом уровне, т.е., образно говоря, они должны были "держаться в тени"¹³⁵. Если ранее изданные полевые уставы четко определяли роль и задачи сухопутных войск в противоповстанческих операциях, то уставы 1972 и 1974 гг. больше освещали задачи и функции других американских правительственных органов.

Опыт войны во Вьетнаме показал, что американская концепция противоповстанческих действий не оправдала возлагавшихся на нее правящими кругами США надежд. Главная ошибка заключалась в том, что в основе концепции лежал вывод о необходимости твердого контроля со стороны США за ходом политических процессов в поддерживаемых ими странах. Такой подход порождал еще большую нестабильность вследствие того, что социальные процессы не всегда можно подчинить военной силе да ещё привнесенной извне.

С выдвижением на рубеже 80-х годов правящими кругами США стратегии "прямого противоборства", получила дальнейшее развитие теория обычных войн. Были выделены три вида обычных войн: всеобщая обычная, обычная на театре войны и обычная на театре военных действий (ТВД) или в ограниченном районе ТВД. Кроме того, предусматривалось участие вооруженных сил США в гражданских войнах (по американской терминологии - во внутренних конфликтах) в различных странах мира. Внутренние конфликты согласно новой классификации предполагал "противоповстанческие действия", "борьбу с терроризмом" и "организацию вооруженной борьбы против стран, проводящих антиамериканский курс".

Одновременно в США стала использоваться классификация войн по степени интенсивности военных действий. Критерий интенсивности рассматривался как комплексная характеристика военных действий, включая и пространственный размах и временные рамки, численность группировок и качественные характеристики применяемого оружия, уровень предполагаемых потерь и темпы решения поставленных задач.

Военные действия с применением обычных средств поражения были отнесены к конфликтам средней и низкой интенсивности. Конфликты низкой интенсивности (КНИ), согласно американским взглядам, представляют собой особую форму военно-политической борьбы в каком-либо одном (и нескольких) географическом районе с ограниченным применением военной силы или посредством оказания различных видов помощи без использования

вооруженных сил¹³⁶. в соответствии с вновь разработанной классификацией к конфликтам низкой интенсивности стали относить обычную войну на ТВД или в ограниченном районе ТВД и участие во внутреннем конфликте.

Военная сторона концепции "конфликтов низкой интенсивности" проявлялась в ходе вооруженных интервенций США против Панамы, Гренады, Ливии, тайных операций Соединенных Штатов против Афганистана, Никарагуа, Анголы, Кампучии.

В 80-е годы американская военная теория расширила спектр вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств. В связи с этим была разработана концепция терроризма, которая впоследствии была дополнена характеристикой его связей с государственной властью в своей или другой стране. Были введены понятия терроризма, контролируемого государством, поддерживаемого государством, и независимого, негосударственного.

В середине 80-х годов к конфликтам низкой интенсивности в американских военных кругах стали относить: войны на ТВД или в ограниченных районах ТВД, а также так называемые "неконвенциональные" военные действия, в которые были включены гражданские войны в различных странах мира, противоповстанческие и противопартизанские действия, борьба с терроризмом.

В рамках концепции "конфликтов низкой интенсивности" была продолжена разработка американскими военными теоретиками вопросов возможных ступеней эскалации этих конфликтов и участия в них вооруженных сил США.

Согласно уставу FM 100-20 1981 г. все конфликты низкой интенсивности подразделялись на два типа, различаемые по степени непосредственного участия вооруженных сил США. В конфликтах типа "А" предусматривалось использование американских войск для ведения боевых операций против повстанческих сил, в конфликтах типа "В" участие вооруженных сил США ограничивалось боевым и тыловым обеспечением операций войск местных союзников, обучением личного состава и другими видами военной помощи. К середине 80-х годов в американской военной теории была признана необходимость определения конфликтов низкой интенсивности на основе более широкого набора критериев, включая пространственный размах, число участвующих сторон, степень использования регулярных вооруженных сил, применяемые формы и способы боевых действий и др. Анализ официальных документов, изданных министерством обороны США в 1986-1987 гг. позволяет установить, что весь спектр конфликтов низкой интенсивности подразделяется на три уровня.

Низший уровень КНИ представляет собой внутривнутриполитический конфликт в одной из развивающихся стран, включающий элементы вооружен-

¹³⁵ Ibidem

¹³⁶ FM 100-20. Low-intensity conflict. 1981. P. 14.

него противоборства и затрагивающий безопасность существующего режима.

Для его сохранения военным ведомством США совместно с разведкой и внешнеполитическими ведомствами реализуются программы военной помощи, включающие поставку оружия и военной техники, подготовку обучение местного личного состава, а в тех случаях, когда конфликт затрагивает страну антиамериканской ориентации - финансируется и организуется деятельность антиправительственных формирований.

Иностранные военные советники и инструкторы принимают непосредственное участие в планировании и проведении боевых операций, отдельные подразделения части вооруженных сил США привлекаются для осуществления тылового а в ряде случаев - боевого обеспечения операций.

Подразделения сил специальных операций ведут разведывательную деятельность, организуют террористические акции, проводят психологические операции.

Средний уровень КНИ представляет собой внутренний вооруженный конфликт в одной из развивающихся стран, непосредственно затрагивающий соседние государства и оказывающий серьезное воздействие на военно-политическую обстановку в регионе. В таких конфликтах вооруженные силы западных государств осуществляют всестороннее боевое и тыловое - обеспечение операций войск прозападных режимов и/или антиправительственных формирований. Соединения и части ВВС и ВМС США привлекаются для поддержки проводимых операций с воздуха, изоляции районов боевых действий, установления блокады и решения других задач. Могут задействоваться также подразделения и части сухопутных войск и морской пехоты для обеспечения безопасности военных баз, установления контроля над ключевыми районами, проведения отдельных карательных операций.

Высший уровень КНИ включает межгосударственные вооруженные конфликты и локальные войны, которые могут существенно влиять на обстановку и соотношение военно-политических сил в отдельных регионах. В связи с этим американское военное командование предполагает использовать в конфликтах высшего уровня "легкие" соединения сухопутных войск, а также части тактической авиации и морской пехоты, дислоцирующиеся в основном на континентальной части США и имеющие в настоящее время "двойное" предназначение, без мобилизационного развертывания вооруженных сил и отвлечения стратегических резервов, предназначенных в первую очередь для усиления группировки вооруженных сил на основных театрах войны.

Характер и виды конфликтов низкой интенсивности определяют принципы их ведения:

для достижения поставленных целей в любом конфликте низкой интенсивности должны комплексно использоваться экономические, политические

ские, идеологические и военные средства. Неотъемлемым элементом являются психологические операции, проводимые с целью создания благоприятного для Запада общественного мнения, обработки населения в затронутой конфликтом стране, дискредитации повстанческого движения, дезинформации противника;

основную роль в боевых действиях в ходе конфликтов низкой интенсивности, в особенности низшего и среднего уровня, должны играть войска местных союзников, а также антиправительственные группировки и формирования, финансируемые и организуемые Западом;

вооруженные силы США должны обладать способностью к развертыванию в сжатые сроки ударных группировок на отдаленных и слабо оборудованных ТВД и успешному проведению операций в конфликтах низкой интенсивности любого уровня;

стратегическая мобильность вооруженных сил США должна обеспечивать возможность ведения нескольких конфликтов низкой интенсивности любого уровня и различных районах одновременно. В связи с этим предусматривалось не только наращивание сил и средств стратегических перебросок, но также модернизация ряда элементов глобальной системы управления, связи и разведки, совершенствование базовой инфраструктуры на заграничных ТВД, развитие системы заблаговременного складирования.

Таким образом, концепция "конфликтов низкой интенсивности" в 80-х годах стала важным самостоятельным направлением в военной стратегии США. Эта концепция носила ярко выраженный наступательный характер и обеспечивала реализацию целевых установок "доктрины неоглобализма" в теории и практике строительства и использования американских вооруженных сил. Последнее имело решающее значение в определении места и роли конфликтов низкой интенсивности в общей системе взглядов военно-политического руководства США на войны и военные конфликты. Конфликты низкой интенсивности рассматривались не как второстепенный или обособленный вид боевых действий, а как важная составная часть официальной военной стратегии, как наиболее целесообразная для США в то время форма вмешательства во внутренние дела развивающихся стран.

Важно отметить еще один существенный момент. Американская стратегия выдвинула концепцию "конфликтов низкой интенсивности" лишь тогда, когда использование ядерного оружия стало бессмысленным, а обеспечение равновесия обычных сил превращается в дорогостоящее противостояние. Поэтому был сделан вывод о безопасности любого краткосрочного силового воздействия. Несмотря на стремление к разнообразию применяемых сил и средств, сердцевина всех действий оставалась неизменной - прямое или косвенное вооруженное насилие.

С подведением такого теоретического обоснования концепция КНИ была возведена в ранг одного из основных положений западной военной

стратегии в 80-е годы, определявшей состав, оргштатную структуру, вооружение и подготовку соединений и частей вооруженных сил для действий в странах третьего мира.

В начале 90-х годов произошло дальнейшее развитие зарубежной военно-теоретической мысли в области войн и противоповстанческих операций. В сентябре 1993 г. был опубликован доклад министра обороны США "Всеобъемлющий анализ: вооруженные силы для новой эпохи". В том же году в новой редакции был опубликован основной полевой устав сухопутных войск США FM 100-5 "Операции". Увидел свет ряд других наставлений и аналитических материалов, затрагивающих практически все аспекты деятельности американских вооруженных сил.

Необходимость пересмотра многих концептуальных установок, на которые опирались в своей деятельности американские вооруженные силы объяснялась военно-политическим руководством США тем, что "эпохальные события последнего времени фактически сделали действующую до последнего времени и разработанную еще в период "холодной войны" политику Соединенных Штатов в сфере безопасности не соответствующей потребностям будущего". В этой связи исходными моментами для кардинального пересмотра направлений планирования деятельности американских ВС были выбраны реальные и потенциальные угрозы интересам национальной безопасности США. В упомянутом докладе американского министра обороны к ним, в частности, относятся: угрозы более мели (часто внутри страны) конфликтов, а также обусловленные поощряемым некоторыми государствами терроризмом...

Основным инструментом противодействия этим угрозам считаются вооруженные силы (в ряде стран структуры, аналогичные внутренним войскам). Разработчики новой редакции полевого устава FM 100-5 руководствовались фактором приемственности, развития всего того ценного, что было наработано в предыдущей редакции документа 1986 г.

В период после "холодной войны", отличающийся повышенным уровнем нестабильности, возросшей вероятности возникновения кризисных ситуаций, чреватых перерастанием в военные конфликты, устав преднамеренно ориентирует американскую армию на подготовку и ведение военных действий не в условиях ядерного противоборства, а во всем диапазоне ситуаций - от крупных региональных конфликтов до конфликтов низкой интенсивности, которые включают в себя практически любое задействование войск (от участия в ликвидации последствий стихийных бедствий и миротворческих миссий до операций типа оккупации Панамы или Гренады. При этом в аналитических документах ВС США подчеркивается, что Соединенные Штаты должны развернуть силы, достаточные для сражения победы в двух почти одновременно начавшихся крупных региональных конфликтах с применением обычного оружия.

Следует отметить, что под предлогом нечеткости границ между конфликтами высокой и средней интенсивности, малой вероятности их возникновения (по сравнению с конфликтами низкой интенсивности) в руководящих документах американских сухопутных войск начала 90-х годов таким конфликтам почти не уделяется внимания.

Более того, в американской военно-теоретической мысли появилась тенденция к отказу от имевшейся классификации войн и военных действий.

Прежнюю доктрину сухопутных войск сменила новая, получившая наименование "всеобъемлющие операции" или "действия во всех сферах". Это означает задействование всех сил и средств, приемлемых для выполнения определенной задачи (решительно и любой ценой), как в полномасштабных (стандартных) операциях в войне, так и операциях, не достигающих масштабов большой войны. В появившихся уставах и наставлениях "нестандартные действия" получили название "действий, не достигающих масштабов войны".

Исходя из возможного характера наиболее вероятных военных конфликтов, американское командование детально разработало положения об участии вооруженных сил в следующих операциях:

"Действия по поддержанию мира" - определяются как операции военного характера, проводимые в целях обеспечения и поддержки дипломатических усилий по "достижению, восстановлению и поддержанию мира в каком-либо районе конфликта". Контингент войск в этом случае может включать подразделения из состава "легких" дивизий, подразделения морской пехоты и военной полиции. Примером подобных действий являлось участие Соединенных Штатов в составе "многонациональных сил" в операциях на территории Египта и Сомали.

"Действия в чрезвычайных условиях мирного времени" - по мнению американских специалистов, представляют собой "военные операции, вызывающие острую политическую реакцию в мире, которые характеризуются быстрым и гибким применением ВС в условиях, отличных от ведения обычной войны". Эти действия включают ведение разведки, нанесение различного рода ударов, проведение операций по спасению заложников и вывозу (эвакуации) техники, демонстрацию силы. Вследствие большого числа разнообразных задач считается, что для их решения наиболее эффективным будет применение частей и подразделений от всех видов вооруженных сил.

"Операции по ведению разведки" ведутся всеми ее органами. В ряде случаев для сбора разведывательных данных предусматривается использование сил специальных операций. Кроме того, большое внимание уделяется совершенствованию методов сбора и обработки информации, активизации разведывательных мероприятий, расширение масштабов и количества скрытых подрывных операций с целью оказания влияния на развитие политических событий за рубежом, в том числе в развивающихся странах.

"Нанесение различного рода ударов" представляет собой непродолжительное по времени использование вооруженных сил против какой-либо страны для решения задач, не связанных с овладением ее территорией. После выполнения поставленной задачи задействованные силы и средства быстро возвращаются в места дислокации и базирования. Удары наносятся с целью ослабления военного потенциала вероятного противника, ликвидации политического руководства или в качестве меры "возмездия". Примерами подобных действий ограниченного масштаба могут служить бомбардировка израильскими самолетами штаб-квартиры ООП в Тунисе и нападение США на Ливию в 1986 г. Эти операции обычно проводятся силами и средствами ВВС и ВМС.

В случае необходимости использования наземных сил задействуются подразделения "рейнджеры", группы специального назначения сухопутных войск и ВМС, так как именно они в наилучшей степени подготовлены для проведения специальных операций на территориях иностранных государств.

Операция "Внезапная ярость" по захвату Гренады явилась примером широкомасштабных действий подобного рода. Такие операции требуют привлечения частей и подразделений от всех видов вооруженных сил. В ходе подготовки операции к берегам Гренады были подтянуты авианосная многоцелевая группа, включавшая многоцелевой авианосец "Индепендес", и амфибийная группа с вертолетоносителем "Гуам". Подразделения сил специальных операций обеспечили захват аэродромов и других важных политических и военных объектов. Следующим шагом явилась быстрая переброска по воздуху наземных сил из состава "легких" дивизий и проведение морской десантной операции силами экспедиционной бригады морской пехоты для установления контроля над всей территорией острова.

В операциях подобного типа на начальном этапе предусматривается использование сил специальных операций и легких пехотных частей. В зависимости от развития обстановки могут быть привлечены моторизованные и аэромобильные силы, а также морская пехота с подразделениями боевого и тылового обеспечения. В последующем найдут широкое применение подразделения гражданской администрации и психологической войны.

"Операции по спасению (захвату) заложников и вывозу (эвакуации) техники" могут быть явными или тайными и проводиться в условиях противодействия со стороны вооруженных сил противника. Особую роль здесь приобретают быстрота действий и внезапность. Успешное завершение операций подобного типа зависит от своевременного получения разведывательных данных, тщательной подготовки и профессионального исполнения. Наиболее подготовленными для решения этих задач считаются силы специальных операций.

Другой разновидностью "действий в чрезвычайных условиях мирного времени" являются демонстрации силы, направленные в ряде случаев для оказания давления как на потенциальных противников, так и на дружественные страны. Как правило, для этих целей привлекаются силы флота и морской пехоты. Однако для быстрого реагирования на различные ситуации считается целесообразным наряду с военно-морскими силами использовать воздушно-десантные и "легкие" пехотные части и подразделения. Действия против терроризма" включают антитеррористические и противотеррористические операции. Несмотря на схожесть этих терминов, в них вкладывается различное содержание. Американское командование под антитерроризмом понимает проведение операций оборонительного характера, направленных на уменьшение уязвимости своих вооруженных сил от нападений террористов. В них участвуют все части и подразделения вооруженных сил США, которые, по оценкам американского командования, могут стать объектами террористических акций. Противотеррористические действия представляют собой мероприятия активного, наступательного характера, против организаций, движений и отдельных государств, относимых Соединенными Штатами к категориям террористических.

В качестве "ответных" или "превентивных" мер предлагается использовать подразделения ВВС, ВМС, силы быстрого развертывания и специальных операций.

"Помощь иностранным государствам в интересах их внутренней безопасности и развития (противоповстанческие акции)" рассматривается как "действия, предпринимаемые гражданскими и военными органами правительства одной страны, в соответствии с программой, одобренной правительством другой страны, в целях предотвращения появления или уничтожения повстанческого движения". Это положение является дальнейшим развитием концепции "противоповстанческих операций". Оно подразумевает, что для борьбы с повстанческим движением наряду с чисто военными действиями проводятся мероприятия политического и экономического характера. Западные специалисты считают, что повстанческая деятельность по интенсивности действий подразделяется на три этапа, между которыми нет четко различных границ.

На первом этапе "скрытой и зарождающейся повстанческой борьбы" боевые части западных стран не рассматриваются в качестве эффективного средства ее подавления. Вместо них широко используются различного рода специалисты, советники, подразделения обеспечения для оказания содействия в "стабилизации внутривнутриполитического положения". Эта деятельность попадает под категорию "помощь в обеспечении безопасности", включающую также более активную политическую и военную поддержку Местного режима.

Второй этап повстанческой борьбы - "партизанская война" - начинается после создания повстанцами сильной организации и консолидации своего

положения в стране. На этом этапе западные страны начинают более целенаправленно использовать инструкторов и советников из состава сил специальных операций. Если войска прозападного режима не в состоянии собственными силами справиться с партизанским движением, то в этом случае предусматривается переход к применению "легких" пехотных частей и подразделений.

Задача этих сил будет заключаться в изоляции партизанских отрядов от их баз снабжения, уничтожения этих баз и в конечном итоге в рассеивании повстанцев. При окружении партизанских формирований для их уничтожения будут использоваться тактическая и армейская авиация. Используемый контингент войск не должен будет допустить "вмешательства извне"; он будет способствовать разрешению кризисной ситуации на выгодных для западных стран условиях.

Если повстанческая борьба приобретает большой размах, она переходит в третий этап - "маневренную войну". На этом этапе повстанцы ведут бои с регулярными правительственными войсками с целью овладения важными географическими, политическими и военными объектами и свержения правительства. Участие западных стран может заключаться в использовании значительного контингента войск, состоящего из "легких" пехотных, воздушно-десантных, аэромобильных, моторизованных или танковых частей и подразделений. В ходе эскалации конфликта возможен перенос военных действий на территорию соседних стран и расширения состава противоборствующих сторон.

Проведенный анализ показывает, что для каждого вида операций планируется выделение соответствующего контингента войск (Табл. 1).

Таким образом, из приведенных примеров видно, что вооруженные силы решают в них самые разнообразные по характеру задачи. Масштабы проводимых операций зависят, в первую очередь, от уровня конфликта. В соответствии с решаемыми задачами планируется использование сил и средств от всех видов вооруженных сил, однако наиболее широкое применение находят силы специальных операций, а также части и подразделения, обладающие способностью к быстрому развертыванию и внезапным действиям. В последнее время, как правило, проводятся многосторонние военные акции с целью создания благоприятного мирового общественного мнения.

В начале 90-х годов в США впервые был разработан специальный полевой устав FM 100-23, посвященный "миротворческим операциям", в котором содержится всеобъемлющий анализ практически всех аспектов, связанных с подобными родами действий. Военно-политическое руководство США считает, что в условиях усилившейся нестабильности в различных регионах мира вероятность военного вмешательства их страны в события, не достигающих масштабов войны, будет возрастать. Новым является то, что США намерены увязывать его с военными операциями ООН, других

Таблица 1

Возможный состав регулярных вооруженных сил в операциях, не достигающих масштабов большой войны

Характер возможных действий	Состав сил
"Действия по поддержанию мира"	Подразделения из состава "легких" дивизий, подразделения морской пехоты и военной полиции
"Действия в чрезвычайных условиях мирного времени"	Органы военной разведки, другие специальные органы, силы специальных операций Силы и средства ВВС и ВМС, силы специальных операций;
"Ведение разведки"	подразделения "рейнджера", специального назначения
"Нанесение различного рода ударов ограниченного характера"	Ранее задействованные силы, а также части и подразделения из состава СБР, подразделения боевого и тылового обеспечения Силы специальных операций: подразделения "рейнджера", специального назначения Силы ВМС и морской пехоты, части, подразделения из состава влд, лпд Все части ВС США Силы быстрого развертывания и специальных операций Подразделения инженерного, медицинского, тылового обеспечения, связи, гражданской администрации, психологической войны, военной разведки Ранее задействованные силы, инструкторы и советники из состава сил СО, "легкие" пехотные части и подразделения, тактическая и армейская авиация Все ранее задействованные силы, а также контингент СБР (из состава лпд, влд, мтд, мд) Силы быстрого развертывания союзников по НАТО, многонациональные силы под флагом ООН
"Демонстрация силы"	
"Действия против терроризма"	
Антитерроризм, Контртерроризм	
"Помощь иностранным государствам в интересах их внутренней безопасности и развития/противоповстанческие акции"	
Первый этап: скрытая и зарождающаяся повстанческая борьба	
Второй этап: партизанская война	
третий этап: маневренная война	
«Оказание помощи Дружественному Режиму»	

международных организаций (прежде всего НАТО, а также ЗЕС и ОБСЕ). При этом предполагается участие США в данных операциях и на многонациональной основе (Табл. 1).

Ряд миротворческих операций недавнего прошлого носит элемент наступательности и даже агрессивности. Что, собственно, и было продемонстрировано американцами в миротворческих операциях в Ираке, Кувейте и Сомали. К этому постоянно склоняются США, участвуя в разрешении кризиса в бывшей Югославии.

Небоевое участие в миротворческих операциях включает в себя такие аспекты, как приобретение навыков в установлении буферных зон, контроль за прекращением огня и перемирием, охрана границ, разминирование и т.п.

Боевое участие осуществляется путем проведения насильственных акций, разоружением враждующих сторон, восстановлением территориальной целостности, прокладкой безопасных маршрутов и др. И если в первом случае предполагается использовать легкое стрелковое оружие в целях самообороны, то боевое участие предусматривает применение и тяжелого оружия.

На практике обстоятельства часто могут складываться так, что уже в ходе миротворческих операций придется переходить от небоевых действий к боевым, и наоборот. В качестве примера можно привести акцию в Сомали, когда операция, начавшаяся с оказания гуманитарной помощи населению, переросла по сути в вооруженные столкновения с местными отрядами сопротивления.

Считается, что силы специальных операций, учитывая их высокую выучку, мобильность, языковую подготовку, ориентацию на конкретный регион мира, в наибольшей степени подготовлены для акций такого рода. Их рекомендуется использовать для проведения подобных операций на начальном этапе с последующей передачей их функций другим частям и подразделениям, а также оказания содействия в подготовке личного состава армейских формирований к выполнению миротворческих задач.

В упомянутом докладе министра обороны США в разделе о пересмотре структуры вооруженных сил делается заключение о возможности привлечения к миротворческим операциям весьма значительной военной силы: воздушно-десантной и легкой пехотной дивизий, экспедиционной бригады морской пехоты, 1-2 авианосных ударных групп, 1-2 смешанных авиакрыльев ВВС, подразделений сил специальных операций и тылового обеспечения. Всего же численность миротворческого контингента ВС США, по мнению американских экспертов, может составить до 50 тыс. военнослужащих. Такая численность позволяет предположить, что данный контингент войск одновременно будет являться частью сил, которые планируется использовать в случае последовательного перерастания миротворческих операций в крупный региональный конфликт.

В ближайшей перспективе наиболее характерными по масштабам ведения боевых действий могут стать военные конфликты, проводимые в форме малых войн. Они по сути будут являться вооруженной борьбой между двумя или несколькими государствами в ограниченном по площади географическом районе. Боевые действия вероятнее всего будут вестись боеготовыми войсками, а также иррегулярными формированиями. Они могут проводиться в форме общевойсковых операций армейского и корпусного масштаба, боевых действий объединений и соединений видов вооруженных сил и родов войск.

В малых войнах операции, проводимые регулярными войсками, могут сочетаться с тактическими действиями различных иррегулярных формирований, которые способны принять методы, характерные для гражданских войн, партизанской борьбы и др. Подобное испытали на себе американские войска во Вьетнаме (1963-1975 гг.) и Ливане (1990 г.). Тогда руководство вооруженных сил США признало, что не смогло учесть многогранность возможных угроз своим войскам при решении конкретных боевых задач.

В настоящее время разработана теория борьбы с иррегулярными (повстанческими) силами, к которым в странах НАТО относят партизан и специальные (разведывательно-диверсионные) формирования противоборствующей стороны. По мнению зарубежных экспертов, она должна включать защиту (охрану и оборону) территорий и важных объектов, режимные и контрразведывательные мероприятия, действия по выявлению и уничтожению иррегулярных (повстанческих) сил, а также диверсионно-подрывную деятельность.

Действия по выявлению и уничтожению повстанческих сил включают разведку и непосредственно боевые действия войск. Данные, добытые разведкой, должны обеспечивать ведение боевых действий против повстанческих сил и создание благоприятных условий для их локализации и ликвидации. С этой целью предполагается привлекать силы и новейшие технические средства агентурной, войсковой, воздушной, радио- и радиотехнической разведки.

Рекомендуется применять самые разнообразные способы боевых действий: окружение, наступление с последующим переходом к преследованию; засады и налеты; установка минно-взрывных заграждений; штурмовые атаки боевых вертолетов.

Важная роль в борьбе с повстанческими формированиями отводится диверсионно-подрывной деятельности, включающей психологические операции, дезинформацию, террор и осуществление мероприятий с использованием сил специальных операций. Цель указанных действий - ослабить силу и влияние на местное население иррегулярных сил, запугать его и отколоть от движения сопротивления. Основу психологических операций составит пропаганда средствами печати, радио и телевидения.

Цель дезинформации - введение противника в заблуждение относительно своих сил, средств и намерений. Она может осуществляться при помощи радио, печатных изданий, различных демонстративных действий и других отвлекающих мероприятий. Широко использовалась дезинформация для борьбы с партизанами американцами во Вьетнаме, израильянами на Ближнем Востоке, французами в Чаде.

Важное место отводится терроризму, то есть политике устрашения, насилия и расправы с повстанческими силами и их руководителями. Показательны в этом отношении акции спецслужб западных государств против ряда видных деятелей повстанческих сил - Э. Че Гевары, А. Кабрала, попытка ликвидации сомалийского генерала М. Айдида и других.

Кроме того, рекомендуется всесторонне учитывать специфику зарождения и активности действий повстанческих сил в сельской местности и городах.

Анализируя опыт противоповстанческих операций в малых войнах 50-90-х годов, важно отметить, что маневренные формы борьбы в них преобладали над позиционными. Длительное позиционное противостояние сторон отмечалось только во время войны в Корее. Во всех других войнах подобные явления если и встречались, то только кратковременно, эпизодически. Вряд ли являются исключением из этой закономерности и возможные малые войны будущего. По мере возрастания мощи и быстродействия оружия, маневренности войск из арсенала тактики все больше вытесняются такие спутники позиционного противоборства, как прорыв, а также применение сплошной, глубоко эшелонированной обороны. Естественно, уходит в прошлое и методизм в действиях войск, коренным образом меняется "геометрия" поля боя, оно становится "нелинейным", "многомерным". В настоящее время термин "интенсивность ведения военных действий" продолжает иногда использоваться скорее как дань уважения к предыдущим разработкам военной теории и не более того, ибо до сих пор критерии измерения интенсивности точно не определены.

С этим тесно связана дальнейшая проработка такого понятия, как "поле боя (сражения)". Все более четкое звучание приобретает "оперативная (боевая) среда (пространство)", что в значительной степени дополняет критерий "глубины" боевых действий за счет обоснования еще одной оси их измерения - по вертикали. Налицо объемная (трехмерная) оценка операции (боя, сражения). Опыт войны в зоне Персидского залива и других акций, проводившихся вооруженными силами США и их союзников, демонстрирует факт тесного взаимодействия их наземных, морских, воздушных и космических компонентов.

В феврале 1995 г. опубликован доклад председателя комитета начальников штабов ВС США "Национальная военная стратегия" (стратегия гибкой и избирательной вовлеченности). Фундаментальной целью ВС США продолжает оставаться ведение вооруженной борьбы и достижение побе-

ды в любых войнах, где и когда бы они ни возникли. В условиях нестабильной и неопределенной обстановки в мире уточнен подход к решению задач силовыми методами, что прослеживается в названии военной стратегии - "стратегия гибкой и избирательной вовлеченности"¹³⁷.

По мнению американского военно-политического руководства, стратегическая обстановка характеризуется региональной нестабильностью; распространением оружия массового поражения; транснациональными угрозами, такими, как незаконный оборот наркотиков и терроризм.

Вооруженные силы в этих условиях должны решать три группы задач (которые являются и тремя основными компонентами стратегии): действия в мирное время; сдерживание и предотвращение конфликтов; ведение боевых действий и достижение победы в них. Решение данных задач основывается на двух взаимодополняющих стратегических концепциях: передового присутствия и распространения силы.

Передовое присутствие будет продолжать осуществляться путем постоянного или временного развертывания сил за рубежом или в наиболее взрывоопасных районах внутри страны, а также за счет реализации широкой программы перебросок контингентов по воздуху, морю и суше, проведения различных операций чрезвычайного характера и заблаговременного складирования оружия и военной техники.

В докладе нашло подтверждение упоминавшееся ранее в официальных документах положение о том, что главным содержанием американской стратегии является поддержание сил, способных принять участие и одержать победу в двух происходящих почти одновременно крупных региональных конфликтах.

В военной стратегии США и других западных государств, начиная с 90-х годов, отчетливо прослеживается региональная направленность, одним из направлений реализации которой является борьба с терроризмом, выросшим до масштабов, представляющих серьезный вызов интересам национальной безопасности многих стран.

Уязвимость современного общества для насилия, легкость, с которой совершаются террористические акции, способствуют распространению терроризма во многих странах. Из 47 конфликтов с применением военной силы в начале 80-х годов только один из них можно отнести по всем параметрам к обычной войне. Во всех остальных так или иначе присутствовали элементы терроризма¹³⁸.

В США и других западных странах под терроризмом понимается "незаконное использование силы или вооруженного насилия против правительственных структур, граждан или государственной (частной) собственности с целью принуждения официальных или частных лиц совершить определенные действия, способствующие достижению террористами политиче-

¹³⁷ Красная Звезда. 1995. 7 июня.

¹³⁸ Defense Planning for the 1990's and the Changing International Environment. National Defense University Press. Washington, 1984. P. 160.

ских или социальных целей". То есть это преднамеренное использование насилия или угрозы насилием для достижения определенных политических, религиозных или идеологических целей. Терроризм осуществляется путем убийств, запугивания, принуждения или внушением страха. В отдельных случаях терроризма имеют место уголовные действия, которые часто носят символический характер и предназначены для оказания воздействия на часть населения страны, не входящую в число непосредственных жертв террора! 39.

По мнению военных экспертов, занимающихся проблемой терроризма, террористические угрозы по степени опасности можно разделить на три уровня:

белый уровень означает, что существует достаточно неопределенная (неконкретная) террористическая угроза военнослужащим или гражданским лицам, равно как военным и гражданским объектам в каком-то отдельно взятом географическом районе. Данные о террористической угрозе могут основываться на информации о том, что террористические группы только планируют совершить в этом районе действия против указанных выше лиц или объектов;

желтый уровень означает, что имеет место конкретная угроза военнослужащим или гражданским лицам, равно как военным и гражданским объектам в определенном географическом районе. Данные об угрозе могут основываться на том, что террористические элементы активно готовятся к проведению операций;

красный уровень означает, что опасность террористических атак очень вероятна. Данные об угрозе могут основываться на информации о конкретных планах или непосредственной подготовке террористов к действиям против военнослужащих, гражданских лиц или военных и гражданских объектов¹⁴⁰.

В последнее время некоторые западные аналитики стали относить террористическую деятельность к "неконвенциональным" ("нестандартным") боевым действиям, под которыми понимается широкий спектр военных, полувоенных и иных акций, проводимых на территории, удерживаемой противником, или характеризующейся политической нестабильностью. "Неконвенциональные" боевые действия включают партизанскую войну (но не ограничиваются ее рамками), прорыв через контролируемую противником территорию для соединения со своими силами, ведение подрывной деятельности, осуществление актов диверсий и насилия, а также другие специальные операции. В этих взаимосвязанных видах "неконвенциональных" боевых действий могут принимать участие одиночные лица или отдельные группы (формирования) преимущественно из местного насе-

ния, которые поддерживаются и контролируются в различной степени внешней стороной в условиях мирного и военного времени. Терроризм с использованием вооруженного насилия вполне подходит под данное определение.

В отличие от партизанской войны терроризм не претендует на поддержку широких народных масс. Да он в этом особенно никогда и не нуждался. Современные военные технологии, новые образцы оружия и военной техники являются тем необходимым для террориста средством, которое способствует обострению этой и без того крайне серьезной проблемы. Научно-техническая революция в военном деле увеличивает масштабы и эффективность терроризма. Трудно предугадать, к примеру, последствия применения террористами какого-нибудь вида оружия массового поражения.

Западные специалисты считают, что к проблеме терроризма следует относиться как к своеобразной малой войне на истощение. Для ее решения рекомендуется проводить следующие мероприятия:

наладить сотрудничество как можно с большим числом стран в организации антитеррористической деятельности;

создать эффективную информационно-разведывательную сеть;

проводить мероприятия по выявлению и уничтожению террористических групп вне зависимости от места их нахождения;

проводить подготовку и оснащать соответствующим образом специальные формирования по борьбе с терроризмом.

Для того, чтобы избежать угроз стабильности государству и дружественным ему соседним стран необходимо улучшить способность адекватно реагировать на возникающие террористические опасности. Проблема заключается в том, чтобы знать, какие действия необходимо предпринимать в ответ на акты насилия, когда и где действовать.

Вне всякого сомнения, террористические угрозы национальным интересам требуют решительных действий со стороны государства.

Важно определить в этом плане шкалу его национальных приоритетов. Несмотря на то, что необходимость действий в случае возникшей угрозы - неоспоримый факт, в кризисной ситуации целесообразно действовать быстро и до того момента, когда ситуация выйдет из-под контроля. Предпринимая быстрые решительные шаги, можно разрешить конфликт на выгодных условиях в минимальные сроки и с наименьшими потерями, избегая тем самым последующего более масштабного использования военной силы. Слишком часто игнорирование кризисной ситуации приводит к тому, что она возрастает до такого уровня, когда ее невозможно разрешить мирным путем.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что очень сложно дать набор Рекомендаций для каждой кризисной ситуации, связанной с террористической деятельностью. Вместе с тем имеется ряд общих теоретических положений, к которым относятся следующие:

¹³⁹ The United States Army. Dictionary. Garland Publishing. Inc. New York & London, 1991. P. 823-824.

¹⁴⁰ Defense Planning for the 1990, s ... P. 824.

спектр насилия низкой интенсивности простирается от отдельных актов терроризма до широкомасштабных партизанских войн (иррегулярные действия) и практики государственного терроризма;

необходимо иметь соответствующие силы и средства для участия в упомянутом выше уровне конфликтов, а также правильно определять случаи использования военной силы;

вооруженные силы (внутренние войска) должны применять соответствующую тактику действий и иметь необходимое для этого снаряжение;

после принятия решения на использование военной силы, реагирование должно быть быстрым и решительным.

Вызванные терроризмом кризисные ситуации, перерастающие в малые войны, - это постоянно растущая угроза любому обществу до тех пор, пока общество не научится с ними эффективно бороться.

В наши дни мы переживаем один из наиболее трудных и сложных периодов радикальных изменений, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться нашей стране. Однако в этот период времени, когда мы не перестаем удивляться скорости происходящих перемен, к нам постепенно приходит понимание того, что демократическое общество на этапе своего становления весьма уязвимо к проявлениям насилия. В послевоенный период мир переполнен конфликтными ситуациями: Корея, Вьетнам, Ливан, Сальвадор, Никарагуа, Афганистан, Чад, Иран-Ирак, Намибия, Сев. Ирландия, Гватемала, Перу, Эфиопия, Кампучия, Мозамбик, Ангола, Сомали, Израиль, Сирия, Египет, Югославия, бывшие советские республики Средней Азии и Закавказья. И этот список стран можно очень долго продолжать. Политическое и военное насилие как никогда раньше получило широкое распространение в мире. Иными словами, способность вызывать радикальные изменения в сложившейся расстановке сил превысила способность держать их под контролем. Старые конфликтные ситуации, неразрешенные проблемы настойчиво начинают сегодня требовать своего разрешения одновременно с появлением новых спорных вопросов.

Во многих странах, переживающих радикальные изменения, происходит своеобразная "демодернизация". Инвестиционные программы не работают на должном уровне; неуклонно снижается степень обученности подрастающего поколения; распространяются болезни, еще недавно, казалось, полностью побежденные; улицы, спустя десятилетия, заполнены нищими; большая часть населения мечется в поисках доступного по цене продовольствия; угроза безработицы, неуверенность в завтрашнем дне вызывает у людей отчаяние и привносит еще большую нестабильность в общество. Нереализованные ожидания и неэффективное разрешение экономических проблем превратили большинство развивающихся стран в очаги конфликтов, способных к разрастанию и вовлечению в них развитых государств.

В то же время появление новых технологий, переориентация на наукоемкие отрасли экономики во многих западных странах вызывают утрату надежд, чувство отчуждения и обиды у людей, не вовлеченных в процесс преобразований, часть которых пополняет ряды террористических группировок.

Современная технология превратила обычную войну, не говоря уже об ядерной, в слишком дорогое и разрушительное предприятие. Если бы в недалеком прошлом обычная война началась в Европе между НАТО и странами ОВД, нельзя было быть уверенным в том, что путем сдерживания (устрашения) они не достигли бы ядерного порога. Всегда существует опасность, что проигрывающая сторона начнет эскалацию конфликта и применит ядерное оружие. С другой стороны, терроризм и партизанская война не обладают данными недостатками. Они, так сказать, "дешевые" виды конфликта, в большинстве случаев легко "сдерживаемые" и не требуют овладения сложной военной техникой и высокой боевой подготовкой.

В последнее время появилась тенденция к тому, что почти для любого конфликта на начальной стадии стали характерными терроризм и партизанская война. Начало партизанской войны, как правило, подразумевало отказ от большей части террористических актов, так же как начало боевых действий с использованием регулярных вооруженных сил не оставляло места на поле боя для партизанской войны. Однако в настоящее время террористическая деятельность и партизанская война во все возрастающих масштабах становится конечной целью конфликта без перехода на следующие стадии обычной войны. Во время вьетнамской войны северовьетнамское командование отреагировало на стремление сайгонского режима вести обычную войну тем, что расширило масштабы партизанской войны. С точки зрения некоторых стран терроризм и партизанская война представляют собой эффективную и экономную стратегию в борьбе против развитых государств и не позволяют этим странам усиливать свои позиции в развивающемся мире.

Терроризм не предусматривает использование традиционных вооруженных сил и тактики действия на поле боя. Почвой произрастания терроризма являются городские улицы крупных городов, например, таких как Бейрут, университетские городки в Европе и Латинской Америке. Боевая подготовка террористов проходит в специальных тренировочных лагерях. В качестве учебных пособий и наставлений используются советские и американские полевые уставы, подпольные издания, аналогичные "Минируководству по ведению партизанской войны в условиях города", а также Учебники "красных бригад", которые копируются в различных вариантах и передаются от одной террористической группы к другой.

Терроризм в значительной степени отличается от ведения боевых действий по нескольким существенным признакам. Наиболее очевидная разница заключается в том, что, если традиционная обычная война представля-

ет собой в большинстве случаев, так сказать, "узаконенное насилие" одного государства по отношению к другому, то терроризм является негосударственным насилием против государства или отдельных групп лиц. По этой причине он обычно рассматривается как "незаконное насилие".

Терроризм отличается от формальных боевых действий прежде всего тем, что он является политическим актом, направленным не столько на "уничтожение противника", как говорится в определении Мао Цзедуня о сущности войны, сколько на деморализацию общества и принуждение правящих кругов к ответным действиям. Целью террористов в провоцировании ответных действий является создание благоприятных условий для "всеобщего восстания" или "революции". В большинстве случаев задача террористов заключается не в свержении существующего строя или уничтожении какой-то политической системы, а скорее в запугивании противника, в создании условий для политических заявлений или привлечения внимания к какой-то конкретной проблеме. В отличие от обычных боевых действий, когда чувство самосохранения необходимо для достижения успеха, терроризм часто достигает своей цели на желании террористов отдать свои жизни для выполнения поставленной задачи, хотя число террористов, реально желающих выполнить самоубийственные задачи, относительно невелико.

Другой отличительной чертой терроризма является то, что традиционные боевые действия более разрушительны по своему характеру, чем терроризм. Относительно небольшое число жертв терроризма в 20 в. никак не сопоставимо с унесенными обычными войнами миллионами человеческих жизней. Огромная разрушительная сила обычных войн и их высокая стоимость в какой-то степени являются причиной расширения масштабов терроризма. / .

Гораздо легче организовать нападение на самолет или группу людей, чем участвовать в боевых действиях. Террористы оснащены не очень дорогим оружием по сравнению с оружием и военной техникой, необходимыми для ведения обычной войны. Терроризм - это форма боевых действий, не ограниченных территориальными рамками и без участия крупных группировок войск.

Передовая технология вносит кардинальные изменения в мир, в общество, в котором мы живем, создавая порой новые очаги напряженности. Она также привносит свежую струю в развитие оружия и военной техники, военного искусства. Благодаря развитию технологии проводников, новых видов пластмасс и других синтетических материалов, прогрессу в оптике, взрывчатых веществах и электронике, оружие в наше время становится меньшим по размерам, дешевле в производстве, легким в применении и гораздо более разрушительным, чем когда-либо прежде. Один солдат в наши дни может сосредоточить в своих руках гораздо больше огневой мощи, чем целый полк наполеоновских времен. Однако существует закономер-

ность, заключающаяся в том, что насколько быстро новое вооружение поступает в войска, настолько же быстро оно оказывается в руках террористов путем похищений со складов, через торговцев оружием и третьи страны.

Принимая во внимание непреклонную истину о том, что от прошлого через настоящее мы идем к будущему, можно сказать, что человечество находится на пороге нового мира, более опасного, чем можно было представить в прошлом. Мира, где отдельный индивидуум или небольшая группа террористов могут овладеть оружием массового поражения, поставив под угрозу жизни сотен тысяч невинных людей и шантажируя целые нации. Несмотря на широко распространенное мнение, это оружие не обязательно будет ядерным, ибо существует три вида оружия массового поражения: ядерное, химическое и биологическое. При соответствующих условиях, имея необходимое оборудование, материалы и инструкции, любой компетентный химик или микробиолог мог бы создать токсичное химическое вещество или вывести смертельные биологические культуры, которые при наличии соответствующего устройства доставки способны причинить серьезный ущерб большому числу людей. В ряде стран существуют не очень строгие порядки доступа к смертоносным биологическим культурам, часть из которых можно получить по почте из медицинских лабораторий. Наставления по его производству практически находятся у любого находчивого исследователя. Исследования, описывающие ход химической атаки с расчетами определения направления ветра, зон рассеивания можно найти на библиотечных полках.

Экономика разных стран еще более уязвима, чем сами люди. Достаточно вспомнить, как в 1978 г. палестинские террористы впрыснули яд в партию цитрусовых, направляемую из Израиля в Европу. Заболело большое количество людей, и хотя никто из них не умер, позиции Израиля на внешнем рынке были серьезно подорваны, т.к. резко упал спрос на продукцию из этой страны. К другому примеру можно отнести усиление активности левачских группировок в Гватемале в 1981 г., в результате чего была подорвана национальная индустрия туризма.

Современные террористические группы меньше по численности, лучше подготовлены и вооружены, более сплоченные, чем когда-либо раньше. Это сильно затрудняет контроль за их деятельностью и ставит новые задачи перед соответствующими государственными структурами.

Во второй половине 70-х и в 80-е годы центр террористической активности переместился из Европы на Ближний Восток и в Латинскую Америку, которые на тот период стали подвергаться террористическому насилию больше какого-либо другого региона мира. Терроризм находится на подъеме в развивающихся странах не только из-за экономических проблем и не оправдывающихся надежд населения, но и потому, что развивающиеся страны в гораздо меньшей степени готовы к отражению террористических

действий по сравнению с основными западными державами. Намети́лась устойчивая тенденция, свидетельствующая о том, что объектами террористических заговоров с целью убийства все чаще становились политические деятели. В их число входили египетский президент Анвар Садат, президент Ливана Башир Гемаэль, председатель партии христианских демократов Альдо Моро, премьер-министры Индии и Израиля и десятки менее известных государственных и политических деятелей. За последние неполных 20 лет от рук убийц пали 17 глав государств и правительств¹⁴¹.

К сожалению, зона конфликтов в современном мире постоянно расширяется. Для многих государств мира, в том числе на территории СНГ, характерны условия, ведущие к созданию организованной оппозиции, которая в своих повстанческих действиях часто прибегает к террористическому насилию.

По мнению западных аналитиков, малая война, которая может дать начало повстанческим и партизанским действиям в современных условиях, является следствием военно-политической конфронтации соперничающих между собой государств, групп государств или субъектов федерации (конфедерации). Очень часто причиной ее возникновения может стать длительная несовместимость взглядов на принципы государственного устройства внутри федерации и официальную идеологию. Диапазон малых войн может простира́ться от подрывной деятельности до прямого применения вооруженного насилия. Они ведутся с помощью своеобразного сочетания политических, экономических, информационных и непосредственно военных средств. Малые войны часто ограничены масштабами их ведения, но тем не менее оказывают непосредственное влияние на проблемы региональной и даже глобальной безопасности.

Операции, проводимые регулярными войсками в малых войнах, представляют собой, как правило, совместные действия видов вооруженных сил и родов войск и характеризуются косвенным и прямым применением вооруженного насилия.

По опыту зарубежных стран, использование регулярной армии (внутренних войск) определяется законодательной базой государства, а также директивами, уставами, наставлениями и прочими официальными документами. Глава государства дает общие политические установки, министр обороны (внутренних дел) через свои штабы воплощает их на оперативном уровне использования вооруженных сил, а командиры тактического звена реализуют замыслы своих начальников на практике в соответствии с разработанными планами действий в кризисной обстановке.

Накопленный в послевоенный период опыт ведения малых войн, в том числе и противоповстанческих операций, свидетельствует о том, что войска должны уметь действовать в любых географических условиях - джунглях, горной местности, пустынях, городах и т.д. Перечисленные выше ус-

ловия с учетом климатического фактора могут оказывать значительное влияние на ход войсковых операций. Языковые, религиозные и культурные особенности местного населения создают дополнительные трудности.

Достижение успеха в малых войнах зависит от тщательного планирования и умелого руководства войсками, определяемых следующими чрезвычайно важными факторами:

политическим превосходством

Политические цели оказывают непосредственное влияние на ход боевых действий в малой войне. В конечном итоге они воздействуют на принятие решений от стратегического до тактического уровня. Командиры всех степеней и их штабы должны четко понимать преследуемые в войне политические цели и влияние проводимых операций на их выполнение.

единством усилий

Единство усилий требует согласованной политики задействованных в вооруженном конфликте силовых структур, более тесного взаимодействия и интеграции проводимых войсковых мероприятий.

способностью к адаптации

Адаптация применительно к малым войнам представляет собой способность и готовность войсковых командиров изменять или совершенствовать организационные структуры частей и подразделений, а также методы ведения вооруженной борьбы в различных условиях боевой обстановки. Для этого необходимо проводить тщательное выяснение поставленной задачи, вести всестороннюю разведку, учитывать особенности района боевых действий. Способность к адаптации представляет собой нечто большее, чем просто специализация и гибкость в применении частей и подразделений, предусматривающих использование одних и тех же приемов в различных условиях боя. Для достижения успеха в малых войнах войска должны обладать способностью к адаптации не только для совершенствования существующих организационных структур и методов ведения войны, но и для выработки и развития новых структур.

легитимностью

Легитимность вытекает из того, что власть в стране является законной и эффективной и что она может использовать для разрешения конфликта все необходимые государственные структуры. Ни одно ведомство или силовое министерство не могут сами по себе определять легитимность проводимых ими мероприятий, но своими действиями они могут и должны олицетворять государственную законность и порядок.

настойчивостью

Малые войны редко имеют четко выраженные начало и окончание боевых действий. По своей природе они предполагают ведение затяжной борьбы. Настойчивость требует тщательного и достоверного анализа складывающейся обстановки для быстрых и эффективных действий в нужное время и в нужном месте. Настойчивость дает возможность команди-

¹⁴¹ Независимая газета. 1994 г. 25 марта.

рам отвергать идею достижения незначительных краткосрочных успехов в ущерб конечным целям и задачам.

По мнению западных военных специалистов, бригадные и батальонные тактические группы (как "тяжелые", так и "легкие"), усиленные подразделениями специального назначения, должны играть роль "острия копья" объединенной группировки войск, задействованной в противоповстанческих операциях. Для выполнения поставленных задач командиры частей и подразделений должны уяснить природу и характер повстанчества, а также свое собственное место в противоповстанческих действиях. Причем характер повстанческого движения должен быть понят и осознан еще до начала проведения войсковых операций.

На Западе результатом теоретических исследований и полученного практического опыта стало выработанное определение, в соответствии с которым под повстанчеством понимается организованное движение, задачей которого является свержение конституционного правительства путем проведения подрывной деятельности и развязывания вооруженного конфликта. Участники повстанческого движения, объединенные в первую очередь, по политическим мотивам, участвуют в политическом, экономическом, социальном, психологическом, вооруженном противоборстве и нелегальной подрывной деятельности. Военизированные, иррегулярные формирования повстанцев используют, как правило, партизанскую тактику борьбы, отличающуюся активной наступательной направленностью по времени и месту проведения. Особенно это характерно для тех случаев, когда партизаны добиваются локального превосходства в силах и средствах, избегая при этом прямых столкновений с регулярными войсками.

Оценивая опыт повстанческого движения во многих странах мира, можно с большой долей уверенности сказать, что конечная цель практически любого повстанческого движения заключается в свержении находящегося у власти правительства. Эта цель достигается следующими способами:

1. Путем получения внешней гуманитарной помощи, умелого ведения пропаганды, политики насилия и террора. Не заручившись активной поддержкой своему движению, повстанческое руководство стремится обеспечить себе хотя бы ее пассивную форму, например, в виде нейтралитета определенной части населения по вопросам повстанческой борьбы.

2. Ведением партизанской войны, в ходе которой решаются проблемы, направленные на:

увеличение степени уязвимости и запуганности населения проведением выборочных террористических актов. Партизаны нападают и уничтожают экономические и политические объекты и символы, являющиеся основой существования правительственного строя. Активное противодействие партизанам со стороны правительственных сил может вызвать у части населения страны возмущение, которое объективно будет способствовать росту популярности повстанцев;

снижение правительственного контроля над ситуацией в стране. Партизаны уничтожают малочисленные правительственные силы, где это возможно, и наносят удары вне мест дислокаций крупных гарнизонов, что создает ощущение неспособности правительства обеспечить безопасность населения страны и его собственности и покончить с повстанцами раз и навсегда;

обеспечение психологического превосходства. Партизаны стремятся к любым победам в войне, способствующим в психологическом плане успеху и развитию повстанческого движения. Несмотря на то, что эти победы могут быть местного значения и не нанесут регулярным силам серьезного ущерба, их основной смысл заключается в завоевании психологического преимущества;

блокирование правительственных ресурсов. Партизаны стремятся блокировать поступление или перераспределить в нужном им направлении те правительственные ресурсы, которые выделяются на развитие какого-либо района или области;

ослабление стойкости и решимости правительственных войск. Уничтожая небольшие подразделения войск противника, партизаны психологически способствуют ослаблению их решимости продолжать вести боевые действия.

Исследования теории и практики малых войн показали, что условия обстановки, в которых ведутся противоповстанческие операции, должны изучаться не только с физико-географической точки зрения. Несмотря на тот очевидный факт, что климатические условия и рельеф местности являются важными факторами, непосредственно влияющими на ход боевых действий, политические, экономические и социально-этнические отношения, сложившиеся в регионе, без сомнения также относятся к весьма существенным факторам. По этой причине их целесообразно рассмотреть более подробно.

1. Рельеф местности. Как правило, партизаны, если они не представляют собой специально подготовленные диверсионные группы, предпочитают действовать поблизости от мест своего постоянного проживания, когда условия обстановки и интересы безопасности не позволяют им находиться дома. Места расположения лагерей выбираются с таким расчетом, чтобы можно было иметь доступ к объектам нападения, границам государств, занимающих по отношению к повстанцам дружественное или нейтральное отношение, путям отхода и пунктам наблюдения за маршрутами передвижения правительственных войск. Если при проведении противоповстанческих операций, партизаны лишаются своих базовых лагерей, то они разбивают лагерь в труднодоступной местности, дабы максимально затруднить доступ к ним правительственных войск.

2. Климатические условия. Как показывает опыт вьетнамской, афганской и чеченской войн, в плане климатических условий повстанцы получа-

ют преимущество перед своим противником, т.к. они, как правило, являются жителями района боевых действий и привычны к местным, часто очень своеобразным, климатическим условиям. Вместе с тем необходимо отметить, что если данный фактор характерен и для правительственных войск, то противоборствующие стороны по этому параметру находятся в равных условиях.

3. Политические отношения. Степень контроля правительственных сил над районом боевых действий напрямую связана с возможностями повстанцев проводить там свои операции. Чем выше уровень правительственного контроля, тем меньше активность повстанцев, и наоборот. Как показывает мировой опыт, руководители повстанческих движений в некоторых странах формируют в районах боевых действий "теневые кабинеты", издающие директивные указания с целью нарушения нормального функционирования правительственных органов, выведения из строя ключевых правительственных структур и обслуживающий их персонал. Уровень правительственного контроля неизбежно понижается по мере того, как "теневой кабинет" берет на себя функции, ранее осуществляемые законным правительством.

4. Экономические отношения. Низкий уровень жизни и стремление к экономическим преобразованиям (реформам) могут служить причинами недовольства населения экономической политикой правительства. Это повышает шансы повстанцев в достижении ими конечной цели борьбы - свержения правительства. Повстанческое руководство использует сложившуюся ситуацию в своих интересах, применяя в первую очередь психологические приемы воздействия на население. Снабжение повстанческого движения осуществляется за счет местных экономических ресурсов, которые обычно не подвергаются партизанским нападениям. Действия, направленные на нарушение нормального экономического функционирования района, могут предприниматься с целью преподать местному населению "урок" для того, чтобы добиться его повиновения и поддержки.

5. Социально-этнические отношения. Чем разрозненнее общество, тем больше шансов появления у населения открытого недовольства политикой правительства. Повстанцы часто предпринимают попытки усилить существующие разногласия между различными группами общества, отличающимися друг от друга по расовым, этническим, религиозным или социальным признакам, причем религиозные разногласия могут играть самую значительную роль среди прочих, которые повстанцы непременно используют в своих интересах.

Перечисленные выше факторы, равно как и их влияние на повстанческое движение, могут подвергаться изменениям в зависимости от складывающейся обстановки. При подготовке и проведении противоповстанческих операций необходим тщательный анализ последствий воздействия каждого из перечисленных выше факторов. Причем они должны рассматривать-

ся с точки зрения воздействия их сильных и слабых сторон на повстанческое движение. При планировании противоповстанческих операций учитываются выявленные уязвимые места повстанцев и предусматриваются меры по блокированию уязвимых мест у правительственных сил.

Только поняв природу, характерные черты и особенности повстанческого движения, можно выявить его сильные стороны, которые необходимо ослаблять, и слабые стороны, которые необходимо использовать в своих интересах. В мире нет и не может существовать одинаковых повстанческих движений, но им присущи определенные характерные черты и особенности. В ходе планирования противоповстанческих операций сложившаяся оперативная обстановка должна быть подвергнута тщательному анализу с тем, чтобы определить как в ней будут проявляться характерные черты повстанческого движения.

Повстанчество отличается достаточно большим числом сильных сторон, к которым, в первую очередь, можно отнести следующие:

1. Разведку. Разведывательная сеть в повстанческой инфраструктуре обычно обеспечивает поступление непрерывной, текущей информации о дислокации войск противника, их численном составе, боеспособности и уязвимых местах. Для любой повстанческой организации скрытность является ключевым элементом выживания, вот почему соответствующим силовым структурам трудно проникнуть в ее ряды с целью последующего их разрушения. Для создания правительственными силами эффективной базы данных, сбор и анализ разведывательных сведений должен представлять собой своеобразный наступательный процесс, что наряду с системным анализом и другими методами обобщения может лишить повстанцев преимуществ в ведении разведки. Войска, участвующие в противоповстанческих операциях, могут с успехом применять такие приемы, как введение противника в заблуждение, оперативную маскировку, защищенность средств связи и т.д.

2. Местные условия. Повстанцы имеют возможность смешиваться с местным населением, т.к. обычно они являются его составной частью. Это увеличивает их возможность действовать скрытно. При проведении противоповстанческих операций чрезвычайно важно отделить их от местного населения. В соответствии с опытом малых войн наилучшим образом это достигается введением режимно-пропускного контроля за перемещением населения и распределением ресурсов.

3. Осведомленность. Знание повстанцами местных особенностей является их неоспоримым преимуществом, которое дает им возможность осуществлять эффективное психологическое давление на местное население. Это преимущество повстанцев нейтрализуется в случае налаживания хороших взаимоотношений между правительственными войсками и населением. Существенным добавлением этому может стать непрерывное проведение

противоповстанческих операций силами местных противоповстанческих отрядов, постоянно дислоцируемых в районе проведения операций.

4. Решительность и дисциплину. Руководители повстанческого движения и полевые командиры, как правило, хорошо подготовлены, обучены, обладают высокой степенью решительности до конца отстаивать интересы своего дела, усиливаемой твердой, порой даже жесткой дисциплиной. В то же время рядовые члены не всегда обладают данными качествами и гораздо легче поддаются психологической обработке, особенно в условиях неблагоприятно складывающейся для них боевой обстановки.

5. Тактику действий. Повстанцы используют широкий спектр действий - от саботажа и терроризма до тактики обычной войны. В зависимости от складывающейся обстановки это позволяет им варьировать активность антиправительственной деятельности. Необходимо всегда учитывать одну особенность, заключающуюся в том, что для повстанцев временной фактор при подготовке и проведении операции не является главенствующим.

6. Физические кондиции. Одним из главных преимуществ повстанцев является их способность стойко переносить тяготы и лишения, связанные с их деятельностью. Они умело приспосабливаются и адаптируются практически к любым возникающим ситуациям.

Повстанческим движениям присущи и слабые стороны, которые необходимо всегда принимать в расчет. К ним можно отнести:

Нехватку личного состава и ресурсов. Трудности с вербовкой личного состава и снабжением ограничивают сферу деятельности повстанцев. Противоповстанческим силам следует использовать эти обстоятельства, уничтожая в первую очередь базы снабжения повстанцев и блокируя маршруты доставки оружия и продовольствия. Кроме того, играя на трудностях повстанческой жизни и постоянно нанося движению урон в живой силе, можно значительно повысить уровень дезертирства в его рядах.

Индивидуальные факторы. Жизнь повстанцев часто связана с физической опасностью и лишениями. Эти особенности могут быть использованы войсками, ведущими противоповстанческие действия. К числу стрессовых факторов также можно отнести нехватку личного состава, страх предстать перед трибуналом при попадании в плен, боязнь за свою жизнь и жизни близких людей. На решительность рядовых членов повстанческого движения безусловно оказывает негативное воздействие боевая, часто полностью враждебная, обстановка, ослабляющая их волю к сопротивлению.

Известны случаи, когда хорошее обращение с пленными, объявление амнистии, выделение продуктов питания и т.д. явились сильными побудительными мотивами, склонившими значительное число повстанцев к дезертирству, превысив тем самым их страх быть наказанными за совершенные преступления.

Оперативные факторы. По мнению многих западных военных специалистов, слабость в оперативном отношении, это прежде всего слабость в обеспечении безопасности своих сил и средств, которая требует привлечения значительных материальных и людских ресурсов и замедляет ответную реакцию повстанцев на действия правительственных сил. Зависимость повстанцев от поддержки местного населения также является их уязвимым местом. При отсутствии или отказе от такой поддержки эффективность действий повстанцев резко снижается. Проблемой может стать отсутствие современных средств связи, что ведет к удлинению сроков подготовки повстанческих операций. Однако в современных условиях это не является характерным признаком слабости подготовки повстанцев в оперативном отношении.

К числу факторов, которые необходимо использовать правительственным войскам в своих интересах, относятся политические, религиозные и этнические разногласия в среде повстанцев.

Для достижения своих целей повстанцы должны пользоваться активной или пассивной поддержкой народных масс. Вследствие этого одна из главных задач противоповстанческих сил как раз и заключается в завоевании и удержании расположения местного населения. Самыми подходящими местами проведения психологических операций являются районы, в которых повстанцы имеют активную поддержку местного населения. Установление контроля над населением района и его ресурсами лишает повстанцев внутренней опоры.

В районах, оказывающих пассивную поддержку повстанческому движению, усилия правительственных сил направляются на завоевание активной поддержки и доверия населения правительственным структурам. Это достигается с помощью психологических операций и налаживания устойчивых связей с местной гражданской администрацией.

В районах, находящихся под контролем правительственных сил, которых поддерживает население, основные усилия сосредоточиваются на сбалансированных программах развития и обеспечения безопасности.

Материальная поддержка и вопросы снабжения являются одними из наиболее уязвимых мест повстанческого движения. В начальной стадии его развития повстанцы довольствуются поддержкой местного населения. В последующем их потребности выходят за рамки местных возможностей. Для длительной борьбы повстанцам просто необходима материальная поддержка. Если она обеспечивается внешними источниками, возникает проблема обеспечения безопасности маршрутов доставки, транспортных средств, мест складирования. Задача правительственных сил заключается в блокировании и уничтожении тыловой сети и коммуникаций повстанцев на своей и их территории.

Как правило, повстанцы имеют временные места дислокации своих штабов, боевых подразделений (отрядов) и средств обслуживания, называ-

емые базовыми (опорными) лагерями, в которых оборудуются командные посты, места боевой подготовки, устанавливаются средства связи, пункты медицинского обслуживания и тылового обеспечения. Они также используются как места отдыха, переподготовки и переоснащения личного состава.

Несмотря на некоторую схожесть, базовые лагеря значительно отличаются от центров (лагерей) подготовки обычных регулярных войск. Они меньше по размерам, их в районе боевых действий может несколько. Они должны отвечать следующим требованиям:

1. Обеспечивать укрытие и маскировку. Повстанцы выбирают места для базовых лагерей в таких районах, которые значительно затрудняют их обнаружение.

2. Находиться в труднодоступной местности, которая должна ограничивать мобильность правительственных войск и не давать им возможности применять тяжелое оружие. Несмотря на то, что повстанцы избегают вести оборонительные действия, они могут организовывать кратковременную оборону базовых лагерей для обеспечения отхода основных сил. Во избежание случайного обнаружения места расположения лагерей выбираются, как правило, в безлюдных местах. Однако с учетом потребностей в материальном обеспечении базовые лагеря выбираются с таким расчетом, чтобы расстояние до ближайшего населенного пункта составляло не более одного дневного перехода.

Обнаружение и уничтожение базовых лагерей является одной из главных задач противоповстанческих сил, которые, действуя подобным образом, прочно удерживают инициативу в своих руках.

Одной из главных составляющих повстанческого движения, причем его боевым компонентом, является партизанская война. В том случае, когда партизанские силы достигают стадии готовности к боевым действиям, они, как правило, начинают проводить ограниченные или маломасштабные операции. По мере достижения более совершенных форм организации, уровня боевой подготовки, качества оснащения оружием увеличиваются масштабы операций и начинает применяться тактика обычной войны. Однако основными элементами тактики партизан остаются неуловимость действий, внезапность, кратковременные насильственные акции. На ранних стадиях повстанческой борьбы основной упор может быть сделан на терроризм и беспокоящие действия.

Терроризм. Для достижения поставленных целей партизаны могут использовать тактику террора, включающую применение взрывных устройств; убийства; похищение людей; нанесение телесных повреждений; пытки; шантаж и угрозы. К тактике террора прибегают в основном для принуждения и запугивания. Она также может использоваться для дискредитации политики правительства, путем его провоцирования на сверхжесткие ответные меры, что неизбежно вызывает негативную реакцию насе-

ления и заставляет его усомниться в способности правительства обеспечить надежную безопасность страны.

Под принуждением понимаются действия, направленные на то, чтобы склонить отдельные лица к совершению поступков, выгодных для партизан (повстанческого движения). Примером могут служить попытки склонить одного из местных руководителей района, где ведутся боевые действия, к пересмотру своей политики в отношении партизан или добиться от него, по крайней мере пассивной поддержки, направленной на молчаливое согласие перераспределять местные ресурсы в интересах партизан.

Целью запугивания является изменение поведения людей. Обычно угрозы или намерения причинить вред используются в отношении отдельных лиц, их семей и близких. Запугивание вынуждает население хранить молчание или отказываться от сотрудничества с правительственными структурами. Оно приводит к нежеланию отдельных компетентных лиц занимать даже низшие посты в государственной иерархии. Убийства военнослужащих вызывают нежелание служить в армии и способствуют росту уклонений от военной службы.

Беспокоящие действия. Беспокоящие действия вынуждают правительственные силы прибегать к оборонительной тактике, заставляя их реагировать только на операции партизан. В результате этого правительство не может начать проведение наступательных операций, которые могли бы предотвратить активность противника. Беспокоящие действия истощают правительственные ресурсы и нарушают линии коммуникаций. Их преимуществом является то, что они создают впечатление о способности партизан наносить удары в любом месте, подчас самом неожиданном. С другой стороны, постоянно неся потери в мелкоочаговых столкновениях, правительственные войска создают о себе мнение как о непрофессиональных и неэффективных структурах, что неизбежно отражается на их моральном состоянии. В целом тактика партизан характеризуется следующими особенностями:

1. Большинство операций, проводимых партизанами, носит наступательный, а не оборонительный характер. В редких случаях делаются попытки захвата и удержания какого-нибудь объекта.

2. Партизаны часто используют тактику просачивания. В районе объекта нападения обычно происходит объединение небольших партизанских групп для проведения операции. Наиболее часто партизаны прибегают к засадам, налетам и нападениям. Обычно они проводятся против болочек-постов, подразделений на марше, средств обслуживания и линий коммуникаций.

3. Если в целом правительственные силы превосходят партизан по численности, то последние стремятся достичь численного превосходства на местах, уничтожая по частям подразделения правительственных войск. Эта тактика, в случае ее успешной реализации, заставляет правительствен-

ные войска переходить к обороне, терять инициативу и только реагировать, как правило, с потерей темпа и времени, на действия противника. В свою очередь, это обеспечивает повстанцам выигрыш во времени и пространстве, возможность для перегруппировки, накопления сил и вступления в бой с более значительными силами правительственных войск.

Вместе с тем мировая практика показывает, что войсковые силы (внутренние войска) сами по себе не в состоянии ликвидировать кризисную ситуацию, порожденную политическими, социальными, этническими и другими противоречиями. Они способны лишь создать необходимые предпосылки для нормализации обстановки.

К настоящему времени мировой практикой выработаны определенные принципы, которые мотивируют применение регулярных и внутренних войск (аналогичных им структур) для разрешения конфликтной ситуации.

К ним относятся:

Принцип законности. Этот принцип требует, чтобы личный состав армии и внутренних войск хорошо знал и выполнял правовые нормы, законодательные акты, установленные для действий в чрезвычайной обстановке. Это предопределяет условия и пределы применения военного насилия, специальных средств, оружия и боевой техники.

Принцип превентивно-предупредительных действий. Он требует заблаговременно предусмотреть и вовремя принять меры, не допускающие развития конфликтной ситуации. Тут важно определить меру допустимого: нельзя попустительствовать и проявлять нерешительность, когда обстановка начинает выходить из-под контроля и противоправные силы переходят к вооруженному насилию.

Принцип взаимодействия. Один из важнейших принципов, предусматривающих необходимость установления тесного взаимодействия с местной администрацией, правоохранительными органами, воинскими частями, пограничными силами, если таковые имеются во взрывоопасном регионе. Таким образом, характер действий армии и внутренних войск в ходе конфликта зависит от многих обстоятельств. В одних случаях они содействуют местным административным и правоохранительным органам в обеспечении охраны общественного порядка, в других - на них ложится основная тяжесть нормализации обстановки в регионе, охваченном боевыми действиями.

В случае обострения конфликта, когда он приобретает форму вооруженного сопротивления, внутренние войска берут под свой контроль развитие событий, с тем, чтобы вовремя пресечь повстанческие акции, обстрелы, нападения на государственные учреждения, население, военные городки, воинские колонны, железнодорожные эшелоны и т.д.

Комплекс проводимых мероприятий в этом случае можно условно разделить на три вида:

а) разведывательные действия по выявлению противоправных группировок, боевиков, повстанческих формирований;

б) предупредительные мероприятия, осуществляемые с целью патрулирования, оцепления и контроля за дорожным движением;

в) силовые, проводимые по поиску и разоружению боевиков, повстанческих отрядов, а в случае сопротивления - по их обезвреживанию.

Особо следует подчеркнуть, что внутренние войска прибегают к силовым методам в форме боевых действий с незаконными вооруженными формированиями лишь в том случае, если им нет альтернативы.

Исходя из зарубежного опыта, миротворческая операция, проводимая внутренними войсками (аналогичными им структурами), в общих чертах может выглядеть следующим образом:

По прибытии в зону конфликта командир подразделения внутренних войск устанавливает связь с местной администрацией, правоохранительными органами и др., с тем, чтобы быстро собрать данные об оперативной обстановке, проанализировать их и принять решение на осуществление необходимых мероприятий по участию в обеспечении правового режима чрезвычайного положения. В ряде случаев необходимо сразу же создать специальные разведывательно-поисковые группы для вертолетного патрулирования местности, контроля за движением на дорогах, в населенных пунктах. Анализируя сложившуюся обстановку в зоне ответственности, необходимо сделать прогноз: как может дальше развиваться кризисная ситуация, какие новые очаги напряженности могут возникнуть, каков состав повстанцев, их вооружение, районы базирования, тактика действий, система управления, обеспечения, из каких источников поступает пополнение, снабжение, как относится к ним местное население.

В частности, по опыту в Нагорном Карабахе, Таджикистане, Абхазии, Приднестровье известно, что в зоне конфликта вначале создаются разрозненные отряды боевиков численностью 60-120 человек, вооруженные автоматами и пистолетами. В последующем налаживается централизованное руководство действиями боевиков, отдельные отряды объединяются в более крупные формирования, создаются базовые районы, учебные центры, склады, накапливается оружие, в том числе тяжелое, устанавливается система наблюдения и оповещения на обширной территории. Боевики обычно применяют тактику партизанских действий, периодически осуществляют ночные вылазки, налеты, главным образом на склады оружия, военные городки. Главная цель их действий - приобретение оружия, транспортных средств, боеприпасов.

В зависимости от характера действий боевиков, их оснащения, обученности принимается решение по проведению специальной операции с целью их обезвреживания. Одним из наиболее распространенных тактических приемов, применяемых с этой целью, является поиск. Он осуществляется в тех случаях, когда точное базирование боевиков не установлено, а

лишь известен ориентировочный район их дислокации. Поэтому в первую очередь организуется наземная и воздушная (на вертолетах) разведка. Для поиска создаются специальные группы, действия которых обеспечиваются главным образом боевыми вертолетами.

По мере установления местоположения боевиков в целях их обезвреживания может быть принято решение на проведение прочесывания местности. Оно может быть односторонним и двусторонним (встречным). Подразделениям назначаются исходный и конечный рубежи (рубеж встречи), на закрытой местности, кроме того, определяется азимут движения. При проведении прочесывания подразделения вначале выдвигаются в колонне, затем разворачиваются в цепь. Если при обнаружении отряда повстанцев он окажет активное сопротивление, а сил и средств для немедленного разгрома окажется недостаточно, организуется блокирование путем выставления заслонов с тем, чтобы нейтрализовать его. При благоприятной обстановке осуществляется окружение, последующее расчленение и разгром противника.

Действия армейских сил и внутренних войск в противоповстанческой операции весьма специфичны и успех во многом будет зависеть от тщательной подготовки личного состава, четких и слаженных действий частей и подразделений и вышестоящих штабов.

2. Строительство и подготовка вооруженных сил государства, особенности их применения в борьбе с повстанцами и партизанами

Противоповстанческая и противопартизанская борьба весьма разнообразна по типу и видам, по историческим, социально-политическим, военно-техническим признакам и размаху. Вместе с тем для нее характерны решительное противоборство воюющих сторон за достижение своих целей, использование для этого большого количества средств вооруженной борьбы, форм и методов ведения боевых действий различного масштаба и в различных условиях, что наряду с научно-технической революцией оказывало и оказывает значительное влияние на строительство вооруженных сил, в том числе внутренних войск в тех странах, где они имеются, и развитие военного искусства в послевоенный период.

В области подготовки вооруженных сил западных стран к участию в малых войнах (противоповстанческой и противопартизанской борьбе), которые велись и ведутся, как правило, на большом удалении от их собственных территорий, первостепенное значение приобретают проблемы мобилизационной готовности экспедиционных сил, их стратегической и тактической мобильности, организационной структуры, управления и материально-технического обеспечения в разнообразных, порой специфических условиях различных театров военных действий.

В недавнем прошлом решающее влияние на строительство и подготовку вооруженных сил оказывал опыт мировых войн. Он определял направления развития видов вооруженных сил, эволюцию форм тактики и оперативного искусства, организацию родов войск, создание новых средств вооруженной борьбы и способов их применения. Противоповстанческая борьба в рамках малых войн не оказывала тогда решающего влияния на военное искусство, но ее опыт в той или иной степени помогал его развитию.

Проводимые в мирное время испытания нового оружия и проверка правильности концепций развития вооруженных сил не могут дать ответа на все вопросы, т.к. невозможно создать обстановку, полностью соответствующую боевой. Поэтому опыт всякой войны в пределах возможного используется для практического решения назревших вопросов. В ряде случаев наряду с политическими целями преследовались и такие, как испытания качества новых типов вооружения, проверка боеспособности частей и подразделений, новых способов ведения войны.

В ходе войн и вооруженных конфликтов нередко определялась новая тактика родов войск в изменившихся условиях и на разных театрах военных действий, совершенствовалась организация войск и управление ими. Однако, зачастую из того нового, что приносил опыт войны, не всегда делались верные выводы для будущего. Нередко важные новые факты и тенденции не учитывались военными теоретиками, считавшими полученный опыт недостаточным для серьезных обобщений, вытекающим из местных условий и не имеющим общей военной ценности. И, наоборот, некоторым выводам придавалось чрезмерно большое значение, которое не оправдывалось в дальнейшем.

На строительство и подготовку вооруженных сил оказывали значительное влияние и собственно военные факторы, которые определялись абсолютизацией западным военно-политическим руководством роли оружия и военной техники в достижении победы в войне. Вследствие этого особое внимание уделялось достижению военно-технического превосходства над любым вероятным противником.

Сразу после окончания второй мировой войны определяющим фактором развития западных вооруженных сил стало закрепление позиций Соединенных Штатов как ведущей державы капиталистического мира, которая в середине 40-х годов разработала основные принципы военного строительства:

1. Вооруженные силы должны уже в мирное время поддерживаться на "достаточном" уровне, который делал бы "бессмысленным для любой агрессивной нации развязывать большую войну".

2. Планирование военного строительства должно осуществляться исходя из самых невыгодных условий ведения войны и наихудшего соотношения сил.

3. Вооруженные силы уже в мирное время должны быть "так стратегически размещены, чтобы они могли быть использованы против вероятного противника или же в районах конфликтов и кризисов".

4. Военная стратегия должна опираться на самую передовую военную технику.

5. Разведывательная система должна обеспечить получение необходимых и своевременных данных о намерениях и возможностях противника, вероятности возникновения кризисных и конфликтных ситуаций.

6. Страна должна находиться в состоянии высокой военно-мобилизационной готовности¹⁴².

Основным содержанием первого послевоенного периода стала разработка проблем ведения войны и строительства вооруженных сил в условиях применения оружия массового поражения. Это положение легло в основу концепции "сбалансированного развития" всех видов вооруженных сил, что нашло отражение в установлении в ряде стран к середине 50-х годов примерного равенства в численности видов вооруженных сил и темпов их роста.

На основании опыта войны в Корее, в том числе противоповстанческой борьбы, был внесен ряд изменений в организацию частей и соединений, чтобы повысить их подвижность и огневую мощь. Одним из основных направлений стало оснащение сухопутных войск военной техникой трех функциональных назначений: транспортно-боевой (специальные автомобили и транспортеры, бронетранспортеры, транспортно-десантные вертолеты), транспортно-огневой (вооруженные БТР и вертолеты общего назначения, легкие бронированные машины пехоты) и боевой (боевые машины пехоты). Это привело к тому, что к старым разновидностям пехоты - обычной, горной, морской, воздушно-десантной, механизированной - прибавилось два новых вида: бронепехота и аэромобильная пехота. Оснащение пехоты новыми транспортно-боевыми средствами вызвало пересмотр способов ее применения, т.к. она стала превращаться из воюющей преимущественно в пешем порядке в воюющую преимущественно с машин.

В 50-е годы огневую мощь дивизий предполагалось повысить за счет введения в их штат средств доставки ядерного оружия, а маневренность - путем значительного увеличения количества воздушного и наземного транспорта.

В то время считалось, что малая война с применением тактического атомного оружия не вызывает угрозы возникновения мировой войны, т.к. она будет носить локальный характер, а применение тактического атомного оружия в ограниченном районе не составит опасности для остальных стран.

Принципиально новой особенностью начала 60-х годов явилось то, что дивизии в вооруженных силах ряда стран стали иметь единую основу, а раз-

лица заключалась в количестве различных батальонов (танковых, мотопехотных, пехотных и парашютно-десантных). Но из батальонов теперь создавались не полки, а бригады (от двух до пяти батальонов в каждой). Однородные батальоны во всех типах дивизий имели одинаковую организацию.

Большое внимание, уделяемое западными странами строительству сухопутных войск, объясняется тем, что практика ведения противоповстанческой борьбы нередко показывала, что основная тяжесть в достижении поставленных целей войны и решении оперативно-тактических задач ложилась именно на сухопутные войска. В вооруженных силах западных государств сухопутные войска в различных малых войнах составляли от 75 до 90% общего количества привлекающихся сил.

Вооруженные силы и военное искусство противостоящих западным державам стран развивались в условиях подавляющего количественного и качественного превосходства противника. Это наложило большой отпечаток на их строительство, организацию, стратегию и тактику. Революционные армии и национально-освободительные движения широко использовали регулярные вооруженные силы в сочетании с иррегулярными формированиями. Для их действий было характерно постоянное стремление избегать крупных операций, наносить преимущественно неожиданные удары сравнительно небольшими силами по базам и коммуникациям противника в условиях ограниченной видимости и временных рамок. Можно сказать, что вооруженные силы большинства развивающихся стран зародились в ходе малых войн в процессе вооруженной борьбы против ведущих западных держав.

Военно-политическое руководство народных армий исходило из того, что важнейшим условием успеха освободительной борьбы является умение (искусство) сражаться собственными "традиционными" средствами, вести всенародную партизанскую войну иррегулярными формированиями.

Процесс развертывания вооруженной борьбы за независимость и процесс создания народных армий был одновременным. В одних странах народные армии оформились в массовые регулярные военные организации уже в период освободительных и гражданских войн. Так, например, во время второй мировой войны были созданы довольно боеспособные народные антияпонские армии Филиппин, Малайи, Бирмы. В сентябре 1945 г. в борьбе с японскими оккупантами и французскими колонизаторами все повстанческие вооруженные формирования вьетнамского народа были объединены в Народную армию Демократической Республики Вьетнам (НАДРВ). За три года гражданской войны (1946-1949 гг.) численность народно-освободительной армии Китая выросла с 1,2 млн. до 4 млн. человек¹⁴³.

Формы военного строительства революционно-освободительных вооруженных сил были различны. Однако первым компонентом военной органи-

¹⁴² History of the Cold War 1941-1947. Wash., 1977. P. 146-147.

¹⁴³ Придыбайло А.И. Народная армия Китая. М., 1959. С. 15-15.

зации освободительных сил обычно выступали партизанские группы (повстанческие отряды), на базе которых, по мере вовлечения в борьбу все более широких слоев населения, формировались национально-освободительные армии полурегулярного, а затем и регулярного типа. Вторым компонентом являлась народная милиция, создававшаяся на местах в виде массовых вооруженных формирований, трансформировавшихся впоследствии в местные, региональные войска. И, наконец, третьей составляющей освободительных сил являлись партизанские группы (группы самообороны).

В другом случае национально-освободительные армии постепенно вырастали из разрозненных партизанских отрядов и превратились затем в решающую силу фронта национального освобождения. Так, с 1948 г. начала действовать против Израиля своеобразная народно-освободительная Армия освобождения Палестины (АОП).

Были также примеры, когда в ходе национально-освободительной борьбы из отколовшейся части колониальной армии создавалась народно-революционная армия, которая затем вступала в решительную борьбу с колонизаторами, как это было в Алжире. При этом, если к началу освободительной войны повстанческие отряды насчитывали 3-4 тыс. бойцов, то к ее середине - уже 130 тыс. человек, составляющих регулярные вооруженные силы¹⁴⁴, не считая значительного количества повстанческих формирований иррегулярного типа.

С 1961 г. в США начался период, связанный с формированием и утверждением доктрины "гибкого реагирования", принятой в 1967 г. всеми странами НАТО. Эта доктрина провела водораздел между всеобщей ракетно-ядерной войной с участием главных противников и локальными войнами на периферии, которые, по мнению западных военных теоретиков, можно было вести на неопасных, низких уровнях использования вооруженных сил. В частности, доктрина "гибкого реагирования" делала основную ставку на использование обычных вооруженных сил в малых войнах и противоповстанческих операциях, то есть в действиях против иррегулярных сил (обычно партизан), оставляя стратегические ядерные силы в качестве главного резерва на случай всеобщей ракетно-ядерной войны.

С начала 60-х годов западные страны перешли к содержанию таких вооруженных сил, которые, по мнению их военно-политического руководства, обеспечили бы ведение как большой, так и малых войн. Вследствие этого строительство вооруженных сил стало вестись по принципу целевого предназначения их компонентов. Исходя из этого, как и характера решаемых задач, вооруженные силы стали в основном подразделяться на стратегические (ядерные) силы, силы общего назначения, силы и средства стратегических перебросок и резервы.

В США строительство и развертывание сил общего назначения определялось концепцией "двух с половиной войн". В соответствии с ней амери-

канские силы общего назначения должны были быть способными одновременно вести одну большую войну в Европе, одну в Азии, и, одновременно, быть готовыми к участию в малой войне в любом другом районе земного шара.

Для обеспечения вооруженного вмешательства в любом районе мира в дополнение к концепции "передовой обороны" была выдвинута концепция "стратегической мобильности". Последней предусматривалось наращивание сил общего назначения при возникновении кризисных ситуаций и с началом боевых действий, обеспечение их быстрых перебросок с одного театра на другой, а также бесперебойное материально-техническое обеспечение передовых группировок американских вооруженных сил и армий их союзников. В соответствии с этой концепцией постоянно совершенствовались силы и средства стратегических перебросок, создавалась и развешивалась система передового базирования оружия и военной техники, к ней приспосабливалась организационная структура войск США и их союзников.

В конце 50-х годов военно-политическое руководство США пришло к выводу о том, что военно-политическая обстановка в мире требует усиления американского военного присутствия в различных регионах, что в свою очередь, напрямую связывалось с возможностями вооруженных сил США осуществлять быстрое развертывание на заморских ТВД.

В 1961 г. решением комитета начальников штабов было образовано объединенное ударное командование, в состав которого вошли силы стратегического армейского корпуса, части тактической авиации и многоцелевая ударная авиационная группа.

Объединенное ударное командование предназначалось для обеспечения участия вооруженных сил США в ограниченных войнах и вооруженных конфликтах в соответствии с концепцией "половины войны". На него было возложено решение следующих задач:

- проведение операций на Ближнем Востоке, в Южной Азии и Африке (к югу от Сахары);

- поддержка действий, в случае необходимости, других объединенных командований;

- участие в малых войнах и вооруженных конфликтах в соответствии с решениями КНШ;

- разработка концепций использования выделенных в его состав сил и средств;

- проведение совместной боевой подготовки подчиненных ему соединений и частей;

- проведение совместных учений для поддержания высокой боеготовности и способности быстро реагировать на кризисные ситуации.

С момента своего создания ударное командование испытывало трудности, связанные с тем, что выделенные в его состав соединения и части од-

¹⁴⁴ Военно-исторический журнал. 1975. № 11. С. 78.

повременно подчинялись командованиям своих видов вооруженных сил отсутствием соединений и частей ВМС и морской пехоты, проблемами взаимодействия в местах вероятных конфликтов с другими объединенными командованиями, а также недостатком времени для полноценной боевой подготовки.

Другим существенным недостатком деятельности ударного командования была его так называемая универсальность, подразумевавшая использование сил и средств "в любом месте в любое время". Министр обороны США Р. Макнамара считал, что американские силы должны быть способными действовать "во всем спектре" ограниченных войн и конфликтов¹⁴⁵. В течение первых пяти лет своего существования ударное командование разработало 22 плана возможных кризисных ситуаций, а в период 1961-1963 гг. участвовало в 27 совместных учениях, охвативших отдельные районы Аляски, Филиппин, Карибского моря и Европы.

Многоцелевое предназначение сил, выделяемых в состав ударного командования, выявило главный недостаток американской стратегии ограниченных войн, который заключался в следующем: в малых войнах планировалось использовать силы и средства, которые предназначались и целенаправленно готовились к участию в большой войне. Во время вьетнамской войны американские войска неоднократно пытались прибегнуть к стратегии "изнурения противника", заимствованной из сценария большой войны в Европе. В результате этого силы общего назначения не показали всей той эффективности и гибкости при ведении боевых действий, на которые рассчитывало американское командование.

В 1971 г. ударное командование было расформировано, а его функции переданы другим объединенным командованиям, зона ответственности которых охватывала большую часть земного шара. Официальным преемником ударного командования стало объединенное командование войск готовности, которое после своего создания в 1972 г. вплотную занялось вопросами подготовки соединений и частей вооруженных сил США, выделяемых для участия в малых войнах. Это командование не имело специально выделенной зоны ответственности, не отвечало за оперативное управление войсками в ходе боевых действий, а занималось только вопросами боевой подготовки. Однако и эта структура не отличалась совершенством и в первую очередь именно в вопросах боевой подготовки, т.к. практически отсутствовала координация в этой сфере деятельности с командованиями видов вооруженных сил, родов войск и служб.

В 1974 г. в связи с событиями на Ближнем Востоке американское командование вновь вернулось к проблеме малых войн. Военные аналитики высказали мнение о том, что в структуре вооруженных сил необходимо иметь специально подготовленные для этого соединения и части. Однако, только

¹⁴⁵ U.S. Congress. House Committee on Appropriations. Hearings on H.R.7851. 87 Congress. 1st session. US GPO. Washington, 1961. P. 25.

в 1980 г. администрация Картера официально объявила о создании оперативного объединения сил быстрого развертывания.

При изменениях военных стратегий менялись содержание и направленность развития сухопутных войск. В 80-е и 90-е годы их строительство продолжается в иных условиях. Активно разрабатываются качественно новые системы оружия и военной техники, регулярно пересматривается организационная структура соединений и частей, осуществляемая по линии уменьшения их громоздкости при одновременном повышении огневой, ударной мощи и мобильности.

В этот период времени строительство сухопутных войск велось в соответствии с программами, обусловленными разработками принципиально новых средств вооруженной борьбы, прежде всего высокоточного оружия. Цель подобных программ заключалась в создании сухопутных войск, сбалансированных по структуре и составу (оптимальное сочетание "тяжелых" и "легких" соединений, регулярной армии и резервных компонентов), обладающих высокой огневой и ударной мощностью, противотанковыми возможностями, стратегической и тактической мобильностью. Содержание предусмотренных программами мероприятий заключалось в последовательном переоснащении соединений и частей современным оружием и военной техникой, пересмотре их организационной структуры и поиске оптимальных способов боевого использования.

Вероятность того, что вооруженные силы западных стран будут вынуждены защищать свои интересы с помощью оружия, по утверждению военных аналитиков, продолжает оставаться высокой, но время и способы их использования в будущем претерпят значительные изменения.

Из всех видов вооруженных сил западных стран ВВС США первыми выдвинули новую концепцию своего развития, получившую название "глобальный размах - глобальная мощь" ("global reach - global power"). В феврале 1991 г. она была представлена конгрессу в качестве приложения к докладу министра ВВС по проекту бюджета на 1992/1993 финансовые годы.

Независимо от складывающегося соотношения сил на международной арене строительство вооруженных сил США и других стран НАТО и в дальнейшем планируется вести, руководствуясь принципами разумного сочетания наступательных и оборонительных возможностей. Фундаментальными положениями военной политики остаются: стратегическое сдерживание и оборона, передовое присутствие, немедленное реагирование на кризисные ситуации, способность быстро наращивать военную мощь до необходимого уровня.

Применение военной силы в вооруженных конфликтах планируется осуществлять преимущественно в форме кратковременных, целенаправленных и эффективных операций. В ходе боев вооруженные силы должны бы-

стро и адекватно реагировать на действия противника, наносить мощные удары и добиваться победы в сжатые сроки.

Таковыми возможностями в полной мере обладают военно-воздушные силы. Способность своевременно сосредоточивать необходимые силы и средства в удаленных районах земного шара, а также присущие формированиям ВВС гибкость и оперативность позволяют в кратчайшие сроки нанести удары по важнейшим элементам военного и военно-экономического потенциала противника.

Судя по практике последних лет, чаще всего именно ВВС представляют в распоряжение командования наиболее боеготовые, имеющие большой радиус действия формирования. Авиация в состоянии в течение нескольких часов обеспечить доставку средств поражения и уничтожить основные объекты в любом регионе. В перспективе значение военно-воздушных сил может возрасти еще больше.

Основная роль в осуществлении быстрых и адекватных ответных действий в конфликтах различной интенсивности, в том числе в противобольшевицких операциях, по мнению американского командования, принадлежит тактической авиации. Ее части и подразделения передового базирования, обеспечивая постоянное военное присутствие, оказывают значительное воздействие на обстановку в регионах.

Учитывая возрастание вероятности развязывания малых войн в ближайшей перспективе, командование ВВС США в соответствии с новой концепцией приступило к созданию смешанных авиационных крыльев, которые, благодаря тому что туда входят самолеты боевой и вспомогательной авиации различных типов, способны самостоятельно и быстро перебазироваться и решать все стоящие перед развернутой авиационной группировкой задачи. Такое подразделение наряду с боевыми может включать самолеты заправочной и военно-транспортной авиации, ДРЛО и управления.

Разрабатывая концепцию строительства ВВС, военные аналитики исходят из необходимости сохранения, а в дальнейшем и увеличения огневой мощи ударной авиации при существенном сокращении ее боевого состава. Принятие на вооружение новейших самолетов, оснащенных высокоточным оружием, малозаметных крылатых ракет и беспилотных летательных аппаратов значительно повысит возможности ВВС.

В ходе специальных операций в соответствии с новой концепцией на ВВС США возлагаются задачи как всестороннего их обеспечения, так и непосредственного участия в них (предполагается привлекать авиационные части и подразделения специального назначения, а также боевые формирования тактической авиации). Одной из целей, которая приобретает все более важное значение, является борьба с нелегальными перевозками наркотиков и терроризмом. ВВС должны выделять необходимые силы и средства для ведения воздушной разведки и наблюдения, перехвата воз-

душных целей, изоляции районов производства наркотиков, нанесения ударов по лагерям подготовки террористов.

Повышение вероятности возникновения малых войн в странах "третьего мира", имеющих, как правило, слабо развитую инфраструктуру, ставит перед командованием ВВС дополнительные задачи при организации воздушных перебросок. К их числу относится необходимость развертывания дополнительных систем управления и линий связи, осуществление навигационного и метеорологического обеспечения, а также МТО, прежде всего снабжение ГСМ и запасными частями.

После окончания второй мировой войны ВВС добивались положительных результатов в различных конфликтах значительно чаще, чем любой другой вид вооруженных сил. В перспективе в условиях смещения акцента на подготовку к ведению военных действий с применением обычных средств поражения, отсутствия непосредственного противостояния (соприкосновения) развернутых в мирное время группировок вооруженных сил роль авиации будет постоянно возрастать.

Анализ планов и программ развития вооруженных сил в целом позволяет утверждать, что именно авиация будет в значительной мере соответствовать основным положениям западной стратегии участия в малых войнах (югославский вариант) и станет одним из средств огневого воздействия на объекты противника, независимо от их местоположения, размеров, структуры, подвижности и других характеристик. Именно эти возможности будут наращиваться с тем, чтобы сухопутные войска, ВВС и ВМС взаимно дополняли и усиливали друг друга. Таким образом, по мнению командования западных стран, можно будет создать оптимальные вооруженные силы для действий во всем спектре конфликтов.

В 80-е и первой половине 90-х годов использование регулярных вооруженных сил в различного рода конфликтах потребовало от военно-политического руководства США и их союзников по НАТО проведения многих практических мероприятий. Особые условия ведения боевых действий, необходимость широкого применения в ряде случаев тактической авиации, воздушно-десантных и аэромобильных соединений и частей, а также военно-морских сил способствовали привлечению внимания к специальным и так называемым "легким" формированиям, которые должны обладать стратегической мобильностью, высокой боеготовностью, гибкостью использования и способностью к самостоятельным действиям.

Особенности возникновения современных вооруженных конфликтов предъявляют специфические требования к составу вооруженных сил, их оснащению и уровню подготовки. Главным из них является способность к быстрой переброске, к оперативному развертыванию и ведению самостоятельно или вместе с союзниками боевых действий на слабо оборудованных ТВД на значительном удалении от баз снабжения. Для удовлетворения этих требований были разработаны различные программы, осуществление

которых, по замыслам командования западных стран, должно позволить им эффективно реагировать на нежелательные для этих стран изменения на мировой арене.

Особое внимание в этом плане уделялось и уделяется совершенствованию сил общего назначения, в связи с чем на протяжении многих лет проводятся интенсивные исследования и предпринимаются практические шаги по разработке и принятию на вооружение новых систем оружия и военной техники, совершенствованию организационной структуры и поиску оптимальных способов боевого использования соединений, частей и подразделений.

Основные требования к вооруженным силам, выделяемым для использования в малых войнах (противоповстанческой и противопартизанской борьбе) сводятся к следующему:

1. Многообразие вариантов развертывания и использования вооруженных сил вызывает необходимость иметь в их составе специально подготовленные соединения и части всех родов и служб.

2. Контингенты вооруженных сил должны быть оснащены таким оружием и военной техникой, которое отвечало бы требованиям их использования в природно-географических условиях районов оперативного предназначения. Совершенствование оргструктуры и технической оснащенности войск должно осуществляться с учетом повышения их мобильности при сохранении и даже наращивании боевой мощи.

3. Специально выделенные контингента войск должны находиться в готовности к переброскам и развертыванию в районах оперативного предназначения, а с прибытием на место - быть способными начать боевые действия немедленно.

4. Тыловое обеспечение боевых действий должно основываться главным образом на использовании собственных сил и средств, осуществляться в условиях ограниченной тыловой поддержки или при ее полном отсутствии.

5. Соединения и части вооруженных сил должны быть подготовлены к ведению боевых действий как самостоятельно, так и во взаимодействии с вооруженными силами союзников.

Основная роль должна отводиться соединениям, частям и подразделениям, обладающим способностью к быстрым действиям в различных кризисных ситуациях, а также силам специальных операций.

В конце 70-х годы военно-политическое руководство ведущих западных стран пришло к выводу о необходимости формирования специально подготовленных контингентов вооруженных сил, предназначенных для экстренного использования в зонах "жизненно важных интересов" при возникновении там кризисных ситуаций. Соединения и части, выделяемые в их состав от видов вооруженных сил, должны были обладать высокой боевой готовностью, стратегической и оперативной мобильностью, способно-

стью решать боевые задачи в любом регионе мира применительно к конкретным ситуациям, характерным для малых войн. Такому выводу предшествовал анализ перспектив развития военно-политической обстановки в мире и в первую очередь в стратегически важных районах Ближнего и Среднего Востока, являющихся источниками нефтедобычи, Африки, а также Юго-Восточной Азии.

Инициативу в решении этого вопроса взяло на себя командование ВС США, в штабах видов вооруженных сил началась разработка наиболее оптимального варианта структуры СБР, а также форм и способов их боевого применения. На первом этапе эту работу возглавил штаб армии, поскольку считалось, что сухопутный компонент будет играть ключевую роль в будущих СБР. В марте 1980 г. министерство обороны США официально объявило о формировании штаба СБР и о назначении командующего. В то время боевой состав СБР насчитывал около 290 тыс. человек. Его основой были четыре дивизии (воздушно-десантная, воздушно-штурмовая, механизированная и морской пехоты) и две отдельные бригады (противотанковая вертолетная и морской пехоты), пять авиакрыльев тактической авиации, три авианосные ударные и три амфибийно-десантные группы, а также части и подразделения специального назначения, боевого и тылового обеспечения.

В начале 80-х годов взгляды на роль и задачи сил быстрого развертывания претерпели некоторые изменения. С 1 октября 1981 г. их командующий был подчинен непосредственно комитету начальников штабов вооруженных сил США, а сами они были переименованы в объединенное оперативное соединение СБР. На командующего и штаб этого формирования была возложена ответственность за разработку планов использования сил быстрого развертывания в Юго-Западной Азии, организацию и проведение оперативной и боевой подготовки.

С 1 января 1983 г. объединенному оперативному соединению СБР был придан статус объединенного командования вооруженных сил США, которое получило название объединенное центральное командование (ОЦК). Географический район ответственности ОЦК сохранился но в состав СБР были дополнительно включены две эскадрильи стратегических бомбардировщиков, а в 1986 г. - 7-я и 10-я легкие дивизии.

В 1987 г., в период реорганизации объединенных и специальных командований вооруженных сил США сухопутный, морской и военно-воздушный компоненты СБР были выведены из оперативного подчинения объединенного центрального командования. Одновременно был сделан вывод о необходимости подготовки основных соединений и частей СБР к действиям практически во всех регионах мира уже в интересах главнокомандующих объединенными командованиями в передовых зонах.

В начале 90-х годов в связи с кардинальными изменениями военно-политической обстановки в мире, началом реорганизации и частичного сокра-

шения вооруженных сил США перечень функциональных задач СБР был значительно расширен. В соответствии с принятой в 1992 г. новой национальной военной стратегией они стали рассматриваться как "силы для действий в чрезвычайных ситуациях" при неизменном сохранении своего главного целевого предназначения.

За время своего существования американские СБР неоднократно привлекались к выполнению задач в ходе операций вооруженных сил США в передовых зонах. К наиболее крупным из них относятся операции "Джаст коз" (Панама, 1989), "Щит пустыни" и "Буря в пустыне" (Юго-Западная Азия, 1990-1991), "Возрождение надежды" (Сомали, 1992-1993).

В 1992 г. в ходе начавшихся в США мероприятий по реализации новой национальной военной стратегии американское командование уточнило задачи и боевой состав сил быстрого развертывания, а также определило новые требования к их стратегической мобильности. В соответствии с концепцией "базовых сил", положенной в основу строительства вооруженных сил США на ближайшие пять-семь лет, СБР рассматриваются в качестве особого оперативно-стратегического компонента, предназначенного для экстренного реагирования на возможные изменения военно-политической обстановки в отдельных регионах мира в целях защиты национальных интересов Соединенных Штатов и их союзников. Главными задачами СБР являются: готовность к экстренной переброске в любую точку планеты; оказание поддержки союзникам путем наращивания военного присутствия и демонстрации силы; при необходимости и проведении боевых операций; защита (охрана и оборона) и эвакуация американских граждан и объектов, находящихся в зонах кризиса.

Наряду с этим в качестве новых, дополнительных задач для СБР в настоящее время определены следующие: пресечение распространения оружия массового поражения в странах "третьего мира", борьба с международным терроризмом и наркобизнесом, выполнение "мировых миссий". При этом группировки вооруженных сил США на заокеанских ТВД рассматриваются в качестве базы для развертывания передового эшелона, а затем и главных сил СБР.

Важной особенностью современного этапа военного строительства США является то, что американское командование не рассматривает СБР в качестве оперативно-стратегического или оперативного объединения с постоянным составом. Основу сил быстрого развертывания составят наиболее боеготовые и мобильные формирования, дислоцированные на постоянной основе на континентальной части страны - 18-й воздушно-десантный корпус сухопутных войск, семь авиакрыльев боевого авиационного командования ВВС, 1-я дивизия морской пехоты.

По мнению военного командования США, эти силы должны быть ориентированы на применение в первую очередь в тех зонах, где постоянное военное присутствие США ограничено по политическим, экономическим

или другим причинам. К таким регионам относятся Ближний и Средний восток, Африка, зона Центральной и Южной Америки. В то же время не исключается применение СБР и в любом другом стратегически важном для США регионе. Предусматривается также задействование и других компонентов вооруженных сил для быстрого реагирования на кризисные ситуации в различных регионах мира.

Всего в силах быстрого развертывания при данном оперативном составе может насчитываться до 300 тыс. военнослужащих, 700-750 танков, около 1000 орудий, минометов и РСЗО, свыше 800 боевых самолетов и 40 боевых кораблей.

Стратегическое развертывание СБР в зонах кризисов должно обеспечиваться силами командования воздушных перебросок ВВС и командования морских перевозок ВМС с привлечением (при необходимости) самолетов и судов гражданских компаний.

В соответствии с концепцией "базовых сил" предусматриваются различные варианты создания и наращивания группировок СБР. В основу принципов их боевого использования положена быстрая переброска по воздуху в район оперативного предназначения первоначально небольшого по численности мобильного контингента воздушно-десантных (пехотных) войск, подразделений сил специального назначения, несколько эскадрилий тактической авиации и экспедиционного батальона морской пехоты. Главной задачей этой передовой группировки является захват и удержание ключевых пунктов и объектов в районе конфликта до прибытия более крупных сил - первого эшелона СБР. Одновременно или заранее в этот район могут забрасываться по воздуху и с моря отряды специального назначения. В их задачу, как правило, входят организация и проведение диверсий, актов саботажа и подрывных действий. Эти отряды будут также решать задачи в интересах, проводимых группировками СБР, операций на ТВД.

Первый эшелон СБР, высадка которого осуществляется обычно на захваченные передовыми частями плацдармы, может представлять достаточно мощную группировку: усиленная воздушно-десантная бригада, легкая пехотная бригада или дивизия в полном составе, до шести авиаэскадрилий тактической авиации и экспедиционная бригада морской пехоты. Эти силы в короткие сроки развертываются в боевые порядки и наращивают усилия по расширению захваченных плацдармов. Они могут организовывать круговую оборону с целью их прочного удержания и создают условия для приема и развертывания начинающих прибывать сюда основных сил группировки СБР. После развертывания главных сил на отдельных направлениях начинаются наступательные действия с целью расширения контролируемой американскими войсками зоны, захвата и удержания крупных и важных в стратегическом отношении объектов, особенно линий и узлов коммутаций. Наступательные действия соединений и частей сухопутных войск

и морской пехоты ведутся, как правило, не на сплошном фронте, а на важнейших операционных направлениях, где активно действуют небольшие по составу высококомобильные части и подразделения (батальонные и ротные тактические группы). Широко применяется выброска (высадка) тактических воздушных и морских десантов. Одновременно в глубоком тылу противника усиливают активность диверсионные отряды подразделений специального назначения.

Тактическая авиация СБР в период расширения плацдарма решает, как правило, присущие ей задачи по завоеванию превосходства в воздухе, изоляции районов боевых действий, непосредственной поддержке наземных войск, а также ведет воздушную разведку.

На второстепенных направлениях в районе конфликта может организовываться оборона, которая будет, как правило, круговой (очаговой) и иметь как позиционный, так и мобильный характер. Она будет строиться по принципу создания ротных и батальонных опорных пунктов сопротивления на линиях и узлах коммуникаций, а также удержания важных в оперативно-стратегическом и даже тактическом отношении объектов и районов.

Одним из приоритетных направлений строительства вооруженных сил США в ближайшие годы будет всемерное развитие средств стратегических перебросок. В рамках решения этой задачи предусматривается реализация программ по созданию и оснащению военно-транспортной авиации ВВС США новыми транспортными самолетами С-17, способными доставлять крупногабаритную боевую технику в районы боевых действий. Одновременно к концу 1997 г. планируется довести общее количество судов-складов в передовых зонах до 345 единиц (в том числе с вооружением для морской пехоты - 13, тяжелой техникой для сухопутных войск - 21).

Реализация этих планов позволит, по мнению военного командования, США, значительно сократить к 2000 г. действующие нормативы по стратегическому развертыванию СБР на различных ТВД.

Одним из главных требований, предъявляемых к СБР в настоящее время, является их готовность к локализации любого военного конфликта еще на начальной стадии, чтобы предотвратить его эскалацию и перерастание в крупномасштабное вооруженное столкновение, чреватое тяжелыми людскими и материальными потерями. Достижение этой цели возможно только при тесном взаимодействии сухопутных войск с авиацией, силами флота, а в определенных условиях и с союзниками США. Исходя из этого, будущие воздушно-наземные операции в передовых зонах, как правило, будут "объединенными" (с участием различных видов вооруженных сил США) и "совместными" (с участием союзников). Для их проведения будут создаваться оперативные группировки, в состав которых в зависимости от содержания боевых задач наряду с формированиями сухопутных войск мо-

гут включаться компоненты тактической и военно-транспортной авиации, флота и сил специальных операций.

В интересах СБР должны быть использованы все системы управления, связи и разведки (в первую очередь космические), средства воздушных и морских -перебросок, запасы оружия, военной техники и средств МТО, временно созданные в передовых зонах, а при необходимости - компоненты регулярных вооруженных сил и организованного резерва. Их действия будут подчинены единой цели - обеспечить успешное проведение операции главными силами СБР в кратчайшие сроки с минимальными для США потерями и материальными затратами.

Принципиально новым положением во взглядах командования США является возможность использования СБР в отсутствие состояния войны (военного конфликта), но при наличии фактических предпосылок ее возникновения. Такие действия могут включать: оказание помощи дружественным правительствам; борьбу с международным терроризмом и "операции Р чрезвычайной обстановке"; демонстрацию военной мощи; ограниченные удары и рейдовые (диверсионные действия); другие оперативные мероприятия.

Для американских СБР в целом характерны высокая боевая готовность, стратегическая и оперативная мобильность, техническая оснащенность, слаженность штабов и войск, а также высокий уровень профессиональной подготовки всего личного состава. Эти силы по многим показателям универсальны и способны действовать в любых регионах мира самостоятельно и совместно с союзниками. Отличительной чертой СБР считается четко отлаженная система оперативно-стратегического управления всеми их компонентами в условиях отсутствия штатной управленческой структуры.

Принятое в апреле 1991 г. в Брюсселе решение о создании сил быстрого развертывания НАТО повлекло за собой их дальнейшее совершенствование во многих западноевропейских странах и создание национальных СБР в Испании.

В целом силы быстрого развертывания стран НАТО представляют собой наиболее боеготовый и высококомобильный компонент вооруженных сил, предназначенный для боевого применения при возникновении кризисных ситуаций на европейских ТВД и за пределами Европы. Развитие СБР идет по пути повышения их мобильности и маневренности, ударной и огневой мощи, сокращения времени на приведение в готовность для выполнения боевых задач.

Для большинства малых войн одним из характерных признаков является противостояние нерегулярных формирований регулярной армии. При этом последняя, несмотря на свое, как правило, многократное численное превосходство, использование более совершенного и современного оружия и боевой техники, поддерживаемая более мощным военно-экономическим потенциалом, в подавляющем большинстве случаев не может добить-

ся решающей победы над слабо организованным и плохо вооруженным противником. Практика ведения таких войн, а также опыт партизанской борьбы, как составной части "обычных" войн, подсказывали один из возможных выходов: создание специальных (элитных) отрядов и организованных групп, прошедших особую подготовку и соответствующим образом вооруженных. Например, такие отряды, созданные в каждой союзнической стране в годы второй мировой войны, действовали в глубоком тылу противника, используя тактику ведения партизанских действий. Для организации и руководства их действиями создавались специальные командные органы - штабы и управления.

Однако после окончания войны они были распущены, так как высшее военное руководство считало включение отрядов (войск), предназначенных для ведения "неконвенциональной" войны, в организационную структуру вооруженных сил на постоянной основе нецелесообразным. С одной стороны это объяснялось недостаточной изученностью и концептуальной неоформленностью практики ведения малых войн, а с другой - опасениями военных, что создание элитных формирований вызовет отток лучших кадров из "обычных" частей и подразделений¹⁴⁶.

Вот что говорил по этому поводу американский полковник Ф.Келли: "Элитные группы всегда появлялись в армии во время всех без исключения войн, в которых участвовали Соединенные Штаты ... Но появление этих групп неизбежно сопровождалось недовольством военных, как правило, отличающихся консерватизмом и выступающих против всего нового, необычного или непонятного... Пересмотр традиционных методов ведения боевых действий основная масса военных начисто не приемлет и противодействует ему с миссионерским энтузиазмом и эмоциональным жаром, лишь потому, что он означает перемены и что-то новое..."¹⁴⁷. Подобную мысль высказывает и один из ведущих теоретиков концепции конфликтов низкой интенсивности С.С.Саркесьян: "Традиционный" ("конвенциональный") подход военных к основным вопросам, связанным с ведением войны, особенности восприятия и оценки угроз сверхдержав, опыт великих битв прошлого - все это оказывает доминирующее влияние на мышление профессиональных военных. Гражданские политические деятели - ничуть не лучше, рассматривая партизанскую войну и другие конфликты низкой интенсивности как нечто "антидемократическое", но в то же время полагая, что противодействие в таких войнах должно оказываться обычными вооруженными силами, действующими обычными способами и методами"¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Cohen E.F. *Commandos and Politicians: Elite Military Units in Modern Democracies*. Cambridge, 1978. P. 70-74.

¹⁴⁷ Kelly F.J. *Vietnam Studies: US Army Special Forces. 1961-1971*. Wash., 1977. P.160.

¹⁴⁸ Sarkesian S.S. *The American Response to Low-Intensity Conflict: The Format""-Period. /Armies in Low-Intensity: A Comparative Analysis*. Ed. by Charters D. and Tuowell M. Lnd., 1989. P. 45.

И все же, несмотря на консерватизм и ортодоксальность мышления военных, идея о том, что для успешного противодействия иррегулярным формированиям противника, использующего в малой войне, как правило, нетрадиционные способы и методы вооруженной борьбы, требуются, как показала практика, специальные войска, особым образом организованные, обученные и вооруженные и входящие в состав вооруженных сил на постоянной основе, медленно, но верно пробивала себе дорогу. Приоритет в осознании такой необходимости принадлежит США, что вполне закономерно, так как после второй мировой войны они, по сравнению с другими развитыми странами мира, участвовали в наибольшем количестве малых войн и других военных конфликтов.

В 1950 г. были сформированы первые разведывательно-диверсионные роты "рейнджеры". Однако они в основном действовали не самостоятельно, а в тесном взаимодействии с передовыми частями сухопутных войск. Опыт использования этих подразделений в ходе войны в Корее послужил основой создания войск специального назначения, предназначенных в первую очередь для ведения "партизанской (контрпартизанской) войны". Такие войска были созданы в 1952 г. в армии США, объединившие первоначально силы 10-й и 77-й воздушно-десантных дивизий вооруженных сил США.

Новые взгляды американского руководства на организацию и использование войск специального назначения получили развитие и были официально закреплены в боевых уставах и наставлениях: Боевой устав армии США FM 31-21. 1955. "Партизанская война"; Наставление армии США FM 31-21. 1958. "Партизанская война и боевые действия войск специального назначения"; Полевой устав армии США FM 57-30. 1959. "Воздушно-десантные операции"; Боевой устав армии США FM 31-21. 1961. "Партизанская война и операции войск специального назначения".

В последующем, в период с 1961 г. по 1969 г. теория строительства и использования сил специального назначения получила дальнейшее развитие в соответствии с принятыми в это время в США такими основополагающими военно-стратегическими концепциями, как "гибкого реагирования", "противоповстанческих действий" и "двух с половиной войн". В эти годы американские военные теоретики во главе с генералом М.Тейлером приступили к разработке отдельной доктрины "специальной войны" или "неконвенциональной войны", основу которой составил практический опыт действий американских вооруженных сил во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Гватемале, на Кубе и в других странах третьего мира.

Война в Индокитае имела особое значение для развития теории малой войны. В это время более пристальное внимание стало уделяться ее социально-политическому и психологическому компонентам, а не только чисто военному аспекту - способам и методам ведения боевых действий.

Сочетание политических мероприятий с боевыми действиями против партизан, использовавшиеся в войне во Вьетнаме, получили название "противоповстанческих операций". Этот термин был закреплен в уставе морской пехоты США FM 31-11 "Операция против партизанских сил". 1962, в котором "противоповстанческие действия" определялись как комплекс военных, разведывательных, политических, психологических и административных мер, проводимых силами специального назначения совместно со всеми видами вооруженных сил самостоятельно или в тесном сотрудничестве с местными вооруженными силами страны, в которой разворачивается повстанчество.

С учетом опыта войны во Вьетнаме на силы специального назначения, как один из основных компонентов ведения "неконвенциональной войны", были возложены следующие задачи: организация, обучение и руководство действиями местных повстанческих групп и отрядов; участие в подавлении антиамериканских "повстанческих движений"; проведение операций по поддержанию и сохранению "угодных" и свержению "неудобных" США режимов в других странах (как правило, третьего мира); проведение акций "психологической войны"; подготовка личного состава для частей и подразделений спецвойск иностранных государств и помощь им в оснащении и материально-техническом обеспечении.

В рамках практического применения концепции "противоповстанческих действий" в 60-е годы в США был создан так называемый "корпус мира", основу которого составляли консультативные группы по оказанию военной помощи другим странам и военные миссии. Одновременно создавались группы специального назначения, в которые помимо собственно спецназа входили медики, инженеры, специалисты по военной экономике, агентурные разведчики и военная полиция. Представители корпуса мира зачастую выступали и в качестве руководителей местных «диверсионных» групп. Только в 1964/1965 финансовом году расходы на корпус мира составили около 111 млн. долларов, а в его рядах насчитывалось 13,5 тыс. человек, работавших в 46 странах. Деятельность корпуса мира включала различные аспекты, одним из которых была "борьба за человеческий фактор", т.е. ведение психологической войны.

После поражения во Вьетнаме мнения политиков и военных в отношении эффективности и роли сил специального назначения в ведении малых войн разделились. Требовалось определить иные направления в развитии и применении этих сил. Были разработаны новый боевой устав армии США FM 31-20 "Методы оперативных действий войск специального назначения" 1974 г. и Наставление FM 31-20 "Операции сил специального назначения" 1977 г., в котором, в частности, определялись задачи войск специального назначения армии США:

проведение нетрадиционных военных действий (партизанская война, подрывная деятельность, саботаж, организация акций по освобождению военнопленных);

проведение специальных операций (стратегическая разведка, диверсии, антитеррористическая деятельность);

осуществление защиты объектов, расположенных на территории иностранного государства¹⁴⁹.

В боевом уставе армии США FM 31-20 подчеркивалось, что наряду с непосредственно военными действиями спецназа все больше возрастает роль "психологических операций" в связи с его широким вовлечением в "гражданские мероприятия". В частности говорилось, что операции по ведению "нетрадиционной войны" существенно зависят от успешного проведения психологических операций. Персонал спецвойск высоко ценить такие мероприятия. Психологические акции применяются на всех фазах партизанской борьбы и во всех ее аспектах.

В этих условиях значительно изменился статус сил специального назначения ВВС. Они вошли в состав Тактического авиационного командования и предназначались для выполнения следующих задач: комплектования, оснащения, идеологической и специальной подготовки спецподразделений ВВС; переброски боеготовых формирований в районы предстоящих действий; подготовки личного состава союзных сил спецназа; осуществления руководства и оказания помощи командованиям на ТВД в реализации планов борьбы с партизанами, ведения партизанских действий и психологических операций.

В начале 80-х годов в США были провозглашены стратегия "прямого противоборства" и составляющие ее военно-стратегические концепции "всеобщих сил", "географической эскалации" и "конфликтов низкой интенсивности". Последняя предполагала прежде всего использование сил специального назначения и их модернизацию. В 1981 г. появился полевой устав сухопутных войск США FM 100-20 "Конфликты низкой интенсивности", регламентировавший действия вооруженных сил в подобных конфликтах.

Этим требованиям в наибольшей степени соответствуют силы специального назначения, которые самостоятельно или во взаимодействии с другими видами вооруженных сил могут проводить рейдовые операции (ограниченные по масштабу, времени, задачам и месту), осуществляемые на территории противника акции по захвату, уничтожению или выводу из строя каких-либо важных объектов, а также ликвидации или захвату с последующей доставкой на свою территорию определенных должностных лиц, документов, образцов оружия и техники; борьба с терроризмом (мероприятия по освобождению заложников, предотвращению террористических актов, поиску и уничтожению групп и ликвидации баз террористи-

¹⁴⁹ Military Review. 1983. № 3. Р. 34.

ческих организаций); действия по обеспечению внутренней безопасности поддерживаемых режимов (подавление повстанческого движения, оказание всесторонней военной помощи, ведение психологических операций, проведение отдельных террористических и диверсионных акций, планирование и проведение операций по нейтрализации различных оппозиционных партий и подпольных организаций, подготовка кадров для национальных вооруженных сил и органов государственной безопасности); операции по поддержанию мира (контроль за соблюдением международных договоренностей, выполнение посреднических функций и даже проведение отдельных подрывных и диверсионных акций, направленных на поддержку политических мероприятий, ориентированных на завершение конфликта на выгодных для США условиях). Всем вышеперечисленным специальным операциям дано соответствующее определение в Своде законов США (том X, параграф 167). В этом же параграфе регламентируется деятельность сил специальных операций и даются ответы на организационные вопросы.

Особое место среди специальных операций занимает организация партизанских (противопартизанских) действий, которая предполагает проведение мероприятий, направленных на создание партизанских формирований с участием проамерикански настроенного местного населения, их обучение, оснащение необходимым вооружением и техникой. Кроме того, предполагается проведение планирования, подготовки и само осуществление антиправительственных боевых операций или акций диверсионно-подрывного и разведывательного характера. Успех этой деятельности во многом зависит от установления тесной связи с руководством и активистами местных оппозиционных политических партий и других общественных организаций.

Вместе с тем проведенный в начале 80-х годов министром обороны США анализ опыта боевого использования сил специальных операций привел к существенным структурным изменениям этого особого компонента вооруженных сил.

По оценке американского командования, главным недостатком ССО была их разрозненность, подчиненность в зависимости от целевого предназначения штабам видов вооруженных сил, отсутствие органов, которые на постоянной основе могли бы планировать и управлять их комплексным оперативным использованием, организовывать боевую подготовку, оснащение необходимым вооружением и имуществом. В этой связи основные реорганизационные мероприятия, проведенные в течение 80-х годов включали:

1982 г. — сведение всех сил специальных операций регулярных сухопутных войск в первое командование специальных операций, подчиненное командованию сухопутных войск на континентальной части США;

1983 г. - создание командования совместных специальных операций, фактически - штаба оперативного соединения сил специальных операций ВС США, подчиненного КНПШ.

1987 г. - создание объединенного командования специальных операций с оперативным подчинением ему всех формирований специальных операций, дислоцирующихся на территории США, а также командования совместных специальных операций, учреждение должности помощника министра обороны по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности;

1988 г. - создание на правах основного (подчиненного непосредственно штабу вида вооруженных сил) командования специальных ВМС с включением в его состав всех соответствующих формирований регулярных сил и резерва и передачей в его ведение вопросов строительства, боевой подготовки и материально-технического обеспечения этого рода сил;

1989 и 1990 гг. - создание аналогичных командований в сухопутных войсках и ВВС.

Основу ССО вооруженных сил США составляет объединенное командование специальных операций. Численность личного состава его штаба более 500 человек. В командование входят все соответствующие части и подразделения регулярных войск (сил) и резервов видов вооруженных сил, постоянно дислоцирующиеся на территории США. Организационно оно включает командование специальных операций сухопутных войск, ВВС и ВМС. Штабу объединенного командования также подчинено командование совместных специальных операций служба разведывательного обеспечения.

Американское командование считает, что для успешного выполнения стоящих перед силами специальных операций задач, помимо особой организационной структуры, специальной подготовки и обучения личного состава, они должны быть соответствующим образом вооружены. Основное штатное вооружение и имущество формирований специального назначения в сухопутных войсках - это стрелковое оружие, комплекты взрывных устройств, оптико-электронные приборы и фотоаппаратура, средства радио- и спутниковой связи, легкие автомобили и парашютно-десантное снаряжение. В каждой группе сил специального назначения есть два легких многоцелевых самолета, а в полку "рейнджеров" - противотанковые средства и минометы. Имеются также вертолеты различных типов - огневой поддержки АН-6, разведывательные МН-6 и МН-60, транспортные СН-47, многоцелевые U-60 и УН-1.

Вооружение и оснащение частей и подразделений сил специальных операций ВВС определяются стоящими перед ними задачами и включают штурмовики специального назначения АС-130Н "Спектр", диверсионно-транспортные самолеты МС-130Е "Комбат Талон", самолеты НС-130Н и Р "Комбат Шэдоу", используемые для проведения поисково-спасательных

операций и дозаправки топливом в воздухе, а также диверсионно-транспортные вертолеты МН-53 "Пейв Лоу" и МН-60G "Пейв Хок".

ССО ВМС, состоящее из разведывательно-диверсионных отрядов, отрядов специальных транспортировочных средств, эскадры катеров специального назначения, эскадрильи легких вертолетов и оперативных групп штабов отрядов специального назначения, также имеют соответствующее вооружение и оборудование. Так, отряды специальных транспортировочных средств и эскадры катеров специального назначения оснащены катерами специального назначения, десантными кораблями или специально оборудованными атомными подводными лодками типа "Стерджен" и "Этен Аллен", а также малогабаритными негерметизированными двух- и шестиместными подводными аппаратами, снабженными бортовой системой жизнеобеспечения, навигационным оборудованием и различными индивидуальными буксировочными средствами¹⁵⁰.

По мнению США и других западноевропейских стран, где также имеются соответствующие части и подразделения специального назначения, однако не такого уровня развития, роль и значение сил специальных операций в структуре вооруженных сил, призванных обеспечивать национальную безопасность не только не уменьшится, но и значительно возрастет. Это связано прежде всего с изменением расстановки противоборствующих сил в мире. Военно-политическая конфронтация "Запад-Восток" сменилась в настоящее время на "Север-Юг". Как уже неоднократно подчеркивалось, командование НАТО считает, что крупномасштабный военный конфликт в Европе с классическим боевым использованием крупных группировок вооруженных сил маловероятен, в то время как резко повышается возможность возникновения малых войн в странах "третьего мира". Для ликвидации этой угрозы как нельзя лучше подходят силы быстрого развертывания и, в частности, один из их главных компонентов - силы специальных операций (назначения), которые "обеспечивают западным странам гибкость осуществления военной политики в условиях как мирного, так и военного времени. ССО - относительно небольшой инструмент, однако их польза неуклонно возрастает в предвидении осложнения обстановки¹⁵¹.

По мнению командования США и других западноевропейских стран, части и подразделения, занятые в операциях против иррегулярных формирований, должны быть надлежащим образом подготовлены с тем, чтобы они могли правильно применять меры активной и пассивной борьбы с повстанцами. Войска необходимо учить, никогда не приуменьшать возможностей повстанцев. Мнение о них, как о слабом, плохо вооруженном противнике способствует потере бдительности, что, как правило, приводит к тяжелым последствиям.

¹⁵⁰ Зарубежное военное обозрение. 1992. № 1. С. 14-15.

¹⁵¹ Там же. С. 16.

В настоящее время подготовка войск для действий против иррегулярных сил ведется в основном на учениях и маневрах, а также обеспечивается программами индивидуальной подготовки военнослужащих и в составе подразделений, что способствует, как свидетельствует накопленный опыт, развитию в каждом из них агрессивного и наступательного духа, поскольку только наступательные действия могут обеспечить уничтожение повстанцев (партизан).

Тактика войск атакующей стороны на учениях предусматривает как открытые, так и скрытые действия, к которым по большей мере прибегают иррегулярные силы. Поскольку в противоповстанческих операциях нет линии фронта и тыловых районов в строгом понимании этих терминов, подразделения боевой поддержки и обеспечения также готовятся к отражению возможного нападения повстанцев на их объекты и коммуникации. В ходе индивидуальной подготовки и подготовки в составе подразделений особое внимание обращается на следующие вопросы:

- боевые действия в городских районах, горах, пустынях, болотах, джунглях; отработка мгновенного реагирования на внезапно появившегося противника;

- использование армейской авиации, в том числе и для, решения таких задач, как парашютное и посадочное десантирование и эвакуация больных и раненых;

- снабжение по воздуху армейской авиацией и авиацией ВВС, техника маскировки зон выброски грузов и площадок приземления и способы сбрасываемой с воздуха техники;

- техника проведения рейдов, засад, способы обмана противника и введения его в заблуждение, защита от аналогичных видов боевых действий, ночные операции;

- патрулирование полицейского типа, организация контрольно-пропускных пунктов;

- обучение личного состава обращению с оружием (стрелковая подготовка) и средствами связи;

- обучение методам опознавания целей.

Если известен предстоящий район операции и особенности действующих в этом районе иррегулярных сил, проводится более специализированная подготовка. Она организуется по таким специальным вопросам, как:

- способы передислокации на местности с использованием имеющихся средств передвижения;

- способы выживания;

- организация облав полицейского типа, действия контрразведки, методика ведения допроса;

- сопровождение и охрана конвоев;

- применение и обнаружение мин, фугасов и мин-ловушек.

До прибытия в район боевых действий войска получают подробный инструктаж относительно характера местности и климата, особенностей и обычаев местного населения.

Подготовка к запланированным операциям нередко требует предварительной отработки решаемых задач в условиях, максимально приближенных к боевым на определенной местности и в определенное время дня и ночи.

Командование США и других западноевропейских стран считает, что личный состав войск, используемых для борьбы против иррегулярных формирований, испытывает моральное и психологическое напряжение, отличающееся от обычных условий ведения боевых действий. Это в значительной степени является результатом следующих факторов:

естественное для военнослужащих нежелание применять насилие против женщин, стариков и детей, которые обычно участвуют как в открытых, так и в тайных действиях повстанческих сил и которые должны быть переселены или сконцентрированы в одном месте по соображениям безопасности;

страх перед повстанцами, о жестокости которых военнослужащие регулярных подразделений слышали или в которой убедились сами;

особенности боевых действий против партизан - частое отсутствие очевидных результатов в тяжелых и малоэффективных операциях против повстанцев; суровые условия, в которых приходится жить и воевать; незнание тактики ведения противоповстанческой войны и организации диверсий и шпионажа; военнослужащие не прошедшие специальную подготовку к действиям против повстанцев, могут прийти в замешательство, столкнувшись с тактикой иррегулярных формирований и проявлениями фанатизма участников повстанческого движения, их самоотверженностью и преданностью своему делу.

Исходя из этого, в соответствии с уставами и наставлениями командиры всех степеней должны постоянно заниматься идеологической подготовкой своих подчиненных с тем, чтобы нейтрализовать воздействие на них вышеуказанных моральных и психологических факторов. Кроме того, такая подготовка преследует еще одну цель: войска должны производить благоприятное впечатление на местных жителей своей дисциплинированностью и умением обеспечить безопасность лично себе, местным гарнизонам и объектам.

Происходящие изменения в военно-политической и стратегической обстановке в различных регионах мира вынуждают большинство государств (или их коалиций) уточнять взгляды на пути и способы решения проблемы обеспечения своей военной безопасности. При этом трансформации в первую очередь подвергаются военно-стратегические установки на характер возможных военных конфликтов и порядок применения в них вооруженных сил.

Вместе с тем по складывающимся сейчас в западных кругах взглядам, вооруженные силы должны применяться только в том случае, если на карту поставлены интересы страны. Причем они должны пользоваться решительной поддержкой общественности и быть предельно ясны. Это - первое условие использования вооруженных сил.

Второе заключается в том, что применяться должна только достаточная сила, чтобы обеспечить достижение поставленных целей быстро и с минимальными потерями.

В докладе министра обороны США "Всеобъемлющий анализ: вооруженные силы для новой эпохи" (сентябрь 1993 г.) для кардинального пересмотра направлений развития вооруженных сил были выбраны реальные и потенциальные угрозы интересам национальной безопасности США. К ним отнесены:

угрозы, создаваемые ядерными и другими видами оружия массового поражения (включая его распространение);

региональные, вызванные в основном опасностью крупномасштабных агрессий региональных держав;

угрозы малых (часто внутренних) вооруженных конфликтов, а также терроризма, поддерживаемого и контролируемого государством...

В соответствии с этими угрозами строительство вооруженных сил США определяется потребностями ведения и достижения победы в двух крупных региональных конфликтах.

Военно-доктринальные установки Франции определяются стратегией "Направленной обороны" (1969 г.). Ее основу составила концепция "расширенной зоны безопасности", в соответствии с которой районы "жизненных интересов" Франции стали включать наряду с национальной территорией всю Западную Европу и подступы к ней, а также некоторые районы мира. Строительство и боевая подготовка вооруженных сил Франции стали учитывать требования НАТО.

Развитие вооруженных сил Великобритании во многом ориентируется на Соединенные Штаты, хотя в основном это проявляется в вопросах оснащения британской армии ядерным оружием. С роспуском Варшавского Договора возможности Великобритании по действиям вне Европейского театра значительно возросли. По свидетельству английского министра обороны, интересы Великобритании требуют обеспечения стабильности и безопасности в важных для нее районах мира.

Вооруженные силы должны быть готовы к ведению любых войн. Однако в последние десятилетия британские вооруженные силы вели самостоятельно боевые действия только в Северной Ирландии и на Фолклендских островах. В войне в зоне Персидского залива английские войска участвовали в составе коалиции, с самого начала находясь под американским командованием. Отказ Великобритании от самостоятельного решения воен-

него вопроса предопределяет строительство ее вооруженных сил в 90-е годы.

Большое значение обновленная стратегия уделяет резервным формированиям и их способности быстро дополнять войска передового присутствия. Страны - участницы НАТО в ближайшее время будут пересматривать политику в области резервов. В США эти процессы уже начались. В соответствии с новыми правилами резерв армии США и национальная гвардия будет обязан ежегодно представлять министру обороны доклады о физической готовности своих военнослужащих, которые теперь будут проверяться более тщательно. Происходит это потому, что резервисты армии и национальной гвардии США физически не готовы к участию в боевых действиях. Такая неподготовленность была выявлена в ходе ведения боевых действий в зоне Персидского залива.

Поскольку обновленная стратегия предусматривает возможность применения войск за пределами зоны ответственности НАТО, то в этом случае их невозможно обеспечить в материальном отношении на национальном уровне. Материально-техническое обеспечение постепенно переходит в ведение объединенных органов, при унификации системы обеспечения и оборудования.

Принципиально новым во взглядах военно-политического руководства НАТО и США является применение войск в отсутствие состояния войны (военного конфликта), но при наличии фактических предпосылок ее возникновения.

Такие действия могут включать: оказание содействия дружественным правительствам; борьбу с международным терроризмом и операции в чрезвычайной обстановке "по поддержанию мира"; освобождение заложников; эвакуацию своих граждан из опасных районов (зон конфликтов); гуманитарную помощь. Кроме того, не исключается применение силы под эгидой ООН для подавления серьезных очагов конфликта, угрожающего международному миру и безопасности в форме операции "по установлению мира".

Решение задач в операциях "по установлению мира" применением военной силы под эгидой ООН - новая функция ОВС НАТО. Теория таких операций - приоритетное направление в разработках военных исследователей Запада.

Цель таких операций - принудить противоборствующие стороны к прекращению вооруженной борьбы и заключению мира на условиях, определенных мировым сообществом. Вооруженные силы используются с согласия одной или нескольких конфликтующих сторон или против их воли в случае принятия соответствующего решения Советом Безопасности ООН. Как правило, проведение операций "по установлению мира" возлагается на многонациональные контингенты вооруженных сил.

В ходе них могут решаться следующие задачи: блокада районов вооруженных конфликтов; разъединение противоборствующих сторон; разгром "бандформирований" и отдельных узлов сопротивления.

Свои задачи при проведении такой операции войска могут решать как мирным способом: "превентивное развертывание" группировок войск в непосредственной близости от района конфликта с целью оказания давления на противоборствующие стороны и демонстрации решимости коалиции применить военную силу для урегулирования конфликта, так и путем ведения боевых действий.

Во втором случае предполагается нанесение огневых ударов по наиболее важным объектам и конфликтующим группировкам силами и средствами авиации и ВМС. Для захвата коммуникаций, узлов дорог, мостов и других объектов высаживаются воздушные десанты и активно используются диверсионные группы.

В ходе операции "по установлению мира" боевые действия привлекаемых войск будут носить, как правило, очаговый характер. В связи с этим части и подразделения сухопутных войск требуется готовить к автономным действиям и организации тесного взаимодействия с авиацией и силами флота.

После подавления активного сопротивления и разгрома основных вооруженных формирований контингенты войск коалиции могут использоваться для разъединения враждующих сторон, их разоружения, уничтожения отдельных узлов сопротивления, охраны важных объектов, коммуникаций и решения других задач.

Учитывая изменения военно-политической и стратегической обстановки на театрах военных действий, изложенные выше взгляды на характер действий вооруженных сил в возможных военных конфликтах, избираются пути совершенствования объединенных и национальных вооруженных сил НАТО. Главной тенденцией их развития становится умеренное планомерное сокращение численности и боевого состава при модернизации организационно-штатной структуры и техническом перевооружении войск на новейшие образцы современного оружия и военной техники, в первую очередь высокоточного оружия дальнего действия.

В целом, развитие взглядов на применение вооруженных сил и совершенствование вооружений - процесс взаимообусловленный. Создание новых образцов оружия, массовое поступление их в войска (силы) закономерно приводят к возникновению новых, более эффективных форм и способов применения объединений и видов вооруженных сил. В свою очередь, развитие теории военного искусства, разработка новых форм и способов ведения боевых действий и обоснование оперативно-стратегических требований к средствам вооруженной борьбы дают новый импульс для их совершенствования.

Использование обычных вооруженных сил (сил общего назначения, сил специального назначения (операций) и сил поддержки) осуществлялось в послевоенный период по четырем уровням, отличающимся друг от друга по масштабам привлечения войск и по степени их участия в боевых действиях.

Первый уровень характеризует минимальный масштаб задействования вооруженных сил для достижения тех или иных военно-политических целей. Как правило, на таком уровне масштаб привлечения военной силы не выходил за рамки подтверждения верности союзническим обязательствам, демонстрации силы, переброски сравнительно небольших контингентов войск в кризисные районы, оказания военно-технической помощи, организации "воздушных мостов", направления групп советников и инструкторов.

В качестве примера подобного использования вооруженных сил можно привести действия, предпринимавшиеся во время событий в Лаосе (1955-1965 гг.), событий в Конго (1964 г.), Таиланде (1965-1985 гг.) и Сальвадоре после 1979 г.

Второй уровень использования вооруженных сил может быть охарактеризован как более масштабное, по сравнению с первым уровнем, задействование войск в качестве одного из важнейших инструментов реагирования на кризисы. В качестве форм применения военной силы использовались демонстрации силы и угрозы ее применения, переброска крупных контингентов войск, создание и развертывание группировок войск, проведение совместных учений, психологических операций, активизация разведывательной деятельности. При этом уже имели место боевые действия.

К примерам, в которых проявились именно эти формы и способы использования вооруженных сил, можно отнести развитие военно-политической обстановки на Корейском полуострове после 1953 г.; события в Ливане (1958 г.) и Доминиканской Республике (1960-1962 гг.); кризис, связанный с захватом американских заложников в посольстве США в Иране (1980 г.); гражданская война в Никарагуа и события вокруг нее; борьба с наркобизнесом в Латинской Америке (с 1986 г.); ухудшение американо-панамских отношений (1987-1989 гг.); межгосударственные, этноконфессиональные вооруженные столкновения на территории бывшей Югославии, а также ряд других региональных конфликтов.

Третий уровень использования вооруженных сил предполагает их непосредственное участие в боевых действиях против конкретного противника. В ходе этих конфликтов военная мощь применялась для достижения поставленных целей в чрезвычайно широком диапазоне форм и методов, таких как: противоповстанческие (противопартизанские) действия; карательные экспедиции; поддержка повстанческих движений; операции по установлению мира; операции по борьбе с наркобизнесом и терроризмом; операции по освобождению заложников; бомбардировки и обстрелы тер-

ритории; операции по защите международного судоходства; осуществление морской и воздушной блокады; операции по поддержке дружественных режимов; осуществление региональных интервенций.

Перечень вооруженных столкновений и кризисных ситуаций в спектре малых войн, в ходе которых реально использовались вооруженные силы в наступательных и оборонительных боевых действиях, достаточно обширен. В качестве наиболее известных примеров можно упомянуть события и факты, имевших место в период 1946-1993 гг.:

- защита территориальной целостности Тайваня от притязаний Китая (1953-1959 гг.);

- ведение боевых действий на территории Вьетнама (1955-1965 гг.), а также в других странах Индокитая в период 1955-1972 гг.;

- неудачная высадка морского десанта на побережье Кубы (1961 г.); региональная интервенция в Доминиканскую Республику (1965 г.) и операции по нормализации обстановки на ее территории (1965-1966 гг.);

- региональная интервенция против Гренады (1983 г.);

- защита международного судоходства в Персидском заливе (1987-1988 гг.);

- региональная интервенция против Панамы (1989 г.);

- действия в Сомали: оказание гуманитарной помощи, операции по установлению мира, карательные экспедиции (1992-1993 гг.).

Четвертый уровень использования вооруженных сил отличается от предыдущего лишь масштабами, размахом, продолжительностью боевых действий, а также составом привлеченных сил и средств, уровнем понесенных потерь.

Участие вооруженных сил развитых государств мира в боевых действиях ограниченного масштаба имеет ряд существенных особенностей.

Во-первых, эти страны обладали полным военно-стратегическим и военно-техническим превосходством над своими противниками, что явилось основной предпосылкой достижения ими успеха с чисто военной точки зрения.

Во-вторых, даже в самых незначительных по масштабам конфликтах явно прослеживалось стремление обеспечить в глазах мировой общественности законный характер применения военной силы.

В-третьих, в ряде случаев странам НАТО удавалось придавать предпринимавшимся акциям коллективный характер, привлекая к участию в них основных союзников по блокам.

В-четвертых, военно-политическое руководство стран НАТО старалось обеспечить минимизацию своих людских потерь и достижение целей вооруженного вмешательства в кратчайшие сроки.

В-пятых, выбор средств нанесения вооруженного поражения противнику в боевых действиях ограниченного масштаба, особенно в 80-е годы и в настоящее время, определялся не только необходимостью добиться реализа-

ции поставленных задач, но и желанием придать действиям вооруженных сил формально ограниченный характер. Это предопределяло приоритетное применение высокотехнологичных видов оружия и военной техники и нанесение выборочных ("хирургических") ударов по объектам, выведение из строя которых дезорганизовывало сопротивление противника. Классическим примером такого использования вооруженных сил являются региональные интервенции против Гренады и Панамы.

Одной из достаточно распространенных форм использования вооруженных сил явились противопартизанские (противоповстанческие) действия. Историческая практика применения вооруженных сил стран НАТО и, в частности, специально подготовленных подразделений из состава сил специального назначения (операций), свидетельствует о том, что прямое использование военной силы в противоповстанческих операциях было не всегда удачным для этих стран. После войны в Индокитае, в течение которой вооруженные силы активно использовались для ведения противопартизанской войны, западные страны старались, как правило, избегать открытого применения военной силы для борьбы с повстанческими движениями.

В послевоенный период для предотвращения развязывания большой войны мировые державы в течение десятилетий проводили политику "устрашения", основу которой составляли ядерные и многочисленные обычные силы. Тем не менее средства, казалось бы, гарантирующие достижение успеха на высшем уровне вооруженного конфликта, совсем необязательно оказывались эффективными применительно к другим уровням военного противоборства.

При анализе стратегических и тактических концепций использования вооруженных сил основных мировых держав, их оргштатной структуры и технической оснащенности становится ясно, что виды вооруженных сил, рода войск и службы, как правило, ориентированы для ведения большой войны: всеобщей ядерной или обычной. Вместе с тем принципы использования вооруженных сил в малых войнах сильно отличаются от принципов ведения большой войны. Вследствие этого доктринальные взгляды по использованию вооруженных сил, их оснащение и боевая подготовка по большей части не соответствуют практике ведения малых войн, особенно в случаях противоборства регулярных сил с иррегулярными.

Как свидетельствует мировая практика, в настоящее время ни политический, ни военный истеблишмент не реагирует еще в полной мере на возникающие реалии современности. Не происходит быстрой и главной адекватной реакции на меняющийся спектр конфликтов, как этого требуют существующие и потенциальные конфликтные ситуации. В этой связи способность вооруженных сил вести малые войны продолжает рассматриваться в качестве второстепенной. В подобных ситуациях все еще принято больше полагаться на импровизацию, чем на точный и обоснованный расчет.

Следствием слишком большой приверженности принципам "правильного" ведения войны стало то, что основные державы мира (США, Франция, Великобритания) достигли незначительных военных успехов в послевоенный период в области ведения малых войн. Это отнюдь не означает, что военные ведомства этих стран целиком и полностью виноваты в случившихся неудачах, а также в отсутствии успеха в действиях подобного рода. Проблема в первую очередь заключалась в менталитете военно-политического истеблишмента, определявшего задачи по строительству и использованию вооруженных сил. В развитых странах еще не созрело понимание того, что "полицейские" операции, операции по поддержанию мира, противоповстанческие и антитеррористические операции являются частью одной, очень длительной войны, состоящей из множества небольших, часто трудно поддающихся определению кратковременных боев и сражений, происходящих в различных местах против "одного и того же противника". Малые войны имеют критическое значение для безопасности государства. Если оно не может успешно вести малую войну, то не обладает и способностью остановить проникновение насилия в любой форме на свою территорию и поддерживать внутренний порядок, совместимый с национальными интересами и безопасностью.

Как отмечают некоторые зарубежные военные теоретики, такие войны как индо-пакистанская, ирано-иракская и ближневосточная все еще могут иметь место, но не так часто как это было раньше. Неоднократные вторжения Израиля в Ливан стали своего рода предвестником будущих военных столкновений. В Ливане израильтянам пришлось вести борьбу с двумя противниками - ООП и сирийскими войсками - к каждому из которых применялась своя тактика и различные способы вооруженной борьбы. В результате получилась война с постоянно меняющейся тактикой действий линией соприкосновения с противником; импровизированная война - наполовину противоповстанческая, наполовину обычная. Спектр конфликтов постоянно расширяется, и тот, кто не понимает этого - отстает от своего времени. Справедливо и то, что передовая технология создает новые источники потенциального конфликта, что в свою очередь делает взаимозависимые индустриальные государства Запада болееязвимыми от возникающих новых кризисных ситуаций. Однако большая часть их бюджетных ассигнований, выделяемых на оборону, расходуется на поддержание и совершенствование ядерных и обычных сил, несмотря на тот очевидный факт, что доминантной в спектре конфликтов будущего будут малые войны. Тем не менее в ряде стран в военных ведомствах и в структурах ВПК существует сильное предубеждение против кардинальных изменений в выделении средств на другие статьи "сходов, т.к. это влечет за собой серьезные служебные изменения и пересмотр заказов тех заинтересованных кругов и организаций, которые

строили свое благополучие на приверженности теориям ядерной и обычной войн. Определенные круги стали заложниками технологического фетишизма и игнорируют один из основных принципов войны - простоту действий.

После всех социально-политических изменений, произошедших в последнее время на мировой арене, пришло время выбирать нужные ориентиры в области большой стратегии. В настоящее время необходимо осмыслить оптимальные военные потребности с учетом изменений, происходящих в характере и формах современного конфликта. Безопасность государства настоятельно требует изменений образа военного мышления. При этом необходимо делать упор на способность вести последовательно или одновременно малые войны и иметь в своем распоряжении высокомобильные войска, обладающие способностью к переброскам как внутри ТВД, так и между различными театрами.

Участие в урегулировании региональных кризисов, обеспечение передового присутствия войск (сил) в мирное время и военные действия в рамках "кризисного реагирования" станут основными факторами, определяющими численность и структуру вооруженных сил, а также характер их боевого применения. А это означает, что строительство и подготовку вооруженных сил ведущие государства будут продолжать проводить с учетом обеспечения их готовности к решению задач в крупномасштабной войне. Ибо практически невозможно сегодня строить армию только применительно к малым войнам, а завтра вдруг перестроить ее для других задач. В связи с этим основы для решения крупных задач будут закладываться изначально.

Вместе с тем совершенно очевидно, что в современных условиях и в ближайшем будущем наиболее вероятна угроза возникновения именно малых войн. Поэтому требуется первоочередная готовность армий и флотов к решению задач в подобного рода войнах. Но обойтись только мобильными силами вряд ли удастся. Мобильные силы могут вести самостоятельные боевые действия лишь ограниченное время и в последующем нуждаются в усилении. Снабжение войск и все виды боевого, материального и технического обеспечения придется осуществлять в условиях нарушенных коммуникаций. Потребуется четкая организация управления и взаимодействия мобильных сил с частями и подразделениями сухопутных войск, ВВС, ПВО, а на приморских направлениях и военно-морскими силами.

С учетом изменившихся условий возникновения и ведения войн в наше время гибкость принятия военно-политических решений и использование более разнообразных способов применения вооруженных сил становятся особенно актуальными и перспективными.

Чтобы не оказаться заложниками будущего, уже сегодня необходимо учитывать перспективные тенденции в развитии вооруженных сил и средств вооруженной борьбы, предвидеть характер возможных войн по защите Отечества.

Возможны два основных направления решения этой задачи: во-первых, создание относительно небольших по численности, оснащенных самыми современными оружием и военной техникой, автоматизированными средствами управления войсками и оружием высокомобильных вооруженных сил. Во-вторых, установление и укрепление союзнических отношений с государствами в различных регионах мира, и в первую очередь со странами СНГ.

3. Роль невоенных методов борьбы с партизанами и повстанцами

Основываясь на опыте Вьетнамской войны, колониальных войн и прецедентах осуществления вооруженных акций в странах "третьего мира", западные военные аналитики следующим образом суммируют основополагающие принципы проведения операций по разрешению конфликтов применительно к странам и территориям, на которых действуют организованные повстанческие движения:

- при проведении крупномасштабных противоповстанческих операций основным объектом воздействия является население страны (территории);

- активность спецслужб, полиции (внутренних войск) и вооруженных сил в равной степени концентрируется как на противодействии повстанцам, так и на работе с местным населением;

- ликвидация источников материально-технического снабжения повстанцев и устранение политических, экономических, социальных и иных факторов существования экстремистских движений являются приоритетными задачами в сравнении с уничтожением их боевых формирований;

- одной из первостепенных задач является завоевание доверия местного населения, однако наиболее важная цель заключается в обеспечении общественной поддержки этой акции во внутривнутриполитической жизни, страны;

- все территориальные программы развития, осуществляемые в рамках "гражданских операций вооруженных сил", должны преследовать цель политического объединения населения страны;

- для постоянного информирования населения о запланированных программах развития и промежуточных результатах их осуществления на соответствующей территории создается специальный орган;

- программы развития планируются и осуществляются таким образом, чтобы они давали наибольшие результаты при максимальном участии и инициативе местного населения;

- правительство предпринимает меры по предоставлению общественности конкретных доказательств того, что сотрудничество с властями носителей социально-политического недовольства дает им большие преимущества, чем поддержка сил сопротивления;

в восстановительный период борьба с повстанцами имеет ограниченный характер и имеет своей первостепенной целью их нейтрализацию, сдерживание активности до пределов, не угрожающих распространению в масштабах страны и необходимостью отвлечения на меры противодействия значительных сил и средств¹⁵².

Таким образом, традиционная функциональная роль воинских контингентов, осуществляющих силовую акцию в противоповстанческих операциях сориентирована на обеспечение лояльности местного населения и создание благоприятного общественного климата. В этой связи западные военные специалисты признают, что все недостатки участия вооруженных сил в ограниченных операциях проистекали как в организационном, так и в концептуальном планах из-за того, что они рассматривались в качестве "уменьшения копий больших войн". Отсюда следуют по меньшей мере два важных вывода. Первый - подразделения, осуществляющие силовые акции против незаконных вооруженных формирований, должны быть подготовлены для решения специфических военных, разведывательных, полицейских, административных, социальных, дипломатических и иных задач, большая часть которых в обычной обстановке является обязанностью гражданских властей. И второй - в отличие от обычной войны "победа" в противоповстанческой войне означает не физическое уничтожение противника, а создание в стране (на территории) таких условий, в которых достижение повстанцами своих политических целей становится практически неосуществимым.

Следует подчеркнуть, что выбор преимущественно невоенных средств воздействия не обусловлен преобладанием пацифистских тенденций, а просто трезвым прагматическим выводом относительно того, что такая линия поведения в противоповстанческой борьбе наиболее эффективна. Этот курс, напротив, не исключает применения в ряде случаев экстремальных мер.

Военная сверхреакция на активность повстанцев противоречива по результатам, поскольку служит фактором героизации отстаиваемого ими дела, хотя мобилизация против них крупных сил одновременно может подталкивать и к выбору политических средств решения проблемы, обуславливаемого фактом признания за противной стороной бескомпромиссной решимости в свою очередь использовать силу. Во всем мире политические экстремисты мыслят категориями непрерывного развития успеха при использовании силы и, как констатируют зарубежные специалисты по этой проблеме, руководствуются принципом: если противник отступает - мы наступаем. Гуманные акты со стороны официальных властей не имеют, как правило, адекватной реакции в среде политических экстремистов, фанатиков - фундаменталистов и националистов.

Одним из наиболее характерных прецедентов является индийский опыт борьбы с повстанцами. Наиболее благоприятные условия для нейтрали-

¹⁵² Intelligence Requirements for the 1990's. Edited by Roy Godson. National Strategy Information Center, Inc., 1991. P. 115-125.

зации активности сепаратистов в штате Пенджаб были связаны с отменой в 90-х годах президентского правления, проведением выборов и вовлечением по инициативе правительства в переговорный процесс лидеров "непримиримых" группировок. В то же время во второй половине 80-х годов, когда Пенджаб был объявлен "зоной террористической активности", на территорию штата были введены крупные контингенты армии и сил безопасности и объявлено прямое президентское правление, число жертв террористической деятельности ежегодно удваивалось и одновременно еще большими темпами росло число халистанских боевиков.

Отличительной особенностью сепаратистского кризиса в Нигерии является то обстоятельство, что методом его разрешения было избрано уничтожение вооруженных сил объявившей о своем отделении провинции. Тем не менее даже в ситуации полной военной победы, обеспечившей правительству свободу действий, была сделана ставка на политические средства окончательного урегулирования, в частности, принята программа национального развития, объявлено о принятии новой конституции, реорганизации вооруженных сил, переходе к гражданской форме правления, борьбе с коррупцией.

Эксперты ООН, так же как и западные военные специалисты, полагают, что основным объектом воздействия в противоповстанческой войне является народ и рекомендуют прикомандировывать к воинским контингентам, осуществляющим акции умиротворения, гражданских специалистов-психологов, этнографов, юристов и др. в зависимости от ситуации, которые бы еще в ходе силовой акции готовили соответствующие предложения по наиболее эффективным путям стабилизации обстановки в постконфликтный период.

Осуществление "гражданских операций" является обязанностью командиров всех степеней армии США. Поскольку указанные операции проводятся в целях нормализации взаимоотношений в системе "военные - гражданские власти" и "территории - местное население", координация этой работы представляет собой весьма сложную проблему с изменяющимися в зависимости от эволюции повстанческого движения приоритетами.

На этапе формирования предпосылок к появлению группировок, делающих для достижения своих целей ставку на насилие, наиболее важным является своевременное осуществление комплекса социально-экономических мероприятий, способствующих предотвращению выхода повстанческого движения за рамки скрытой фазы, что, в свою очередь, позволяет задействовать свободные военные ресурсы, которые в противном случае были бы использованы для проведения тактических операций, на приоритетное осуществление гражданских проектов. Иными словами задачей правительства является перехват инициативы в осуществлении тех изменений в стране (на территории), которых хотят простые люди, поддерживающие пов-

¹⁵³ Haffin John. War Annual 1. Brassey's Defence Publishers. 1986. P. 69-73.

станцев. Главное условие успешной контрпартизанской войны состоит в том, чтобы ее осуществление не приводило бы одновременно к отчуждению народа страны от ее правительства.

На фазе открытых партизанских выступлений первостепенное внимание в рамках "гражданских операций" уделяется осуществлению двуединой стратегической цели - защите безопасности населения и завершению военной фазы борьбы таким образом, чтобы исключить возобновление вооруженных форм противостояния правительства и повстанцев. В ситуации активных боевых действий обычный объем "гражданских операций" военных существенно сокращается, однако при этом сохраняется их обязательный минимум, предусматривающий оказание медицинской помощи больным и раненым гражданским лицам, распределение продуктов питания и одежды, предоставление убежищ для беженцев, оказывающихся в опасных зонах¹⁵⁴.

При проведении контрпартизанских операций для более эффективного осуществления "гражданских операций" к участию в их реализации следует активно привлекать церковь, деловые круги и частных лиц, поскольку это создает более благоприятные условия для формирования общественного консенсуса.

Американские военные специалисты, принимавшие участие в вооруженной акции США в Панаме, на основе своего опыта отмечают следующие особенности "гражданских операций", проводимых армией. Там, где это возможно, "гражданские операции" должны осуществляться в рамках долгосрочной программы умиротворения. Ее приоритетная цель на первых фазах развития конфликта - добиться, чтобы осуществление военных действий не привело к возрастанию враждебности населения по отношению к правительству. Для этого в зонах ведения боевых действий военные оказывают помощь местному населению вплоть до того времени, когда этими вопросами смогут заняться гражданские власти.

При осуществлении "гражданских операций" в зонах партизанской активности, по мнению западных специалистов, следует уделять особое внимание целенаправленному использованию военных инженеров и медиков. Задействованные в акции подразделения должны иметь для этого дополнительное оборудование и специалистов. На инженерные войска, например, возлагаются задачи развития социально-экономической инфраструктуры. Они должны быть в состоянии прокладывать дороги, возводить мосты и такие сооружения как рынки, школы, бурить скважины для обеспечения местного населения питьевой водой и т.д.

Работа с населением является неотъемлемой и приоритетной частью стратегии стабилизации¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Operations other than war. Center for Army Lessons Learned. № 93-1. January 93.

¹⁵⁵ Unified Actions Armed Forces. JSC Pub. 2; FM 27-10, Rules of Hand Warfare; FM 41-5, Joint Manual of Civil Affairs/Military Government; FM 4BIO, Civil Affairs Operations.

Ликвидация сил сопротивления (повстанцев) военно-полицейскими методами повышает доверие к правительству, однако предотвращение роста числа повстанцев может быть эффективно обеспечено устранением условий, ведущих к формированию носителей социального недовольства, готовых к достижению своих целей с использованием оружия. Поскольку политические, экономические и социальные меры, предпринимаемые в чрезвычайной обстановке, всегда осуществляются в ситуации нехватки средств и не могут быть сразу адресованы в равной мере всем нуждающимся слоям населения, то в первую очередь помощь оказывается престарелым, детям, инвалидам и раненым, а также лицам, продемонстрировавшим властям лояльную заинтересованность в исходе борьбы между правительством и силами сопротивления.

Наиболее важная проблема в работе с населением в период стабилизации внутривластной обстановки в отдельно взятом регионе заключается в сосредоточении усилий по превращению отдельных граждан, семей и групп, самостоятельно борющихся за выживание, в сообщество людей, объединенных стремлением к единой общегосударственной цели. Достигается это путем создания по инициативе и при поддержке правительства территориальных (штат, провинция, зона, город, район) организаций и объединений групп местного населения, которые помимо традиционно функционирующих, служат каналом прямой связи правительства и населения¹⁵⁶.

В восстановительный период в полном объеме не может быть решена задача предотвращения насильственных актов, осуществляемых силами сопротивления. В данном случае властям не следует реагировать на вылазки экстремистов ответным крупномасштабным насилием, так как эта тактика, как правило, совершенно не продуктивна. В таких случаях наиболее целесообразно руководствоваться следующим правилом - уровень насилия, к которому прибегают власти, должен быть минимальным и определяться в зависимости от ситуации стремлением либо локализовать районы вылазок экстремистов определенной территорией, либо ограничить их во времени. Операции, осуществляемые для этого властями, должны сопровождаться пропагандистскими кампаниями, обеспечивающими их общественную поддержку. В политическом плане хорошие результаты достигались за счет негласной поддержки, либо прямого инспирирования правительством создания объединений из числа носителей социально-политического недовольства, стоящих на платформе ненасильственного разрешения своих проблем.

Вместе с тем для контроля за населением в рамках "гражданских операций" проводится также комплекс мер специального характера, в частности: скрытое или демонстративное наблюдение за населением на территории осуществления акции;

¹⁵⁶ Operations other than war. Center for Army lessons learned. № 93-1. January 93.

контроль за передвижением людей и материальных средств, создание пропускных пунктов на дорогах, соблюдение комендантского часа, об-
лавы и контроль беженцев;

выдача местному населению временных документов;

рационализирование потребления и контроль за ценами на продукты первой необходимости.

По мнению западных военных специалистов, из числа сил профессионально предназначенных для противодействия экстремистам (спецслужбы, полиция, армия, полувоенные формирования) решающая роль должна принадлежать полиции. Накопленный опыт говорит о том, что в различных государствах мира, где выступления повстанцев оказали наиболее дестабилизирующее влияние на внутривнутриполитическую обстановку, это явилось прежде всего результатом слабости работы полиции, обусловливаемой, как правило, двумя факторами - неудовлетворительной профессиональной подготовкой и коррумпированностью личного состава.

Как институт власти, осуществляющий непосредственный контакт между правительством и народом, полиция, в числе других механизмов принуждения, ближе всех находится к очагам недовольства и противоправной деятельности. При правильной организации работы полиция, по сравнению с военными, гораздо лучше подготовлена, организована и экипирована для противодействия экстремистским формированиям на начальных фазах их активности. Использование полиции обеспечивает также решение важнейшей задачи превентивного устранения угроз. Кроме того, анализ опыта противоэскалаторной борьбы свидетельствует о том, что психологически население гораздо легче воспринимает меры, ограничивающие права человека, если они осуществляются полицией, а не боевыми частями вооруженных сил.

В нормативных документах армии США по работе с населением подчеркивается, что до сведения граждан должна незамедлительно доводиться детальная информация о придании армейским подразделениям и правоохранительным органам дополнительных нрав в чрезвычайной обстановке с тем, чтобы их действия не воспринимались как произвол. Неизбежное в подобных ситуациях возрастание числа правонарушений требует упрощенной процедуры судопроизводства. Поскольку осуществление "гражданских операций" неизбежно сопряжено с нарушением основных прав человека, местному населению разъясняется, что принятие этих мер является вынужденной реакцией на активность повстанцев и будет отменено вместе с прекращением партизанских вылазок¹⁵⁷.

Важной формой работы военных с населением является проведение в рамках акций умиротворения массовых митингов. В этой связи необходимо упомянуть о специальных мерах безопасности, которые необходимо

¹⁵⁷ T. Stephen Hosmer. Constraints on U.S. Strategy in Third World Conflict. September 1990. P. 69-75.

применять, так как повстанцы с помощью провокаторов могут организовать при проведении митинга или демонстрации "стихийный взрыв масс", в результате которого ситуация может выйти из под контроля правительственных сил.

По мнению военных специалистов, важным условием достижения успеха в противоповстанческих операциях является проведение пропагандистской работы, квалифицируемой в западной военной терминологии как "психологические операции". Объектами их проведения являются повстанцы, противостоящие им контингенты вооруженных сил, нейтральные политические группировки, внешние силы, поддерживающие повстанцев извне. Основным объектом воздействия является гражданское население и, в первую очередь, та его часть, которая к моменту осуществления акции не определилась в выборе своих политических приоритетов¹⁵⁸.

Партизанская война - это война политическая, первоочередным объектом которой является человек. Такой подход превращает операции по воздействию на психологию в решающий фактор, предопределяющий исход партизанской войны.

Целью психологических операций должно быть оказание целенаправленного воздействия на людей, входящих в профессиональные группы и иные ассоциации, которые следует подчинять своему влиянию прежде всего. По мнению аналитиков ЦРУ, к первоочередным объектам психологической обработки относятся врачи, учителя, священники, бизнесмены, юристы, землевладельцы, чиновники и другие люди, пользующиеся влиянием у местного населения.

Психологические операции осуществляются в соответствии с заблаговременно подготовленным директивным планом, на основании которого военные и гражданские власти на месте разрабатывают свои планы с учетом локальной специфики.

В отличие от других пропагандистских мероприятий конечным информационным результатом психологической операции является обеспечение позитивного отношения и концентрация внимания населения на уже осуществленных, а не планируемых правительством или местными властями программах.

Простейшая психологическая операция строится, как правило, по следующей схеме: внимание населения привлекается к одной из наиболее успешно решенных проблем в рамках "гражданских операций" военных, а затем раскрываются угрозы, которые таит в себе активность повстанцев в отношении возможности дальнейшего продолжения этой программы с четким акцентом на то, что конкретно в этой ситуации требует защиты. Психологические операции осуществляются путем расклеивания листовок, плакатов, теле- и радиосообщений, устного распространения соответствующих сведений. Последние, по наблюдениям военных специалистов,¹⁵⁸

The United States Army. A Dictionary. 1991. P. 617.

наиболее эффективны, и если они осуществляются специально подготовленными людьми, одновременно изучающими реакцию на услышанное, то являются и важным источником оперативной информации.

При проведении контрпартизанских акций в городах с участием регулярных подразделений вооруженных сил первостепенное внимание в рамках психологических операций следует уделять людям и органам, формирующим общественное мнение. С их помощью решается задача разъяснения и обеспечения благоприятного восприятия населением действий войск. Одновременно на всем протяжении операции проводится индивидуальная работа с задействованным личным составом с разъяснением личной роли каждого военнослужащего в решении поставленной перед войсками задачи в конкретном населенном пункте. Успех военных операций в большой степени зависит от способности командиров предвидеть психологические и политические последствия действий, предпринимаемых их подразделениями.

Здесь следует отметить и такую деталь, как необходимость быстрой ликвидации видимых последствий террористических и иных акций повстанцев в городах (уборка трупов, расчистка завалов, пепелищ, заделка воронок и т.п.) с тем, чтобы предотвратить негативное психологическое воздействие этих акций на лиц, не являющихся их непосредственными свидетелями.

В 1986 г. американские аналитики подготовили доклад об опыте проведения специальных операций в рамках контрпартизанской борьбы в Центральной Америке. При этом подчеркивалось, что эффективному проведению операций мешали, в частности, внутри- и межведомственные разногласия в системе государственного управления США. Прежде всего это касалось чисто военной стороны дела, несогласованности действий между родами войск, вплоть до попыток одновременной реализации различных подходов к решению поставленной задачи. Возникали конфликты по поводу получения дополнительных ассигнований. Не достигалась должная степень координации во взаимодействии министерства обороны, ЦРУ, госдепартамента и других служб¹⁵⁹.

Из-за специфики противоповстанческой борьбы с самого начала ее развития силовые структуры должны решать проблему создания на территории, охваченной повстанческим движением, новой системы политического контроля. Это означает, что важность, а зачастую и приоритетность осуществления социально-экономических и политических программ требует особого внимания к проблеме налаживания сотрудничества между военными и гражданскими органами и должностными лицами. На это же обстоятельство указывают английские и французские военные специалисты обобщающие опыт действий своих стран в противоповстанческих операциях.

¹⁵⁹ Haffin John. War Annual 1. Brassey's Defence Publishers. 1986. P. 35-39,43-59

Проблема взаимодействия военных и гражданских властей с локальными структурами управления при осуществлении крупномасштабных противоповстанческих операций может быть решена путем создания в районах их проведения территориальных координационных центров.

Для организации планирования, координации работы и осуществления текущего контроля за деятельностью всех воинских частей, подразделений и гражданских правительственных учреждений создаются объединенные гражданско-военные координационные центры, которые в какой-то мере дублируют военные командные центры либо правительственные административные учреждения, однако, как подчеркивают американские специалисты, первые не подменяют вторых.

Основная функциональная роль таких центров, обуславливающая необходимость их создания, заключается в осуществлении интегрированного планирования, координации и управлении всеми мероприятиями по стабилизации внутривластной обстановки, предпринимаемыми по различным направлениям.

Координационные центры начинают свою работу сразу же после завершения военной фазы противоповстанческой операции. После прекращения огня, когда еще не будут сформированы полновесные структуры местной власти, а полномочия центральной власти могут быть пока не признаны в необходимом объеме, основная задача территориального координационного центра заключается в выполнении роли связующего звена между правительством страны, местной властью и временной военной администрацией.

В его состав входят представитель военного командования на данной территории, служащие полиции, органов безопасности, служб общественной информации и психологических операций, других местных и федеральных органов правительства, занимающихся реализацией экономических и социальных программ.

Для организации поддержки населения в ходе осуществления программ развития и борьбы с повстанцами, а также для оказания помощи координационным центрам создаются гражданские консультативные комитеты, в состав которых могут входить: начальник местной полиции, священнослужители соответствующих конфессий, судьи и учителя, представители медицинских служб, редакторы и руководители местных СМИ, представители профсоюзов, влиятельные бизнесмены, авторитетные граждане.

Как показывает опыт противоповстанческой борьбы в Гватемале и Сальвадоре, работа консультативных комитетов и координационных центров дала хорошие результаты и в значительной степени способствовала процессу умиротворения в этих странах.

Во многих странах средства массовой информации, в первую очередь, телевидение, превратились из технического средства распространения информации в эффективный инструмент осуществления политики. Западные

специалисты, изучавшие реакцию общественного мнения, законодательных органов и СМИ в ситуациях использования правительствами их стран вооруженных сил, пришли к выводу, что, как правило, она включает полярные точки зрения и с течением времени становится все более негативной по своему характеру. При этом отмечается, что в кризисной ситуации люди больше всего доверяют телевизионным репортажам, чуть меньше - газетной информации и наименее всего - оценкам событий политиками.

Демонстрация по американскому телевидению тяжелых сцен гибели военнослужащих вооруженных сил США и натуралистических кадров умерщвления вьетнамцев заставили президента Л.Джонсона фактически требовать от своих военных, чтобы они "выиграли войну, не ведя ее". Судя по газетным публикациям, подобная линия поведения предписывалась и российским контингентам вооруженных сил на первых фазах проведения чеченской операции.

На основе подобных точек зрения зарубежные исследователи делают вывод, что если в военной акции победа недостижима, либо такая цель вообще не ставится, то ее общественная поддержка неуклонно ослабевает, равно как и шансы на успех политического курса, обусловившего ее осуществление. Тогда важнейшими задачами государства становятся обеспечение внутривластного согласия и упорядочение работы СМИ.

Американские исследователи североирландского кризиса пришли к заключению, что "истинная война" между правительством Великобритании и экстремистами из Ирландской республиканской армии велась за внимание, уделяемое этой проблеме газетами и телевидением. Боевики ИРА преследовали цель сделать боязнь насилия в стране фактором массового сознания и ослабить правительство, демонстрируя его неспособность предотвратить террористические акты. В свою очередь, британские власти, заняв жесткую позицию в отношении СМИ, обеспечили тем самым дозированное освещение активности боевиков ИРА и, не замалчивая ее опасность, не допустили тем не менее ни гипертрофированного резонанса вокруг жертв, ни дестабилизирующей общественный консенсус истерической реакции прессы и телевидения на силовые акции правительства.

Подобная линия поведения в отношении проблемы освещения североирландского кризиса в английских СМИ являлась неотъемлемой частью общей тактики его разрешения, все мероприятия в рамках которой, начиная с визуального наблюдения за обстановкой в Ольстере и кончая контактами официальных властей с представителями ИРА, проводились в обстановке секретности, исключаяющей любые поводы для взбудораживания населения и объективно неизбежную в противном случае политическую рекламу деятельности экстремистов.

Из латиноамериканского опыта организации информирования общественности в периоды как внутривластных, так и межгосударственных

конфликтов следует, что чем больше правительственные структуры сотрудничали с отечественными и зарубежными СМИ, тем больше они получали возможностей для отражения в СМИ собственной точки зрения на происходящие события. Как отмечают зарубежные исследователи, залог успеха в благоприятном для правительства освещении событий в периоды кризисов заключается в инициативном предложении достоверной информации о развитии ситуации СМИ, политическим организациям, партиям и представителям "народной дипломатии". В дополнение к этому стратегическая цель мероприятий в области общественной информации - обеспечить поддержку действий правительства в международном сообществе и исключить ее оказание повстанцам.

Одной из наиболее сложных проблем является упорядочение присутствия представителей средств массовой информации в районах осуществления крупномасштабных военных акций. Министерство обороны США имеет, например, заведомо определенный круг журналистов с предсказуемой политической позицией, из числа которых в зависимости от ситуации составляются списки допущенных в зоны операций, осуществляемых американскими войсками. Этот путь, однако, чреват возникновением недовольства и нарушением конструктивного взаимодействия сторон. Предпочтительным в этом отношении представляется порядок взаимодействия военных и сотрудников средств массовой информации, принятый во Франции.

Для своевременного информирования общественности и налаживания сотрудничества со СМИ при проведении французскими войсками операций в Ливане и Чаде при командующих французскими силами на театре военных действий были созданы пресс-бюро, в которые вошли служащие управления по связям с общественностью и оборонной информации министерства обороны Франции. С точки зрения этих задач весьма полезным оказалось прикомандирование военных специалистов пресс-службы к отдельным подразделениям. Их функция заключалась в предоставлении информации по запросам общественности и брифинги журналистов с соблюдением при этом конфиденциальности тех сведений, неразглашение которых командование считало важным для успешного проведения операций. Контакты других военнослужащих с представителями СМИ не допускались.

Сопоставляя подходы различных стран к проблеме регулирования взаимоотношений официальных властей, военных и СМИ в кризисной обстановке, целесообразно воспользоваться их опытом, взяв на вооружение принятые в них нормы и правила работы средств массовой информации в чрезвычайных обстоятельствах, затрагивающих национальные интересы страны.

В качестве иллюстрации всему вышесказанному целесообразно рассмотреть особенности развития и разрешения североирландского кризиса, ко-

торый в течение многих лет оказывал серьезное влияние на внутривнутриполитическую обстановку в Великобритании¹⁶⁰.

Как известно, комплекс предпосылок, приведших к конфликтному состоянию отношений между Великобританией и входящий в ее состав Северной Ирландией, включает традиционные противоречия между метрополией и бывшей колонией, национально-религиозную рознь между протестантским большинством и католическим меньшинством провинции, а также имеющую исторические корни межобщинную вражду. Однако первопричиной возникновения кризиса являются сепаратистские устремления воинствующих католиков Ольстера, реализуемые с использованием насильственных средств.

В связи с обострением обстановки в провинции правительство Великобритании вынуждено было в 1969 г. ввести в Северную Ирландию регулярные войска для восстановления порядка (в 1973 г. их численность превысила 20 тыс. чел.). По данным английских источников, в 1969-1989 гг. в североирландском кризисе погибло 2771 чел. и свыше 30 тыс. получили ранения, боевиками было осуществлено 8200 взрывов, 8300 поджогов и около 14 тыс. вооруженных ограблений. В этот период в результате межобщинных столкновений и активизации деятельности Ирландской республиканской армии, - экстремистской группировки, борющейся насильственными методами за выход Ольстера из Соединенного Королевства и воссоединение с Ирландией, - политическая и экономическая жизнь провинции оказалась практически парализованной. Несмотря на активные меры противодействия властей Ольстера и Ирландии, боевики ИРА в течение длительного времени безнаказанно действовали с территории Ирландии, а контрабанда на границе между двумя странами превратилась в "индустрию", наносящую серьезный экономический ущерб.

Разрешение кризиса в этих условиях представляло по своей сути тупиковую военно-политическую задачу. Придя к выводу о том, что всеобъемлющее и окончательное решение проблем Северной Ирландии, прежде всего нейтрализация политического терроризма, а также других факторов дестабилизации обстановки - социально-экономических, национально-религиозных, правовых и исторических невозможно и недостижимо военным путем, правительство Великобритании разработало курс на умиротворение, основными компонентами которого стали следующие меры:

1) роспуск парламента и правительства формально автономной Северной Ирландии и введение прямого управления из Лондона;

2) создание правительством Великобритании видимости своей готовности к политическому компромиссу. В 1985 г. между Соединенным Королевством и Ирландией было подписано Хиллсборское соглашение, значительно способствовавшее нормализации ситуации, в котором стороны зафиксировали свое согласие с тем, что возвращение Ольстера в состав Ир-

¹⁶⁰ Haffin John. War Annual 1. P. 119-197.

ландии "в принципе возможно", оставив за скобками сроки реализации договоренности;

3) секретные переговоры официальных властей Великобритании с представителями экстремистских организаций.

Существенную позитивную роль в вопросе разрешения североирландского кризиса политическими средствами сыграла переговорная тактика. В отличие от основной, государственной (контакты между лидерами экстремистов и правительством), вспомогательная дипломатия представляет собой неофициальное взаимодействие представителей соперничающих сил или государств, имеющее своей целью неформальный поиск стратегии, ведущей к разрешению конфликта. Подобный подход особенно эффективен в ситуациях, когда свобода маневра официального лидера крайне ограничена ввиду необходимости демонстрации своей твердости перед лицом противника, открытые переговоры с которым неизбежно легитимизируют его статус¹⁶¹.

Английские и американские политологи отмечают, что эта тактика дает большие возможности официальным лидерам решать текущие задачи кризисного управления, а затем и урегулирования конфликта в первую очередь за счет того, что этот подход не предусматривает афиширование контактов. Результаты переговоров, целью которых скорее является не достижение какой-либо договоренности, а совместный анализ противостоящими сторонами складывающейся ситуации, не фиксируются официально и поэтому не могут интерпретироваться как победа или поражение ни самими участниками, ни, - важность чего особо подчеркивается, - средствами массовой информации. Подобные переговоры, как признают западные аналитики, способствовали разрешению североирландской проблемы путем создания такой среды в политическом сообществе Великобритании, в которой английские лидеры, вступившие в последнее время в официальные переговоры, почувствовали себя в большей безопасности, идя на риск, связанный с достижением урегулирования ситуации в Северной Ирландии;

4) установление особого правового режима в Северной Ирландии. Одной из наиболее кардинальных мер разрешения североирландского кризиса было принятие английским парламентом двух специальных законов, устанавливающих беспрецедентно жесткий правовой режим, предопределивший в конечном счете угасание террористической деятельности ИРА и других экстремистских организаций Северной Ирландии.

В соответствии с новыми нормами судопроизводства была существенно упрощена процедура рассмотрения дел, связанных с террористической деятельностью. В частности, было отменено право на рассмотрение подобных дел судом присяжных, в течение установленного срока задержанные не могли консультироваться с адвокатами, было ограничено право на ос-

¹⁶¹ Arthur P. Negotiating the Northern Ireland Problem: Track One or Track Two diplomacy? "Government and Opposition". Vol. 25, № 4, Autumn 1990.

вобождение под залог. В целях пресечения вооруженных вылазок был предусмотрен отказ от презумпции невиновности - кардинального принципа юриспруденции в демократической стране, - любое лицо, которому предъявлялось обвинение в незаконном хранении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, самостоятельно должно было доказывать свою невиновность.

В новом законодательстве была предусмотрена возможность привлечения на основании доноса к ответственности лиц, подозреваемых в связи с террористами. Королевская полиция Ольстера получила право на обыск и арест без предъявления ордера с последующим содержанием лица, подозреваемого в участии либо способствующего террористической деятельности, в заключении до 3 дней, которое с санкции государственного секретаря могло быть продлено до 7 дней. Подозреваемые в террористической деятельности могли быть высланы за пределы страны, при этом они могли содержаться под стражей без ордера на арест до 7 дней. Если же подозреваемое лицо задерживалось в Северной Ирландии с предъявлением ордера, то в период следствия его можно было содержать под стражей практически неограниченное время, в течение которого оно не могло обратиться с апелляцией к властям.

В уголовный кодекс были внесены статьи, предусматривающие наказания за совершение гражданами действий, затрудняющих идентификацию их личности, например, появление в общественном месте в маске. Под страхом уголовного преследования гражданам запрещалось ношение какого-либо знака или формы одежды, связанных с принадлежностью к террористической организации. Лицу, связанному каким-либо образом с экстремистами, запрещались организация и проведение публичного выступления с участием более трех человек.

В 1988 г. в Великобритании была предусмотрена обширная система мер ужесточения режима предотвращения финансовой поддержки террористической деятельности, в частности:

владение финансовыми средствами и имуществом, используемыми в целях террористической деятельности, объявлялось незаконным;

аннулировались контрактные обязательства банков и иных финансовых учреждений о неразглашении сведений о клиентах. Эти учреждения были обязаны уведомлять власти о всех подозрительных сделках с имуществом и финансами, могущими иметь отношение к террористической деятельности;

судам было предоставлено право конфисковывать имущество и финансовые средства, принадлежащие осужденным в связи с вышеупомянутыми нарушениями закона;

решением суда замораживалось заключение финансовых или имущественных сделок лицом, которому предъявлено обвинение в связи с террористической деятельностью;

правоохранительным органам было предоставлено право проверки любых банковских операций, в том числе и тех, в отношении которых ранее они законодательством не предусматривались.

С точки зрения изучения английского опыта обеспечения эффективности работы механизма принуждения в стране особо следует упомянуть законодательный запрет на сбор, хранение, публикацию и передачу информации, касающейся полиции, сил безопасности, должностных лиц суда и прокуратуры, служащих системы содержания осужденных, которая может оказаться ценной для боевиков. Уголовным преступлением является также сокрытие информации, которая наверняка или предположительно могла бы быть полезной для предотвращения или нейтрализации террористических актов.

Принятие в Великобритании упомянутых выше чрезвычайных законов по борьбе с терроризмом прямо влекло за собой нарушение признанных в любом демократическом государстве основных прав человека - свободу слова, собраний, религий, политических взглядов, право на суд присяжных, свободное перемещение и предусматривало целый ряд других ограничений. Таким образом, парламент Великобритании - страны, являющейся классическим образцом западной демократии, сознательно принес в жертву фундаментальные права человека для пресечения террористической деятельности североирландских сепаратистов.

Целесообразно также упомянуть, что в воспитанном на демократических традициях английском обществе эти изначально непопулярные меры вызвали лишь полемику. Что же касается негативной реакции демократического международного сообщества, то она последовала только через 14 лет после принятия парламентом Великобритании Закона о предотвращении терроризма, когда Европейский суд по правам человека определил, что содержание подозреваемых под арестом без предъявления обвинения нарушает Европейскую конвенцию о правах человека. Отсюда следует важный вывод: если для защиты своих национальных интересов государство временно прибегает к осуществлению экстраординарных мер, то законопослушные граждане такого государства, а также мировое сообщество, при условии, что эти меры приняты в соответствии с демократической процедурой и соответствующим образом законодательно оформлены, принимают их без излишнего драматизма;

5) совместное осуществление военно-полицейскими формированиями тактики "глубинной обороны", предназначенной для борьбы с глубоко законспирированными малочисленными группами противника методами сдерживания, изнурения и изоляции. Особая ставка делается на оперативную работу и сбор информации. Успех "глубинной обороны" был достигнут путем внедрения агентов правоохранительных органов в ИРА, ведения на контролируемых территориях постоянного визуального наблюдения, здания на границе Ирландии и Северной Ирландии контрольно-пропу-

ских постов, пересечение которых людьми и транспортными средствами фиксировалось на центральном компьютере в режиме реального времени, что впоследствии позволило выявить подозрительных лиц и наиболее типичные методы инфильтрации.

В дополнение к специально подготовленным полицейским формированиям по борьбе с терроризмом в британской армии было создано элитное подразделение, получившее наименование SAS. Операции, проводимые SAS, засекречены и методы работы этой группы в открытых источниках не освещаются. По отзывам зарубежных специалистов, SAS является наиболее эффективно действующей антитеррористической группой вооруженных сил Запада. Известно, что аналогичные подразделения в США ("Дельта"), Германии (GSG-9) и Испании были созданы при прямом участии военнослужащих SAS.

Английские специалисты отмечают, что британской армии и Королевской Ольстерской полиции удалось предотвратить скоординированные вылазки ИРА в сельской местности и городах. По мере накопления информации о боевиках ИРА и методах их деятельности была решена задача предотвращения крупномасштабного терроризма в политических целях. Единичные акты насилия совершаются и до настоящего времени, однако активность экстремистов вынуждена была переместиться в область политической борьбы и попыток использования в своих целях партии Шинн фейн. В целом тактика "глубинной обороны" в сравнении с другими возможными путями разрешения кризиса оказалась наименее дорогостоящей и вполне приемлемой для основных субъектов политического процесса Великобритании;

6) экономическое поощрение антисепаратистских настроений путем финансовой поддержки развития Северной Ирландии в объемах, значительно превышающих помощь другим регионам Великобритании. В результате этого общий уровень жизни в Северной Ирландии, особенно в области социального обеспечения, превосходит существующий в Ирландии и, таким образом, население Ольстера, зная, что отделение провинции от Великобритании будет означать для него экономическую катастрофу, политически отвергает сепаратистские устремления;

7) дозированное освещение активности боевиков ИРА и других экстремистских организаций средствами массовой информации Великобритании.

После вынужденного согласия ИРА (сентябрь 1994 г.) на прекращение насильственных действий, обусловленного последовательной реализацией тактики "глубинной обороны" и комплекса иных мер нормализации ситуации, в феврале 1995 г. было подготовлено англо-ирландское рамочное соглашение об урегулировании североирландского кризиса. Острая борьба с применением обеими сторонами силы была переведена в русло сознательно растянутого во времени политического урегулирования.

Таким образом, зарубежный опыт борьбы с повстанческими формированиями и осуществления комплекса мер по нормализации политической обстановки на территориях проведения военных операций различного масштаба имеет универсальную самостоятельную ценность и должен приниматься в расчет при возникновении кризисных ситуаций в различных регионах России. Особое внимание следует уделять вопросам "кризисного управления", выхода из вооруженных конфликтов и методологии стабилизации внутривнутриполитической обстановки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сфера государственной деятельности по подготовке и ведению войны в современных условиях настолько расширилась и усложнилась, что во все большей мере подтверждает сделанный уже в прошлом столетии многими военными мыслителями вывод о невозможности разработки положительной теории войны в качестве опоры этой деятельности. По их мнению, настоящей опорой может служить только творческая личность, вооруженная разнообразными знаниями, навыками, опытом, талантом, природными и развитыми духовными качествами. Такой точки зрения придерживался и Клаузевиц, который, к тому же, утверждал, что теория не есть учение, а только рассмотрение¹⁶².

Косвенным доказательством этого тезиса может считаться аксиоматичное утверждение о том, что все боевые уставы и наставления пишутся кровью, так как каждая новая война начинается с багажом идей и опыта, порожденных последней. Действительно, ни одной теории вообще, ни одной инструкции не удалось в полной мере предвидеть реальный ход событий в конкретной войне.

В то же время такая логика не может служить основанием для отказа от новых попыток научного осмысления происходящего и проектирования будущего - хотя бы потому, что та же военная практика в первую очередь сурово наказывает за пренебрежение теорией.

Как было показано, дефицит теории, или хотя бы общих представлений, особенно остро проявился в столкновениях постоянной армии с иррегулярным противником, в борьбе с вооруженным освободительным движением, с повстанцами и партизанами. И если противостояние однотипных регулярных противников, постепенно и одновременно в ходе разгорающегося конфликта познающих его природу, выводило участников на сопоставимый уровень теоретического знания и практического опыта, то область освоенного нового в противопартизанской борьбе расширяется крайне медленно и так и остается повторяемым парадоксом. В силу этого данная область не может ни отвергнуть принципиальных черт предшествующей войны, ни убедить - в невозможности их повторения в следующей.

Отрицание и смена канонов в военном деле всегда шли замедленными темпами, и можно сказать, что устройство армий и правила их функциони-

рования за последние двести лет по существу не изменились. Тот, кто не согласится с этим утверждением, в поисках опровержения наверняка предложит обратить внимание на появление новых средств борьбы, на их неизмеримо возросшие поражающие свойства. В своем доказательстве он подойдет к нашим дням и к неизбежному выводу о том, что "война с широким применением обеими сторонами ядерного оружия ... становится самоубийственной нелепостью..."¹⁶³.

Очевидно, что такие рассуждения антиисторичны, потому что, во-первых, в прошлом однажды созданные орудия уничтожения непременно находили свое боевое применение, и, во-вторых, "ядерный тормоз" эффективно действует главным образом потому, что еще не создана адекватная новому оружию теория его применения. Именно поэтому владеющие им государства, участвуя прямо и косвенно в многочисленных войнах и вооруженных конфликтах и, следовательно, находясь в остром противостоянии друг с другом, старались не перешагнуть незримый, но угадываемый порог, за которым предчувствовалось соскальзывание в область пугающего неведомого. В критические моменты воля соперников оказывалась блокированной пониманием бесполезности даже многократного собственного превосходства над потенциальным противником, которое не снимало реальной угрозы быть уничтоженным им - известные законы войны решительно не позволяют рассчитывать на успех без благоприятного соотношения сил и средств.

В этом плане следовало бы считать "самоубийственной нелепостью" и бесконечный ряд вооруженных восстаний и партизанских войн, в которых соперники были также разновелики, как Давид и Голиаф, если бы не многочисленные примеры их успешного завершения. Примечательно, что на всех этапах такого рода конфликтов материально-техническое превосходство всегда оставалось на стороне регулярных войск.

Выдвинутый выше тезис о стагнации в развитии военного дела на фоне бурного совершенствования средств ведения вооруженной борьбы необходимо дополнить выводом о том, что и малая (иррегулярная) война, как военный метод, который Клаузевиц призывал цивилизованную Европу рассматривать в качестве прорыва, произведенного стихией войны в ограждавших ее искусственных дамбах, тоже весьма консервативна и даже архаична. Это проявляется в том, что принципы ее ведения неизменны на протяжении веков и подразумевают не борьбу машин и технологий, а живых людей. Она архаична уже в том, что за все это время прошла удивительно короткий путь эволюции средств борьбы: это путь от пращи до автомата, от лука до РПГ, от "волчьей ямы" до саперной мины. Природа такой войны заставляет и современного повстанца отказываться от соблазна иметь тяжелое современное вооружение, если оно переводит человека в подчиненное положение.

¹⁶³ Броди Б. Стратегия в век ядерного оружия. М., 1961. С. 234.

¹⁶² Клаузевиц. О войне. М., 1936. Т. 1. С. 131.

Действуя партизанскими методами, повстанцы формируют свою армию постепенно и рационально, не создают ничего лишнего и на данный момент бесполезного, но все имеющиеся скромные ресурсы в конечном счете обращают себе на пользу, в том числе и путем изъятия их у противника. Важнейший принцип партизанской войны - расчетливость и осторожность, но он не имеет ничего общего с пассивностью и капитулянтством. Игнорирование этого принципа влечет за собой поражение партизанского движения тяжелым недугом - партизанщиной.

Как было показано на ряде примеров, до сего дня технологии партизанской войны трудно противопоставить стандартную контртехнологию, кроме применения геноцидной стратегии и тактики, что в современных условиях чревато столь значительными материальными и моральными издержками, что в сумме они перевешивают допустимую цену победы. Именно поэтому в большинстве случаев добиваться умиротворения в конечном счете удавалось не военными, а политическими средствами, или разумным сочетанием тех и других. Не случайно генерал М. Драгомиров утверждал: "Успех войны и боя зависит не от количества материальных потерь, которые мы нанесли противнику, а от того, в какой степени мы поселим в нем веру в невозможность нам сопротивляться"¹⁶⁴. и если сегодня, как и столетия назад, партизаны смело бросают вызов регулярным армиям, то, видимо, потому, что не считают материально-техническое превосходство, организованность и дисциплинированность военных профессионалов достаточным аргументом для отказа от борьбы.

В борьбе с повстанцами и партизанами регулярные силы государства в еще большей степени, чем в войне с однотипной армией другой страны, не столько воевали, сколько учились воевать, эмпирически подбирая ключи к секрету победы над диковинным, непредсказуемым противником. Эта непредсказуемость и свобода выбора форм и методов сопротивления делают из партизана подлинного "иезуита войны", что в свою очередь предельно ограничивает возможность выработки универсальной системы контрпартизанских действий. Создание такой системы методом обобщения оправдавших себя в определенных условиях приемов едва ли приведет к полезным для войск результатам, так как таких приемов великое множество, а эффективность их зависит от динамично меняющихся обстоятельств конкретной обстановки.

Скорее всего, войска и впредь обречены проходить школу войны в ходе самой войны и своей кровью писать нужные боевые уставы. Однако процесс самообучения будет не таким затяжным и жертвенным, если начнется с солидного основания - с восприятия обманчиво бессистемных и спорадических проявлений характера иррегулярного противника как самостоятельного военного метода со своими законами, ритмом развития и условиями применения. Не ослепленный высокомерием, обязанностью механиз-

чески следовать догматам правильной войны и, что еще лучше, побуждаемый к творческому поиску и свободе действий военный профессионал имеет больше шансов проникнуть в логику своего противника.

Например, зная об "асимметричном", "паразитарном" характере партизанской войны, он уже не будет во всех случаях наступать напролом сосредоточенными группировками, проваливаться при этом в пустоту и подставлять свои фланги и тыл. Он не будет отряжать массы войск на поиск противника и его бесполезное кольцообразное окружение. Скорее, он создаст надежную систему охраны и обороны важнейших объектов и тем самым вынудит партизан войти в заранее подготовленные зоны поражения, или свернуть боевую деятельность, что чревато перерождением повстанчества в бандитизм. Зная об абсолютной зависимости повстанцев и партизан от населения, основные усилия он направит не на их поспешную ликвидацию, а на устранение породивших конфликт причин и на проведение военно-гражданских акций. Осведомленный о том, что традиционно организованные и подготовленные регулярные войска не приспособлены к эффективному решению боевых задач в условиях малой войны, военный профессионал не допустит реформаторских импровизаций в ходе конфликта, а проведет необходимые мероприятия заблаговременно.

Характер такого трансформирования противоречит устоявшимся представлениям о признаках боеспособности регулярных войск: из боевого состава выводятся тяжелое вооружение и техника, подвергается децентрализации система управления, видоизменяются боевые порядки, в целом отвергается идея о постоянстве и унификации организационно-штатного устройства, а также приемов и способов борьбы.

Известно, что ведущие зарубежные государства органично интегрировали известные принципы и опыт малой войны в национальные военные доктрины, используют их при строительстве и применении вооруженных сил, придавая им тем самым гибкую упругость и большее соответствие всей гамме ныне существующих угроз. При этом особо учитываются такие свойства малой войны, как экономичность военных действий при почти неограниченных возможностях варьирования их интенсивности и форм - действия одиночек и мелких групп, самостоятельные военизированные отряды и организованное масштабное сопротивление массы гражданского населения, частные акции подразделений регулярной армии и крупные специальные войсковые операции, ограниченные диверсионно-террористические мероприятия и масштабное взаимодействие специализированных структур с силами армии и внутренней безопасности. И все это может действовать как разрозненно, так и одновременно по единому плану и способно предопределить исход кампаний и войны в целом без вовлечения всех вооруженных сил.

В итоге понимание этого увеличивает возможность не только предотвращать такого рода конфликты и добиваться в них успеха, но и применять

¹⁶⁴ Цит. по: Российский военный сборник. Выпуск 9. М., 1995. С.159.

технологии управления ими в геополитическом измерении. Очевидно, что владеющий такими технологиями располагает неизмеримо большими возможностями влияния на международную и внутривнутриполитическую стабильность, чем склонный рассматривать череду событий такого рода как цепь неблагоприятных случайностей. Об этом, в частности, говорил министр внутренних дел генерал армии А.Куликов на всеармейской встрече участников боевых действий в Чечне и в других "горячих точках". "Что такое малые войны, какова роль этих самых "горячих точек"? - призывал он задуматься над новым для страны фактором военно-политической действительности. - Враги России превратили возникновение "горячих точек" в инструмент развала России, они научились строить из этих точек дуги нестабильности, соединять их в зоны напряженности, и все это с одной целью: распада России, чтобы взорвать ее и расколоть"¹⁶⁵.

Мировой, включая отечественный, опыт свидетельствует, что мятежи и восстания, рост преступности и сепаратистских устремлений неизменно сопутствуют периодам болезненного состояния общества и ослабленности государства, своеобразно сигнализируют о приближении кризиса, когда еще может и не быть видимых признаков государственного неблагополучия. Именно государственная слабость обычно выступает главным вдохновителем восстаний и способна вновь и вновь, несмотря на предыдущие поражения, стимулировать антигосударственные попытки, а при определенных условиях стать катализатором и других деструктивных процессов и даже главной причиной крушения государственности.

Развитие конфликта в Чечне вопреки его ограниченным масштабам привело к несоразмерным последствиям и в основных проявлениях почти скопировало все принципиальные черты войны в Афганистане. Таково мнение самих участников боевых действий, которые к тому же утверждают, что опыт Афганистана оказался полностью забыт. Тем самым Россия в очередной раз подтвердила справедливость известного суждения о том, что не помнящему истории суждено пережить ее заново.

Остается надеяться, что в увязке с афганской драмой Чечня, равно как и другие очаги напряженности вокруг России, обратят внимание на неприемлемость такого положения, при котором малая война продолжает находиться за пределами военной науки, необоснованно обособляется и устраняется из общей системы оборонного строительства. Это положение резко контрастирует как с уровнем и характером обозначившихся военных угроз, так и со степенью проработанности данной проблемы за рубежом.

Это и еще одно обстоятельство, которое делает совершенно неотложным решение задачи рационального реформирования системы национальной безопасности, что не первый год обозначено как важнейшая цель государственной политики. Уже увидели свет различные проекты, представляющие при ближайшем рассмотрении всего лишь технические планы частной

¹⁶⁵ Цит. по: Советская Россия. 1996. 31 октября.

реорганизации отдельных элементов старой системы, но не модели рождения новой. В них, как и прежде, нет места для концепции малых войн, в полосу которых впервые за многие годы Россия втягивается в качестве непосредственного участника.

Если принять во внимание, что природа этой разновидности опасности не подвержена влиянию времени, почти не ограничена рамками каких-либо региональных и иных особенностей, то, естественно, первым шагом на пути к устранению указанного пробела должно стать обращение к истории и восстановление малой войны в системе военных знаний.

Такую цель и преследовала данная работа. Сочувственный интерес к освещаемым в ней вопросам будет означать, что эта цель достигнута, а вслед за историческим анализом должен незамедлительно наступить этап специальных исследований, внедрения полученных результатов в сферу военного образования и в практику подготовки штабов и войск, распределения обязанностей и организации комплексного взаимодействия между собой всех структур государства, функционально отвечающих перед обществом за безопасность его граждан, территориальную целостность страны, стабильность ее внутреннего развития и неуязвимость международного положения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	-5
ГЛАВА I. ПАРТИЗАНСКОЕ И ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ	14
1. Мировой опыт создания и действий импровизированных иррегулярных армий	14
2. Современный отечественный опыт борьбы с партизан- скими и повстанческими движениями	47
ГЛАВА II. СУЩНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОГО И ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ВОЕННОГО МЕТОДА	60
1. Фазы развития, организация и особенности действий иррегулярных формирований	60
2. Регулярные войска в борьбе с партизанами и повстан- цами: причины неэффективности "правильной" войны против "неправильного" противника	81
ГЛАВА III. ИЗУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ПРОТИВОПОВСТАНЧЕСКОЙ И ПРОТИВОПАРТИ- ЗАНСКОЙ БОРЬБЫ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ПРИМЕНЕНИИ РЕГУЛЯРНЫХ ВОЙСК	102
1. Эволюция взглядов на противоповстанческую и противопартизанскую борьбу, формы и способы ее ведения	102
2. Строительство и подготовка вооруженных сил государ- ства, особенности их применения в борьбе с повстанцами и партизанами	138
3. Роль невоенных методов борьбы с партизанами и повстанцами	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188